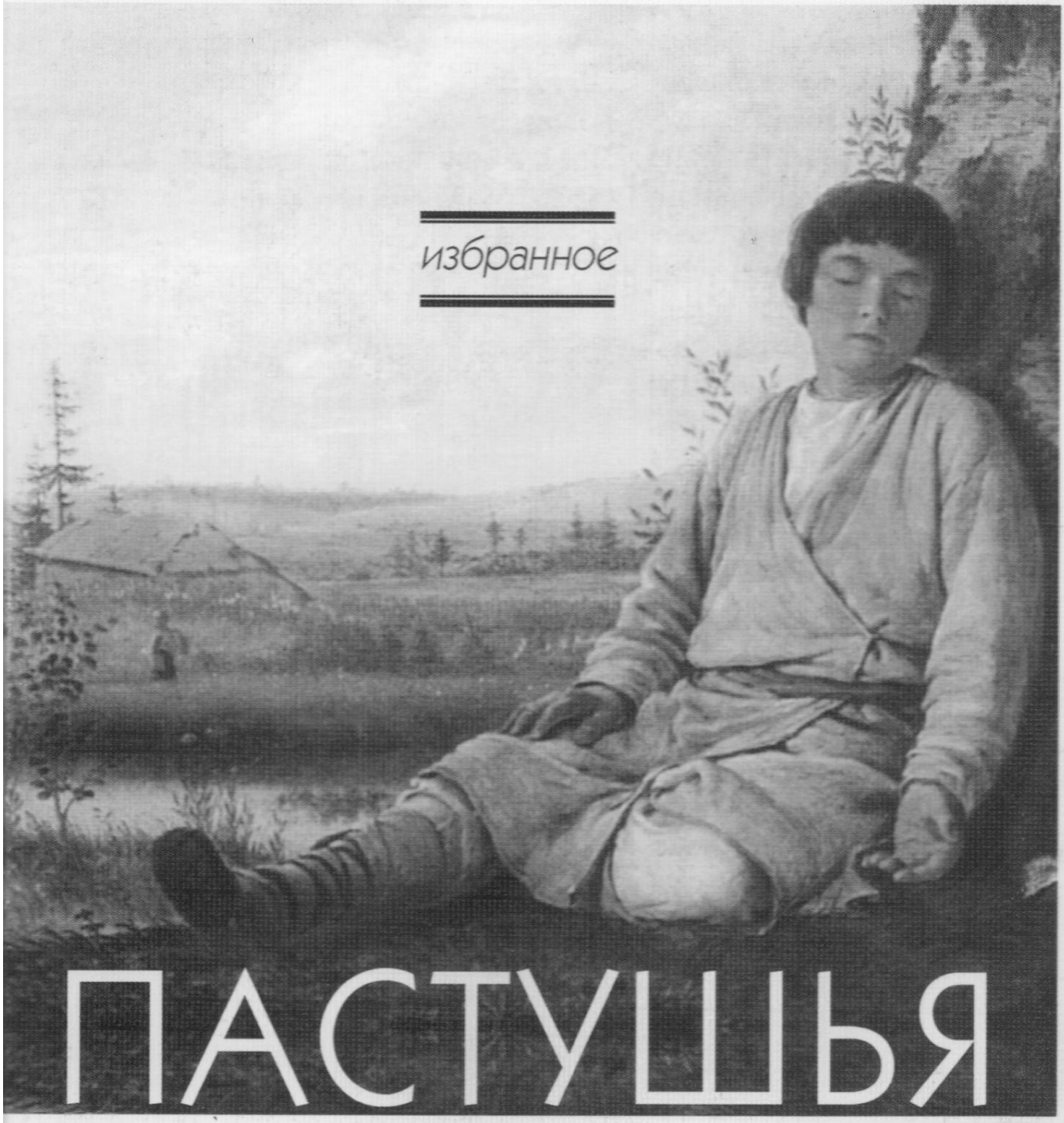
ИВАН АЛЕКСАНДРОВ

избранное

ПАСТУШЬЯ СУМКА

84(2Рос=Рб
А 46 - ЦБ

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ

ПАСТУШЬЯ СУМКА

избранное

ОРЕЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВЕШНИЕ ВОДЫ"
2010

- 6нтэ1-4

ББК 84(2р)6
А 46

А 46 **Александров И.В.**
Пастушья сумка. Избранное.
Орел: Издательство "Вешние воды". 2010. — 464 с.

ISBN 978-5-87295-248-0

Эта книга Ивана Александрова (1932—2010) — итог многолетней творческой работы. Это не просто избранные страницы из лучших книг — это сердечный сплав высокой лирики и страстной полемики с эпохой. Рассыпанная в стихах мозаика воспоминаний и мнений, переживаний и убеждений складывается в лирический эпос — судьбу поэта.

За верность поэтическому призванию и приверженность классической традиции Ивану Александрову в 1997 году присуждена литературная премия имени Афанасия Фета.

ББК 84(2р)6

Редактор В.А. Ермаков
Дизайн: А.А. Ермакова

В оформлении использованы картина А.Г. Венецианова "Спящий пастушок" и материалы из личного архива автора.

ISBN 978-5-87295-248-0

© И.В. Александров (наследники), 2010
© А.А. Ермакова, дизайн, 2010
© А.П. Литюга, оригинал-макет, 2010
© Издательство "Вешние воды", 2010

ПАСТУШЬЯ СУМКА

ЯСНОСТЬ

Поэтика и прагматика Ивана Александрова

1

На фоне приблизительности мыслей и расслабленности речи, поразивших пышным пустословием запущенное нерадивой критикой литературное поле, поэтика Ивана Александрова поражает точностью и чёткостью. Я бы осмелился сказать — бедностью, если бы имел надежду быть правильно понятым. Не той бедностью, что от нищеты и убогости, а той, что от многой мудрости и гордой печали. Так чисто и аскетично живёт дух, переживший и отринувший соблазны стяжательства и прелести тщеславия. Поэтика Ивана Александрова удивляет цельностью. Сосредоточенностью, которая кажется лёгкостью. Техникой письма, которая настолько привычна перу, что почти не видна в почерке. Ни нажима на приём, ни вычурных завитушек вокруг да около. Стратегическая задача, которая решается этой поэтикой, — удержание безымянной высоты традиции от захвата бандами литературных мародёров.

Иван Александров стремится минимальными техническими средствами добиваться максимального художественного выражения. Помня, что аффект ещё не эффект, поэт не трубит в медные трубы, но собирает в мелодию звуки знакомые и простые, добиваясь проявления гармонии в обыкновенном и повседневном. Поэт нигде не покупается на громкую или модную фразу: он хранит верность языку, проверенному в фольклоре и устоявшемуся в современности. Его текст — доверительное обращение, адресованное не начитанному читателю, а чуткому и вдумчивому. Прежде всего современникам и землякам.

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.

Иван Александров настоящий русский писатель-реалист; это значит среди прочего, что темой и содержанием его творчества является реальность настоящего. Русский до последней кровинки, он не подменяет действительность милыми сердцу картинками былых пасторалей. Его Россия, прошедшая огонь и воду, не гордая сказочная красавица и не деревенская доверчивая дура — она просто Россия. Не лапотная и не лубочная, а облапошенная и оболганная, многострадальная и долготерпеливая, общая всем нам и единственная для каждого. Дубки, Лужки и Скородинку, как и Мценск и Орёл, населяют обыкновенные люди, герои и горемыки, трудяги и бродяги, злые и добрые, а чаще то добрые, то злые по случаю. То есть такие же, как мы все. (*Мы не очень знамениты // И не шибко прыткие. // Но и мы не лыком шиты, // А суровой ниткою*). Стихи Александрова о них и для них. Моральный посыл его гражданской лирики ясен и прост: любите родину в богатстве и бедности и во всяком случае будьте бережнее друг к другу.

Не спрямляйте реки, человеки!
Кривизна — от Бога — хороша.
Даже в идеальном человеке
Дьявольски извилиста душа!

Отнюдь не наугад книга 1997 года была наречена автором коротко и просто: "Свет". Это очень идущее к его поэзии название. *Свет* как цель и ценность, как зримый символ добра. Оттого в его поэтике *ясность* — главная эстетическая категория. Суть поэзии Александрова — прозрачность: текст как бы исчезает — суть видна вся и сразу. Оттого неглубоким критикам его стихи кажутся слишком простыми.

Но близость дна, доступность смысла в его стихах обманчива, — просто просвеченная насквозь глубина не давит на душу, а радует её. Так стоит вода у родникового истока.

Следующая книга, "Пучок калины" (2001), развивала найденные темы по всему поэтическому диапазону — от ностальгической нежности до злободневной саркастичности. Книги "Вербный родник" (2007) и "Багряные листья" (2008) — продолженье судьбы поэта в наши дни. Среди тщеты и суеты независимая муза Ивана Александрова в строгости обета блюдёт свою чистоту. Иногда она чересчур резка и категорична; что ж, принимайте как есть.

Сила поэта (а порой его слабость) в его убеждённости. Коммунист, атеист — советский человек, но не совок! — поэт не разменивает своё внутреннее достоинство на внешний успех. Нет, он не отодвинут в тень наших дней: почётный гражданин города Мценска, лауреат премии имени Фета, авторитетный писатель Иван Александров не из тех, кто пасует перед обстоятельствами. Его жизнь сложна, но сложена по его нраву. Упрям и напорист, он не отделяет в себе вдохновение от гражданства. Иван Александров глубоко укоренён в родной почве. В его простоте видна порода, равноудалённая от дури и от спеси. Поэтика обыкновенной жизни крепко замешана на прагматике. Труженик пера Иван Александров упрямо хозяйствует на своем клочке родной земли. Не Иван-царевич, не Иван-дурак — Иван-поэт. Уроженец и самодержец *суверенного уголка* — села Гудиловка, открытого им для поэзии и нанесённого на литературную карту России. Лучшие строки те, в которых мать, деревня, поэзия и Россия — одно.

Теперь у нас в Гудиловке
Сугробы выше крыш,
И ты на той развилке
Печальная стоишь...

Теперь у нас в России
Зима, зима, зима.
И я от ностальгии
Во сне схожу с ума.

2

Книга как таковая не только акт творчества, но и факт культуры. И в этом плане поэтические книги Ивана Александрова "Свет" и "Пучок калины", "Вербный родник" и "Багряные листья", написанные на рубеже веков и на переломе времен, не просто выделяются — они чётко отделяются от нынешнего пышного цветения пошлости. Новая книга как бы завершает зрелый период творчества, подводя предварительные итоги. Отходит случайное и сиюминутное. В избранности стихов тверже прописывается горечь и выше поднимается печаль. За минувшие годы корни его творчества ушли еще глубже в почву родной речи — в земную тяжесть крестьянской жизни. Ибо его поэтика есть прагматика. И наоборот. Биография поэта — его библиография. Эта истина равно верна в обе стороны. И все же... Вот вехи, по которым можно размечать его жизнь и творчество.

Гражданин СССР Иван Александров родился 15 февраля 1932 года в деревне Гудиловке Мценского района Орловской области Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Ни одного пункта из адреса своей малой родины, поэтапно переходящей в большую, он уступить без боя не хочет. Это кредо. Запальчивость, с которой он судит историю, вполне оправданна с точки зрения человека, ни за понюх пороху лишенного советского гражданства. Но как бы то ни было, вернуться на историческую родину ему не дано, ибо она не за горами, не за морями, а безвозвратно затонула в течении времени.

Крестьянский сын Иван Александров родился на Сретенье, когда зима встречается с летом. Бабушкины сказки встречались в воображении ребенка со школьными уроками, и Бог весть какая каша варилась в его голове... А потом война, которая, как известно, все спишет. Вот и списала она Иваново детство в сплошные убытки. Подробности — в стихах. Поэтика военного детства — прагматика выживания маленького человека в экстремальных условиях.

Русский поэт Иван Александров родился между орловским детством и тульской юностью. Его творческая манера одним концом упирается в озорные частушки и лирические страдания сельского праздника, а другим — в лекции и семинары филологического факультета педагогического института. Его поэтика — это такое широкое коромысло с двумя ведрами воды, зачерпнутыми доверху ... одно — трезвой водой из деревенского родника, а другое — хмельной влагой из Кастальского ключа. Сам поэт, ростом и статью не выделяющийся, не ропща, несет двойную тяжесть, стараясь удержать равновесие между хулиганским началом вечного пацана и строгим педантизмом школьного учителя.

Почетный гражданин города Мценска (и Мценского района) Иван Александров отсчитывает свои труды и дни во благо города с 1958 года. Прагматика дела — польза людям. Был учителем, директором школы, инспектором отдела народного образования. Но главное — писателем. Спасателем уходящей памяти своего века. Сказителем беды русской деревни. Свидетелем бесславного конца тысячелетнего сельского мира.

Был жгучий ветер в стельку пьян,
Хватив чужого горя:
Зловеще полыхал бурьян
На брошенном подворье.

Вот он, зримый образ экологической и социологической катастрофы. Не мировой пожар, не зарево адского пламени — куда скромней... куда страшней: разбойный красный петух, вольготно гуляющий по выморочному хозяйству. Какого еще страха Божия вам надо? Больше ничего не будет. Дальше — тишина, в которую блудный сын разве что зайдет ненароком.

Забил осот отцовский огород,
И заблудились яблони в бурьяне.
Сюда порою память забредет
С початою чекушкою в кармане.

Вот она, русская тоска, во всей полноте и простоте. Куда ей еще податься, как не в потерянный рай босоногого детства? И куда от нее деться блудным детям родной природы? Душа, сосредоточенная в себе, хочет — и не может! — разорвать круг одиночества.

Заметает округу метель,
Забивает дорогу, как строчку.
Даже мертвый вступает в артель! —
Как же можно живым — в одиночку!

Смерть бывает красна на миру.
В одиночестве — некрасива.
Я, наверно, в деревне умру
В окруженье берез и осинок.

Какой волнующий сбой размера в короткой строке о смерти: *В одиночестве — некрасива.* Это не просто пропуск очередного метрического ударения, — это перебой сердечного ритма ... это сбой дыхания ... потому что то, что сказано, сказано всерьез. В его стихах поселилось как бы само собой то, что не нашло себе места в планах и отчетах социализма, то, что осталось забытым в тылу реформы. То, что не может назвать себя, а только воет вьюгой в печную трубу, или кружит с осенней листвой над заросшими лебедой огородами, или истекает слезной сыростью в разграбленных погребах.

3

Поэт — это голос природы, взятый в кавычки культуры.

4

Это последняя авторская книга поэта. Несколько лет Иван Александров работал над тем, чтобы составить из написанного *избранное*. Это не значит, что в книгу вошли *все*

лучшие стихи; за рамками этого сборника осталось несчетное множество прекрасных строк. Это означает, что в последовательности стихотворений, собранных в эту книгу, поэт видел наиболее верное отражение своего творческого пути.

Название сборника как нельзя лучше передает основные моменты поэтики Ивана Александрова: ясность и точность, сдержанность и верность. *Пастушья сумка*, скромный цветок, приютившийся у проселочной дороги, с большей символической силой выражает суровую простоту и скрытую красоту русской сельской жизни, чем сорные васильки или горькие ромашки. Пастушья сумка Александрова так же пахнет солнечной пылью и коренится в настоящей жизни, как подорожник Рубцова. А второй, буквальный смысл заглавия отсылает к прагматике деревенского обихода: в пастушью сумку ничего лишнего не кладут. Только самое главное. Только самое нужное, без чего дня не прожить. В эту книгу сложены строки, идущие от сердца. Не выстроенные в стихи, а выстраданные.

Хожу-брожу как неживой,
Ступаю слепо.
И кажется над головой
С овчинку небо.

Уплыли в вечность журавли
И день вчерашний.
Пастушьей сумкой заросли
Луга и пашни...

Судьба поэта впитывает его жизнь, как бумага втягивает в себя чеканные строки. Слова и образы, слова и вещи, слова и годы сближаются и соединяются в бесконечном поэтическом мире. Вплоть до полного совпадения. И тогда прозрачные слова, исполнившие свою миссию, как бы исчезают и в мире вечных вещей наступает ясность. Это же так просто, так понятно... и так удивительно! Что может быть чудеснее обыденного?

Сулило утро непогоду
Благим прогнозам вопреки,
И облака по небосводу
Сновали, словно челноки.

Пылал закат у перелеска,
Под горкой плавилась река,
И солнце, словно медь, до блеска
Натерли за день облака.

Им далеко еще до дома,
И, продолжая долгий путь,
Они на кромку окоема
Присели малость отдохнуть.

Что может быть яснее слова, сказанного как бы само собой? Что может быть вернее жизни, прожитой по совести? Что может быть важнее насущного, явленного во времени? Хлеб и вода, покой и воля, жизнь и судьба...

Если поэзия еще возможна для нас, то вот она. Не где-то в эмпиреях Святой Руси, не в заманчивых заграницах, а здесь, в родных палестинах. Здесь и сейчас.

Владимир Ермаков

Из книги "СВЕТ"

*

1997

Земляки

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Узнали бы только на родине,
А где-то успеют у знать.

А здесь-то в года завирухи
Протопали мы босиком.
Я с детства во мценской округе
С любой деревенькой знаком.

Я в дружбе с любой луговиной,
Приятель для каждой тропы.
Сорочий зовет по малину,
Осинковец — по грибы.

Взойду на лесную опушку,
Присяду в тени у куста,
Знакомая с детства кукушка
Желает не менее ста.

Здесь даже зверье и пичуги
Считают меня земляком.
Ах, с кем не знаком я в округе! —
С любою собакой знаком.

Бывает, конечно, бывает:
В какой-то неласковый час
Звягливая Моська облает,
Но Тузик мне лапу подаст.

И мне под родительской крышей,
И мне у заветной ветлы
Не нужно признания выше,
Достойнее похвалы.

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.

* * *

Легли налево и направо
Моей поэзии края,
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.

Её граница вьётся сушей,
Петляет от реки к реке,
Пройдя по Снежеди и Зуше,
Красивой Мече и Оке.

Земля Тургенева и Фета
Известна далеко вокруг.
Тепло поэтами воспета
Её столица — Бежин луг.

Вы не найдете в целом мире
Таких лесов, таких полей,
Такой бездонно-синей шири
С прощальным криком журавлей,

Душа невольно замирает,
И радость светится в глазах:
Опять рябина полыхает
В осенних трепетных лучах.

Благослови меня, как сына,
На честный труд и честный бой,
Моя багряная рябина,
Моя надежда и любовь.

Дым Отечества

Памяти Г.Ф. Соловьева

То от Холопьева моста,
То с улицы Тургенева
Пахнет в лицо дымком костра,
Дымком костра осеннего.

Потянет свежестью реки,
Горчинкой полынковою,
И обветшалостью стрехи,
И стружкою сосновою.

Запахнет русской стариной,
Густой медовой бражкою,
И свежей корочкой ржаной,
И давней кавардашкою.

И снова на закате дня
Сквозь дым и расстояния
Из детства хлынут на меня
Волной воспоминания.

Возникнет в памяти моей
Зеленый выгон в Минине:
Дымки костров у шалашей
За фронтовою линией.

Июньский вечер тих и свеж,
Луна леском погашена.
И варят беженцы кулеш
У каждого шалашика.

И вот опять горят костры
Над Ядринкой и Зушею,
И терпкий дым иной поры
Заполоняет душу мне.

И вдруг поймешь на склоне дней,
Что с самого младенчества
И сладок он душе твоей,
И горек — дым Отечества!

Легенда о Кукше

То водой, то сушью,
Сквозь собачий лай
Пробирался Кукша
В вятический край.

— Киев-град стольный
Жалует сюда! —
Встретил хлебом-солью
Кукшу Борода.

Для такого гостя,
Расшибая лбы,
Брали на погосте
Белые грибы.

Кто-то с луком крался
К беличьей сосне.
Кто-то спешно мясо
Жарил на огне.

Был напиток бражный,
Было яств — не счесть,
Был великий праздник
В Кукшину честь.

Ну а Кукша мрачен,
Кукша удивлен.
— Вы меня дурачите? —
Обозлился он.

Гаркнул Кукша зычно,
Плюнул вниз с моста:
— Дьяволы, язычники,
Нет на вас креста!

— Где же Божье дело? —
Разъярился гость. —
Перебить всех белок?
Распахать погост?

Был тот окрик грозен,
Гневен и горяч.
Кто поклоны оземь,
Кто в истошный плач.

Горько иноверцам:
В чем их страшный грех?
Ведь они всем сердцем
Привечают всех.

— Что вы, черти, плачете? —
Рявкнул Борода. —
Не плошайте, вятичи!
Чуете: беда...

... Где Сухая Зуша
Прорезает лес,
Проповедник Кукша
Под мостом исчез...

Самород

Жили-были на Мецне
Мирные мецняне.
Жгли костер при луне
На большой поляне.

Полыхал в лесу костер
Высоко и рьяно.
Шел серьезный разговор
Против басурмана.

Доложил опять дозор,
Что из степи дикой
Надвигается разор
И полон великий.

Укрывался народ
От раскосой тучи
На горе Самород,
На высокой круче.

Наточили топоры,
Навострили стрелы,
Чтобы встретить у горы
Супостата смело.

Обложил Девлет-Гирей
В ночь глухую крепость.
Сон упрятал меж бровей
Лютую свирепость.

Был внезапен удар
Храброй мценской рати.
Потопил в реке татар
Воевода Татев.

Много лет кривился рот
У Девлет-Гирея:
— Кто о Мценске помянет,
Тот лишится шеи!

Лес шумел за рекой,
Грозный и дремучий.
Снова с юга над горой
Зависали тучи.

Разбивался вражий сброд,
Что валил веками,
О гору Самород,
О святые камни.

Предок

Амчанина тебе во двор!
Старинная поговорка

Славился в округе
Давний предок мой
Бесшабашной руганью,
Удалью лихой,

Был неотразимо
Ловок и хитер.
Подводила сила —
Выручал топор.

Был он вороватый —
Близко не клади.
Жили цыганята
У него в груди.

Не сули амчанина
Никому вовек,
Предок был отчаянный,
Грешный человек.

Многого не требовал:
Шил, точал, ковал
И насущным хлебом
Бойко торговал.

Был кацап кацапом,
Бражничать любил,
Часто бабу цапал,
Во хмелю лупил.

Проживала шалость
У него в роду,
И купца, случалось,
Тряс за бороду.

Не сули амчанина
Никому вовек,
Предок был отчаянный,
Храбрый человек.

В древнем шлеме конника
Стлался над землей.
Соловья-разбойника
Усмирял с Ильей.

Верою и правдою
Он служил Москве,
Где-то за Непрядвою
Всыпал татарве.

Ни кромским, ни чернским
Спуску не давал,
Если кто амченских
Срамно обзывал.

Я и сам отчаянный,
Лучше не трави.
Что-то от амчанина
У меня в крови.

* * *

Там, где Ядринка петляет,
Там, где вьётся Студенец,
То гармошка зарыдает,
То запляшет бубенец.

Это верно:
Предки знали,
Как им праздники справлять,
Чем гасить свои печали,
Где им жажду утолять,

Ведь живет молва поныне,
Что из этого ручья
Пил Микула,
Пил Добрыня,
Причащался сам Илья.

Ключ студеный,
Ключ ядреный,
Ключ былинно-зоревой,
Я пришел к тебе с поклонной,
С побелевшей головой.

Там, где Ядринка дымится,
Где клубится Студенец,
Любо-мило причаститься,
Осушить до дна корец!

* * *

Я детскими наивными глазами
Глядел завороженно на портрет,
Где человек с колючими усами
Покуривает трубку много лет.

Тот человек, одетый в строгий китель,
Мне был дороже, чем отец родной.
Я, несмышленый, ничего не видел,
Что у отца творилось за спиной.

Еще не скоро слезет он со стенки,
Когда дойдет до моего ума,
Что были за спиной его застенки,
Этапы, Магадан и Колыма.

Я ничего не знал о страшном горе
И не сводил с него влюбленных глаз.
Мы в детстве все переболели корью
И вряд ли заболеем еще раз.

* * *

Люди носят ожоги
До могильной доски,
Потому что не боги
Обжигают горшки.

Люди носят ожоги
На руках, на губах.
Жгучий ветер эпохи
Застревает в сердцах.

Люди носят ожоги
От обид и разлук,
От недоброй дороги
И неласковых рук.

Люди носят ожоги
От огня и сурьмы,
Потому что не боги —
Обжигаемся мы!

* * *

Всё смешается во мгле —
Быль и небыль.
Жил и не жил на земле,
Был и не был.

Если пылко не любил,
Страсть не ведал,
Значит, юность загубил,
Душу предал.

Если жил среди людей
Одиночкой,
Значит, был для них ничей,
Мертвой почкой.

Если кровь и лебеду
Не отринул,
Значит, общую беду
Сердцем принял.

Если доброе зерно
В жизни сеял,
Значит, в мире заодно
Был со всеми.

Если спутники во мгле
Нам светили,
Значит — жили на земле,
Значит — были!

* * *

В семью рабочую зачислена,
Нагрянет в парк в субботний день
Братва из Тёплого и Кислино
И прочих дальних деревень.

Сойдясь за доброй кружкой пива,
Припоминают земляки
И деревенские мотивы,
И родословные пеньки.

И словно в давней деревушке,
Где был бедовый пятачок,
По вечерам звенят частушки
И каблучок — о каблучок.

Еще живет обычай древний
И прошлых лет не стерся след.
В любом подъезде тут деревня
И в каждом доме — сельсовет.

И вовсе не беда, что ныне
У них особая страда:
Ребята плавят алюминий
И бьют рекорды иногда.

Их не балуют шибко славой,
Но дружно верят в их успех
И вся рабочая держава,
И боевой плавильный цех.

* * *

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Озорной листопад.

Листья весело кружатся
У людей на виду,
Оседая на лужицы,
На дорожки в саду.

Небо дышит прохладою,
Дождь стучит по плащу.
Ни на что не досадую,
Лишь украдкой грущу.

Где ты, вешняя звончатость,
Переливчатый смех?
Вот и молодость кончилась,
Скоро выпадет снег.

Скоро всё запорошится:
И кусты, и трава,
И сырые дорожки,
И моя голова.

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Золотой листопад.

Журавленок

Николаю Старшинову

Отстал от стаи журавленок,
Присел на Бежином лугу
Среди кустов его зеленых,
Столпившихся на берегу.

Я головой ему киваю,
А он не хочет улетать.
Видать, он сам покинул стаю,
Своих товарищей и мать.

Ах, несмышленый, несмышленый,
Не миновать тебе беды.
А он стоит, завороженный,
У голубеющей воды.

Ну что же, дорогой, ну что же,
Рискуй во имя красоты.
Я сам с чудачествами тоже,
Я сам дурашливый, как ты.

Чудак

Сергею Швецу

Городок,
Сиренью запорошенный,
Я вернусь когда-нибудь опять,
Чтоб, как в детстве,
Голыми подошвами
Твой асфальт шершавый целовать.

Может статься,
Опьяненно-трезвый,
По дождю, по лужам, прямиком
Побреду по улице известной —
Да при всем народе! —
Босиком.

Буду тихо плакать и смеяться,
Позабыв, что — можно,
Что — нельзя.
Недруги подпрыгнут от злорадства,
Схватятся за голову друзья.

Отрешенный и непогрешимый,
Буду шатко уходить вперед.
Чья-нибудь знакомая машина
Чудака в дороге подберет.

Я еще до дома не доеду,
А повсюду разнесется слух.
Позовет в больницу на беседу
Мой давнишний ученик и друг.

Я приду,
Скажу ему:
— Сережа,
Самый золотой из докторов,

Понапрасну ты меня тревожишь:
Я вполне нормален и здоров.

Мне бы обезуметь в самом деле
От житейской смуты и обид,
Да не время, брат, для канители,
Да мужская гордость не велит.

Просто в жизни многое не спелось,
Что уже не спеть и не сыграть,
От того, как в детстве захотелось
Пятками асфальт поцеловать.

Ничего со мною не случится
В грустном одиночестве моем.
Может, только матери приснится
Босоногий мальчик под дождем.

Имя

Ивану Панькину

В нашей жизни всякое бывает.
Не грусти и не печалься, брат,
Что теперь всё реже называют
Этим тихим именем ребят.

Не пропойцы мы и не пройдохи,
Ничего от мира не таим.
На виду разборчивой эпохи
С воротом распахнутым стоим.

Это злые люди рассудили,
Что душевность хуже воровства,
Что Иваны — это простофили
И не помнят своего родства.

Нас лишали имени и отчеств,
Сказок наплели и небылиц.
Сколько было всяческих пророчеств —
Никакие бредни не сбылись!

Сосчитай-ка,
Сколько за Россию
Полегло её богатырей.
Это имя горько оросили
Слезы скорбных жен и матерей.

Недруги забыли почему-то,
Что Иван в царевичах ходил,
Что его в тяжелую минуту
Даже серый волк не подводил.

Ну а в жизни
Всякое бывает.
Не грусти и не печалься, брат,
Что теперь всё реже называют
Этим славным именем ребят.

Бежин луг

Николаю Брауну

Всё та же даль,
Все то же поле,
Всё той же речки полукруг.
Душа заходится от боли,
Когда увижу Бежин луг.

Всё так же светится в тумане
Среди дубов, среди ракит
Костер моих воспоминаний,
Моих негаснущих обид.

Мои друг веселый и угрюмый,
Я завернул опять к тебе,
Чтоб поделиться горькой думой
О неустроенной судьбе.

Прости, что выслушать заставил,
Что запоздалый гимн пою,
Что безрассудно тут оставил
Любовь и молодость свою.

Давай-ка лучше вспомним снова
Среди житейских грустных дел
Того, кто нежно и сурово
Тебя прославил и воспел.

Горит и светится в тумане
Над ворохом обид и ссор
Костер иных воспоминаний —
Святой тургеневский костер.

* * *

Гляделись звезды робко в Снежедь,
Дремали кони на лугу.
Всю ночь, распугивая леших,
Горел костер на берегу.

Струился дым белесой лентой
И уплывал по сторонам.
Ребячьи сказки и легенды
Мешались с дымом пополам.

А у костра, поджав колени,
Не опуская добрых глаз,
Сидел задумчивый Тургенев
И слушал будущий рассказ.

* * *

Хрустели под ногами тени,
И уползал в луга туман.
Спешил сюда Иван Тургенев
И вновь садился за роман.

И снова пылко спорил Рудин
О смысле жизни и борьбы.
И был тот спор горяч и труден
И распирал обоим лбы.

А липы слушали в печали
Довольно странный разговор
И лишь макушками качали —
И так качают до сих пор.

Струится свет ветвисто-ломкий,
И под зеленый шум и скрип
Стоят и слушают потомки
Воспоминанья старых лип.

Теперь спешит сюда полсвета,
И вот уж более ста лет,
Как продолжается беседа,
И окончанья спору нет...

* * *

Я останавливаюсь снова
У старых лип и тополей.
Здесь дома барского подкова
Была неволей для людей.

Метался стон в округе спасской
И растворялся без следа.
Лишь несмываемою краской
Цветы сгорали от стыда.

* * *

Никак найти не удается,
Никак приметить не могу
У Варнавицкого колодца
Следы легенды на лугу.

А я брожу, забыв усталость,
Чтоб этот миг запечатлеть.
Над Спасским молния взвивалась,
Как лутовиновская плеть...

* * *

Прикрыв колени легкой шалью,
Тяжелых не смыкая век,
Тоской терзался в Буживале
Больной, усталый человек.

Недугом скованное тело
Не ощущало ничего,
А сердце ласточкой летело
В родное Спасское его.

* * *

Городок — столица захолустья —
Задремал у зушских берегов.
Веяло сиреневою грустью
От его задумчивых садов.

Как об этой прелести расскажешь?
Человек дивился и молчал:
Видел он чудеснее пейзажи,
А роднее этих не встречал.

* * *

В конце весны,
В начале лета
В погожий день,
В ненастный день
Цветет сирень в усадьбе Фета,
Цветет в Козюлькино сирень.

Сюда отчаянный и сирый,
С кругами синими у глаз
Пришел герой "Войны и мира"
За исцеленьем в тяжкий час.

Он шел сиреневой аллеей,
Вдыхал сиреневый настой,
И становилась жизнь светлее —
Такой понятной и простой.

Когда бывает нелегко мне,
Когда на сердце ляжет тень,
Я говорю: живи и помни —
Цветет в Козюлькино сирень!

* * *

Опять в усадьбе Фета
Вздыхают соловьи,
Что бедному поэту
Не повезло в любви.

Святая невезучесть!
Ей надо дорожить,
Чтоб, радуясь и мучась,
На белом свете жить.

Поэты плавят в радость
Свою печаль и боль,
Всю жизнь душевно тратясь
На вечную любовь.

Без этих мук и страсти,
Ошибок и грехов
Мир не познал бы власти
Пленительных стихов.

Пусть в этот вечер летний
Напомнят соловьи,
Что нет любви последней
И первой нет любви...

* * *

В. Катанову

Я тону в житейском море,
Допекли меня дела.
В каждом споре,
В каждой ссоре
Раскаляюсь добела.

Превращаюсь в чумового,
Невменяемым кажусь.
С полувзгляда,
С полуслова,
С полувзмаха завожусь.

Ну а друг махнет рукою
И уложит наповал:
— Это самое такое,
Без чего бы ты пропал!

Утверждал же, захмелевши,
Знаменитый лирик Фет:
— Если ты не сумасшедший,
То какой же ты поэт?

* * *

Выхожу один я на дорогу
М.Ю. Лермонтов

Тревожно и устало
Приподымалась грудь.
Как лезвие кинжала,
Блестел кремнистый путь.
О смерти неизбежной
Ворчал сердито гром.
Поэт по-братски нежно
Прощался с Машуком.

Сегодня бунт сердечный
Ему не превозмочь.
Тянулась бесконечно
Мучительная ночь.

У самого порога
Блестел кремнистый путь,
Кремнистая дорога,
Нацеленная в грудь.

* * *

Года, как заросли, раздвинув,
Я подглядел издалека:
В поэта целится Мартынов
На дальнем склоне Машука.

В порыве гнева с ярой силой
Гроза обрушилась на лес.
На весь Кавказ,
На всю Россию
Заржал в отчаянье Черкес.

С тех пор о многом позабыто,
Другой к закату век плывёт.
А конь
Всё так же
Бьёт копытом,
А конь
Всё так же
Скорбно ржёт...

* * *

Ты дала красивое страданье...
С. Есенин

Ни в Солотче, ни в Криуше —
Я нигде не встретил той,
Что ему запала в душу,
Покорила красотой.

Только я уверен, право,
Что была голуба та
И мечта, и смерть-отрава,
Боль его и маета.

Он с улыбкой и слезами
Будет помнить в стынь и звень
Любу с дивными косами
И глазами-голубень.

Забулдыжистый и шалый,
Он, как совесть, пронесет
Через славу и скандалы
Затаенный образ тот.

Пронесет сквозь все печали,
Через вымысел любой.
А голубу эту звали
Просто-напросто Любовь.

* * *

Я вернусь домой не скоро,
Может статься, в сентябре:
Завлекла меня Мещера
На далекой речке Пре.

Я плыву рассветной ранью
В шумном шелесте берез:
То отчаянно табаню,
То кричу ребятам:
— СОС!

Я не хуже, чем варяги,
И плыву, и волоку,
Через мели и коряги
Пробиваясь на Оку.

Я встречаю повороты,
Лихо веслами гребя,
И мещерские красоты
Величаю про себя.

Разволнован и рассеян,
Я смотрю на Пру в тоске:
Здесь барахтался Есенин
И валялся на песке.

То несмело, то отважно
Я гляжусь в речную гладь
И почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

* * *

Памяти А.Т. Твардовского

Бывал ли ты в Дорогобуже?
А я, как двадцать лет назад,
Воспоминаньями разбужен,
Варю картошку для ребят.

Друзья за месяц досыпали
В худом прибрежном шалаше.
Плоты качались на причале,
Плескались щуки в камыше.

Душа избавилась от боли
В дыму походного костра.
Я оказался на приколе
В слиянье Осьмы и Днепра.

Тот городок поныне снится,
Поныне снятся те леса.
Нет-нет сквозь память медуница
Заглянет ласково в глаза.

Поманит дикая смородина
На берега смоленских рек,
Твоя задумчивая родина
Мне стала милою навек.

Бывал ли ты в Дорогобуже,
У этих рек, у старых свай?
Я снова, памятью разбужен,
Благословляю этот край.

* * *

У лукоморья дуб зеленый...
А.С. Пушкин

При виде строк и строф крученых
Меня охватывает злость:
О, сколько их, котов ученых,
На этом свете развелось!
Поройся в книгах и журналах,
Библиотекаря спроси:
О, сколько белок и русалок
На поэтической Руси!

Я так люблю весну и осень
За необычную красу:
О, сколько их, берез и сосен,
Поэзия, в твоем лесу!

И лишь шумит могучей кроной,
Корнями уходя в века,
У лукоморья дуб зеленый,
Один-единственный пока.

И все леса благоговеют
Перед его резным листом.
И никогда не заржавеет
Златая цепь на дубе том.

И все мы не похожи вроде
Своей судьбой ни на кого,
И все поныне ходим-бродим
На той цепи вокруг него.

Свет

Эле

Знакомых дорог перекрестки,
Заливчатый звон бубенца.
Березки, березки, березки —
От Спешнева до Студенца.

Пойду по лесам спозаранку,
Увижу в рассветную рань
Берещино и Берестянку,
Березовку и Березань.

Я стану на древнем кургане.
Стою и гляжу не дыша:
От этих веселых названий
Невольно светлеет душа.

Знакомых дорог перекрестки,
Заливчатый звон бубенца...
Шумят над Россией березки —
И полнятся светом сердца.

М А Т И Ц А

* * *

Я отправлялся в путь-дорогу
При свете солнечного дня,
И тень шагала долго в ногу,
Не отрываясь от меня.

Я шел и шел своей тропою,
И становилось всё ясней:
Чем выше солнце надо мною,
Тем тень короче и темней.

Горячей радостью наполнен,
Я мудрость жизни познаю,
А сам шагаю в знойный полдень
И подминаю тень свою.

* * *

Скрипел январь полозьями,
Похрустывал снежок.
А в закутке молозиво
Смешно цедил Дружок.

И я теленка лапаю
И гордо признаюсь:
— Смотри, какие лапотки
Мне подарил дедусь!

Телёнок пол за печкою
Копытцами дробил.
И кто из нас беспечнее
И кто счастливей был?

Опять январь полозьями
На улице скрипит,
И где-то в снежной роздыми —
Далекий звон копыт...

* * *

Помню:
Дед, худ и сед,
Зашумит с полатей:
— Дай-ка, мать, соломать,
Соломати!

Дай-ка, мать, соломать,
Чтоб взыграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-мило было.

Хлебный дух, русский дух
Плыл по хате
От парной, заварной
Соломати.

Деда нет, бабки нет —
Горькая утрата.
Да хранится секрет
Дивной соломати.

Попрошу родную мать,
Вспомнив детство:
— Дай-ка, мать, соломать —
Дедовское средство.

Дай-ка, мать, соломать,
Чтоб взыграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-мило было!

* * *

Говорят, моя бабуся
Колдовала по ночам.
Кто не верит, побожуся:
Сам нередко замечал.

Бабка Бога разумела,
С чертом в сговоре была.
Очень многое умела,
Очень многое могла.

Всё могла: и жать, и жарить,
И недужить, и лечить.
И могла навечно спарить
И навеки разлучить.

Бабка знала заговоры,
Может, сорок, может, сто:
От измены, от позора,
От бессонницы простой.

Это правда, это правда,
Что любила да тайком
Пошептаться с доброй травкой,
Корешком или цветком.

И про внука не забыла,
И досталось даже мне.
И меня приворожила
С детства к отчей стороне.

* * *

Я опять, усталый и счастливый,
В отчем доме завершаю путь.
Мокрой веткой старенькая ива
Тычется мне в грудь.

Снова в знак душевного привета,
В честь веселой встречи земляка
Поднесет мне медовухи лето
В чашечке цветка.

— Будь здоров и голову не вешай,
Перестань о прошлом горевать!
Я пойду под вечер, захмелевший,
В поле зоревать.

Хочется мне полем надышаться,
Надышаться лугом и рекой,
Чтобы снова в песне отозваться
Доброю строкой.

Матица

Вновь в душе сумятица
Прожитого дня.
Мама, мамка, матица,
Успокой меня.

Дай мне разумения,
Мужества и сил.
А еще терпения,
Чтобы гордо жил.

Ты в далеком детстве
В самый горький час
От невзгод и бедствий
Укрывала нас.

Ты всегда казалась
Самой сильной мне.
Вся изба держалась
На твоей спине.

Нерушима крыша,
Прочен потолок.
Всё прямей и выше
Голубой дымок.

Отойдет сумятица
В дедовской избе.
Мама, мамка, матица,
Кланяюсь тебе.

* * *

Снежный ветер ударялся в пляску,
Голосила вьюга за селом,
Бабушка рассказывала сказку
Про колдунью с длинным помелом.

Сыпала мудреные словечки,
Седенькой мотала головой.
А в трубе над закопченной печкой
Завывал сердито домовой.

Я сжимался в ужасе от страха
В маленький, упружистый комок.
Трепыхалось сердце под рубахой,
Словно сетью пойманный щурок.

С той поры немало прошумело
Над безвестной деревушкой вьюг.
А порою пробежит по телу
Беспричинный трепет и испуг.

Что скрывать — печальная развязка:
Бабушка давным-давно в земле.
А за нею ускакала сказка
От меня на длинном помеле.

* * *

Я пойду ромашковой дорожкой
В тишину лужаек и полян,
Где живет в бревенчатой сторожке
Добрый и лукавый старикан.

Он печально встретит у порога,
Скорбно сложит руки на груди
И прикрикнет безобидно-строго:
— Заходи, пропащий, заходи!

Сколько лет не сиживал с тобою.
Где бродяжил? Честно отвечай.
Будет пахнуть водка зверобоем
И душицей с земляникой чай.

Всё представлю явственно и зримо,
Расскажу про жизнь и про людей.
— Боже мой, да ты неисправимый
И чудной, как дуб без желудей!

Обниму до хруста седоглавого:
— Будь здоров! Живи не унывай
И свою зеленую державу
Никому в обиду не давай.

Я березку дерну за сережку,
Почешу за ухом у дубка
И светло потопаю дорожкой
В детство от избушки лесника.

* * *

Я узрел его еще мальчишкой
Под березкой на высоком пне,
Потому сторожевою вышкой
Показался муравейник мне.

Разрослась, раскинулась береза,
Разметала ветви до земли.
Только от ветров и от мороза
По коре морщины залегли.

Старая, а всё же хорошеет,
Лишь береста кажется в крови.
По морщинам, словно по траншеям,
Носятся цепочкой муравьи.

Вот один
Схватил загнивший прутик,
А вот этот, поборовший жуть,
Бросился на гусеницу грудью
И к березке преградил ей путь.

Муравей – он тоже не без риска
Защищает, строит и творит.
Как звезда на скромном обелиске,
На вершинке ягода горит.

* * *

Приеду — разобью палатку
В своем заброшенном саду.
Засну мечтательно и сладко,
Как на семнадцатом году.

Меня невольно опечалит,
Что я тут вроде чужака:
Татарник колет, пчелы жалят,
Крапива жжет исподтишка.

Нежданно ветер встрепенется,
Босой промчится по траве,
И с ветки яблоко сорвется
И угодит по голове.

Ну кто их на меня наводит?
Ну кто натравливает их?
Не домовой ли рядом бродит
Вот в этих зарослях густых?

Я грустным взглядом сад окину
И вдруг сквозь сетку купырей
Увижу дедовы морщины
У старых яблонь на коре.

Земная память

Я снова вернулся на родину,
В страну босоногого детства.
Шумливая стайка осинок
Встречает у речки меня:

"Мы долго тебя ожидали,
Нам очень хотелось увидеть
Того, кто далекой весною
Заботливо нас посадил.

Живем мы светло и просторно,
Никто нас не рубит бездумно,
Никто нам ветвей не ломает,
Не трогает наших корней.

Нас поит студеная речка
Своею живою водою,
И доброе, щедрое солнце
Своим согревает теплом.

Под небом высоким и ясным
Взошли озорные побеги.
Веселое шумное племя
Привольно вокруг разрослось.

Прими же от нас в благодарность
Вот эту корзину с грибами.
Наверное, этот подарок
Обрадует очень тебя" .

"Спасибо, родные, спасибо
За ваше приветное слово,
За вашу зеленую память,
За эти дары и любовь.

Я снова от вас уезжаю,
Я с вами прощаюсь без грусти.
Приятно, светло и спокойно
Сейчас у меня на душе" .

Деревья помашут ветвями.
Умчится автобус вечерний.
Уеду и снова забуду
О них в городской суете.

Но вот заплутавшийся ветер
Ко мне донесет издалёка
Тревожный, волнующий шелест,
Знакомый осиновый шум.

Я весь встрепенусь в ожиданье
И вдруг догадаюсь невольно,
Что славная стайка осинок
Взгрустнула опять обо мне.

Мне станет светло и уютно.
Я снова себя утешаю:
Живи, не горюй и не думай,
Что ты на земле одинок!

* * *

Это не богатство,
Незачем беречь:
Выбросим из хаты
Старую печь.

Ни к чему загнетка,
Дежка и рогач:
На плите — котлетка.
На плите — калач.

Лучше на задворки
Бабкин мавзолей:
Без него просторней,
Без него светлей.

Спрыснули усталось:
— Ну давай пляши!
А изба осталась
Словно без души.

* * *

Ниже, ниже, ниже
Ночь над головой.
Ходит гром по крыше,
Словно домовой.

Час от часу ветер
Злее и грубей.
Завывает ветер,
Словно черт в трубе.

Слышу поневоле
Странный шум и щёлк.
Это через поле
Скачет серый волк.

Это снова сказка
Постучалась в дверь.
Можно без опаски
Досыпать теперь.

* * *

Соберу и уложу в рюкзак
Все свои обиды и печали,
И тропинкой выйду на большак,
И пойду в неведомые дали.

Побреду, рассеивая грусть,
Кланяясь березам и осинам,
И домой под вечер возвращусь,
Все тревоги за спину закинув.

И поверю я без лишних слов
Тем, кто вечно бродит и кочует,
Что дорога лучше докторов
Ветром и усталостью врачует.

* * *

Попекушки, попекушки —
Доброй бабушки дары.
Снова в дежке у старушки
Бродит тесто до поры.

Завтра вылетят из хаты,
Взмоют ввысь до облаков
Расписные жаворята —
Целых сорок сороков.

Поглядит бабуся слепо,
Рассмеется у ворот:
— Улетают прямо в небо —
Залетают прямо в рот!

* * *

Владимиру Муссалитину

Дорога радует не всякого,
А я всю юность колесил
То прямоезжей на Корсаково,
То окружной на Новосиль.

А где-то в самой середине
Моих тропинок и дорог,
В тени крапивы и полыни
Лежал родительский порог.

И я сворачивал в глубинку
И неизменно делал крюк,
Чтоб остывающую крынку
Принять из материнских рук.

И я невольно торопился
И не жалел, что крюк — большой.
Я, видно, с детства зацепился
За этот крюк своей душой.

* * *

Вспоминаю матицу за печкой
И забитый посреди крючок.
Песенкой веселой и беспечной
Забавлялся в уголке сверчок.

Золотая бабушка Акуля,
Вспоминая молодость свою,
Медленно раскачивала люльку,
Напевала баюшки-баю.

Летним днем из молодого сада
В растворенный нараспашку дом
Затекала нежная прохлада,
Смешанная с медом и дымком.

Это только проблески сознанья,
Неизбывной памяти исток.
Светлые в душе воспоминанья
Будит незатейливый крючок.

Быть бы мне бродягою-скитальцем,
Да всегда из стороны любой
Этим самым крючковатым пальцем
Матица звала меня домой.

* * *

Здесь все
По-деревенски ново:
Диван, приемник и буфет.
Ни стана с крашеной основой,
Ни прялки бабушкиной нет.

Лампадки, лампы и лучины
Как не бывало никогда.
В просторной горнице лучисто
Горит под матицей звезда.

Меня охватывает жалость
При виде этого всего.
Быть может, что-нибудь осталось
Еще от детства моего?

Лишь на столбе, на перемычке,
От солнцепека горячи,
Сидят фарфоровые птички,
Как бабушкины куличи.

* * *

Я в деревню часто приезжаю
И, подвыпив у нее в гостях,
Говорю о судьбах урожая,
О горячих сельских новостях.

А она про жизнь свою мирскую
По-иному судит и рядит
И невольно душу городскую
Трезвостью житейской бередит.

Виновато, горестно, покорно
Свесится хмельная голова,
И невольно подступают к горлу,
Словно кашель, жгучие слова.

Остаюсь пожизненно причастный,
В вечном неоплаченном долгу.
Я в деревню приезжаю часто,
А совсем остаться не могу.

* * *

Было буднично и просто
На душе и за душой.
Мимо сельского погоста
Торопился я домой.

Посмотреть бы мне направо,
Поклониться до земли
Тем могилам за канавой,
Что сиренью заросли.

Помянуть бы добрым словом
Всех сородичей своих,
Чтоб под этим жестким кровом
Было мягче праху их.

Ничего бы не заметил
И не вспомнил бы, увы,
Если б шляпу встречный ветер
Не сорвал бы с головы!

Щеглы

Была в России деревенька
С веселым именем Щеглы.
Была такая деревенька,
Теперь ни хаты, ни ветлы.

Кругом немое запустенье,
Да непролазный чернобыл,
Да у канав кусты сирени,
Как будто холмики могил.

Да с той поры,
С той ночи тяжкой,
Когда людей настигла смерть,
Горит рябина у пригорка
И всё не может догореть.

Пускай невыразимо горько
Порой на сердце у меня.
Горит рябина у пригорка,
Как символ Вечного огня.

* * *

Я вновь задумаюсь в печали,
И снова вспыхнет интерес:
Ну почему тебя назвали
Горелый лес, Горелый лес?

Никто не видел и не слышал,
Чтоб ты когда-нибудь горел.
А может быть, горел, да выжил,
Да всем на радость уцелел.

Недаром, светлый и зеленый,
Шумишь ты трепетной листвой
Над сизой пригородной зоной,
Над зарастающей Мецной.

Такой изведанный и дикий,
Ты завлекал не раз меня
Своей душистой земляникой
Или опятами у пня.

Спасибо, друг, за вдохновенье,
За красногрудую зарю,
За тихий шум, за птичье пенье,
За лыжный след по январю...

Я вновь задумаюсь в печали,
И снова вспыхнет интерес:
Ах, почему тебя назвали
Горелый лес, Горелый лес?

* * *

Зарос кувшинками и ряскою
У берегов старинный пруд.
А над его плотиной тряскою
Грачи отчаянно орут.

Ах, это снова у дороги
Крест-накрест забивают дом.
Вот почему грачи в тревоге,
Вот почему такой содом,

Опять кого-то по разлужью
Дорога в город повела.
Грачи не могут равнодушно
Смотреть на грустные дела.

Они не терпят вероломства.
У них совсем наоборот:
Крепить гнездо,
Растить потомство
И продолжать грачиный род!

* * *

Андрею Фролову

Куда девались те орловские
Неповторимые луга,
Где вечерами августовскими
В тумане плавали стога?

Куда пропали заповедные,
В цветах и ягодах, холмы,
Где зори росные рассветные
Встречали косарями мы?

Куда попрятались с опушек
Чабрец, душица, зверобой,
Лишив таинственных старушек
Волшебной силы колдовской?

Лишь память бережет застенчиво
Весь этот мир и красоту,
Как романтическая женщина
Свою заветную мечту.

* * *

Были мельницы и запруды
На моей неприметной реке.
Плавал селезень сизогрудый
С белой утицей в тростнике.

Здесь барахталась очумело
Голопузая ребятня.
Сердце екало, сердце пело,
Сердце прыгало у меня.

Отчего же неласково стало,
Неприютно и сиро окрест?
Словно вслед за людьми убежала
Эта речка из брошенных мест.

Пахнет тиною, тянет гнилью
Над заглохшим её бочажком.
Вязнут гуси в зеленом иле,
Ходят гуси по дну пешком.

Где вы, мельницы и запруды,
На моей неприметной реке?
Где ты, селезень сизогрудый,
С белой утицей в тростнике?

Это память зовет и жалеет,
Что ушло и уходит навек.
Говорят, если реки мелеют,
То мелеет душой человек.

Старый колодец

Он поил дедов и бабок
Самой светлой ключевой.
Ну а всех больных и слабых
Исцелял водой живой.

Знал он сказочные были,
Видел всяких удальцов
И, хотя его забыли,
Помнил каждого в лицо.

Ты найдешь его не сразу,
А отыщешь — не робей:
Он стрельнет зеленым глазом
Из-под сросшихся бровей.

Заглянешь в него, как в тайну,
Отведешь невольно взгляд,
Словно перед ним случайно
Тоже в чем-то виноват.

* * *

У ней потрескались колеса,
Помяты временем бока.
Она вернулась из извоза,
Из векового далека.

Стоит телега недвижимо,
Оглобли в небо заломив.
А большаком бегут машины,
Недобро фарами скосив.

Они сигналят ради смеха
И не скрывают спесь свою,
Забыв, что матушка-телега
Для них пробила колею...

Подорожник

Ни скрип колес тележных,
Ни топот конских ног
Не потревожат прежних
Заброшенных дорог.

А он дорогой бредит,
А он упрямо ждет,
Что кто-нибудь проедет,
Что кто-нибудь пройдет.

Всё слушает,
Всё слушает
Минувших дней мотив,
Развесистые уши
По ветру навострив...

* * *

Я устал на покосе,
Развалился в траве.
От березы к березе —
Муравьи в мураве.

Эти даром не бродят,
Не теряют свой след
И меня переходят,
Как Уральский хребет.

Чудо

Асе Олейниковой

Я шел росистою дорожкой,
Глядел рассеянно в ручей.
И вдруг серебряный горошек
В кустах рассыпал соловей.

И я старался осторожно
Сырые ветки развести,
Чтоб отыскать в траве горошину
И, словно чудо, унести...

Микула

Николаю Шавыркину

Поле, как в былине, за рекой,
Только не посвистывал оратай,
Не скрипела сошка под рукой,
Под его рукою узловатой.

День оглох от шума скоростей,
От лихого рокота и гула.
Узнаю тебя по борозде,
Озорной гудиловский Микула.

Ты меня за шутку не ругай,
Ибо я души в тебе не чаю:
Люди величают — Миколай,
Ну а я Микулой величаю.

Не отнимешь —
Ладен и пригож!
Залюбуюсь иногда украдкой:
Шибко на Микулу ты похож
И лицом, и силою, и хваткой.

Я учил былину наизусть,
Ты прочел по-своему былину:
Бросил сошку за ракитов куст
И охотно пересел в кабину.

* * *

Погляди:
За речкой,
За Пчелиным Бродом,
Забелела гречка,
Задышала медом.

Пьешь не просто воздух,
А настой медовый.
Думаешь о звездах
В тишине садовой.

Сам ты в мирозданье
Кажешься пчелою,
Что летит за данью,
Данью восковою.

Скор и неприметен
Твой пчелиный век.
Все равно на свете
Ты счастливей всех.

Ты видал за речкой,
За Пчелиным Бродом,
Как белела гречка,
Как дышала медом.

* * *

Перекрестив досками ставни,
Заколотив гвоздями дверь,
Жильцы покинули Муравню
И где-то странствуют теперь.

А где-то в Лисьем и Сорочьем
От прошлых дней остались пни,
И, как больные зубы ночью,
Покоя не дают они.

А где-то домик в два окошка,
Где мыши шастают теперь
И но ночам скребется кошка
В ту заколоченную дверь.

И грудь мучительно заноет,
И вдруг захочется с тоски
Кому в Щеглы,
Кому в Хмельное,
Кому в Зеленые Лески.

Чтоб, целый день пешком отмерив,
Взгрустнуть у старого крыльца.
Видать, забиты только двери —
Не заколочены сердца...

* * *

Она живет светло и тихо,
Без лишней грусти и забот.
Однажды в месяц почтариха
Вручает скромный перевод.

— Видать, еще не позабыли,
Что я, бездельница, живу.
А ведь была когда-то в силе —
И рожь косила, и траву.

До самой смерти не забуду,
Как тяжки плуг и борона,
Как по распутью по два пуда
Таскала раньше семена.

Теперь-то нету прежней боли,
Не по-людски, а кое-как:
И без души картошку полют,
И свёклу тяпают не так.

Чего и не было в помине:
На каждой былочке — паук,
И в огород пробрался ныне
Какой-то чужеземный жук...

И ты подумаешь невольно,
Вздыхая над чужой судьбой,
Что всем-то бабка недовольна,
А если вдуматься — собой...

Спор

Снова сын с невесткой
Деда атакуют.
Снова очень веско
Старику толкуют:

— Главная усадьба,
Новая квартира:
Жить да поживать бы
На виду у мира!

Дед не хочет слушать,
Гневен и упорен:
— Значит, дом порушить
И порушить корень?

— Не мели, Емеля,
Корень корню — рознь:
Там земля-земелька,
Тут копни и брось.

Дед рукою дряблой
Трет со злостью лоб:
— Ну а сад? А яблони?
Лучше сразу в гроб!

Вырыли антоновки,
Увезли с собою.
А в саду воронки,
Словно после боя.

* * *

Вспомнил дед забитый дом,
В деревеньке брошенный:
Там теперь бурьян кругом,
До сих пор не скошенный.

Надевает дед штаны
И рубаху свежую
И подался от жены
На усадьбу прежнюю.

Что ты, брат, ни говори,
А коса бедовая:
Лихо порет купыри,
Лопухи садовые.

Подошел знакомый дед,
Усмехнулся в бороду:
— Знать, соскучился, сосед?
Убежал из города?

— Да без дела не сижу.
Как тебе сказать бы:
Вот порядок навожу
На былой усадьбе.

Сам протер косу травой
И вздохнул нечаянно:
— Чтоб не думал домовой
Плохо про хозяина...

Петух

Еще темно в деревне
И смотрит сны народ,
А он зарю на гребне
Выносит из ворот.

За гребень красно-бурый,
За шпоры-востряки
Его любили куры,
Хвалили старики.

Сноровистый и смелый,
Взлетал он на сарай.
Горланил очумело,
Хоть уши затыкай.

— Опять распелся, ухарь?
Опять накличешь гром?
Не выдержит старуха —
С метлой за петухом.

— Ну, я тебе, анчутка,
Дурную — оторву!
Свалился гребень чудный
В зеленую траву.

Померк огонь на гребне
В один из грешных дней.
Спокойнее в деревне
И, кажется, темней.

* * *

Этот лес
Подарен мне в наследство.
Этот луг
Завещан предком мне.
Я блуждаю по тропинкам детства
В дедовской былинной стороне.

По земле,
Где вольно и просторно,
Прохожу легко и не спеша.
Сердце замирает от восторга,
Музыкою полнится душа.

Несказанно радостно и грустно
Шелестит зеленая трава.
Наплывают песенные чувства,
В очередь становятся слова.

Хорошо в сторонке от дороги
Поваляться на густой траве.
Ни о чем не думаешь,
А строки
Сами возникают в голове.

Тут по-свойски брагою напоят
И соленой шуткой угостят,
Радостью поделятся любою,
Про любой поведают пустяк.

Тут про все услышу и узнаю,
Расспрошу у дедовской избы.
Я в свою деревню приезжаю
За стихами,
Словно по грибы.

Баллада о соснах

Сказывают люди, будто ныне,
Испытав превратности судьбы,
Прижились в далекой Аргентине
Русские деревья и грибы.

Распушив зеленые хвоинки,
Появились сосенки на свет,
А кругом ни липки, ни осинки,
Ни одной травинки русской нет.

Загрустили сосенки в разлуке,
Стали сохнуть с горя и тоски.
Лесоводы и мужи науки
Не шутя схватились за виски.

Слезно убеждали и просили,
Чтоб раскрыли знатоки секрет.
Наконец явился из России
Старикан семидесяти лет.

Он полушутя-полусерьезно
Отчитал того, кто виноват:
— Как же вы выращивали сосны
И совсем забыли про маслят?

Улыбнулся русич хитровато,
Пальцем по-приятельски грозя:
— Вы забыли: сосны и маслята —
Это неразлучные друзья!

С той поры, провозглашая тосты,
Хвалят аргентинцы от души:
— До чего великолепны сосны,
До чего маслята хороши!

* * *

Я только месяц из России,
А кажется, давным-давно
Пью коктебельский воздух синий
И коктебельское вино.

То голубое, то зеленое
Качаю море на плечах.
Осадок горький и соленый
Запекся на моих губах.

А ночью тихо просят губы
Глоток лесного ветерка,
Глоток воды, ломящей зубы,
Что в роднике у Снежедка.

* * *

За мысом спряталась в дозоре
Настороженная луна,
И утонула в синем море
Предгрозовая тишина.

Я слышу дальний топот конский,
Я подглядел издалека,
Как через горы по-шпионски
Переползают облака.

А где-то волны бьют ракушки,
Гремят о цепи якорей,
И в тучи целятся верхушки
Пирамидальных тополей.

* * *

У золотистого причала
На Черноморском берегу
Россия пела и плясала
В широком дружеском кругу.

Дивились пылкие грузины,
Вздыхали томно латыши:
Какой талант, какая сила,
Задор и молодость души!

А на прощанье долго-долго
Рукоплескал Зеленый Мыс,
Ревели волны от восторга
И вызывали нас на бис...

* * *

Девчата сидели и пели,
Тревожа больничный покой,
Как серые гуси летели,
Спешили с чужбины домой.

А гуси весну уносили
На Зушу, на Снежедь, на Чернь.
Во Мценске теперь, в Новосиле,
Ручьи по дорогам теперь.

— Эй, гуси! — отчаянно-дико
Я стае вдогонку кричу. —
Возьмите меня, горемыку,
Я с вами домой улечу.

Меня напоили бы соком
Березы в заречном краю.
А тут я брожу у истока
И воду противную пью.

И гуси ответили грустно:
Мол, всё у тебя впереди...
И стало знобяще и пусто
В моей изболевшей груди.

И я напрягался в бессилье
И снова впадал в забытье.
А гуси несли над Россией
На прутике сердце мое...

З А Р Н И Ц Ы

* * *

Я рано встал из колыбели
И заспешил в большую жизнь.
Какие ветры прошумели,
Какие грозы пронеслись!

Я с упоением мальчишки
Сквозь годы долгие пронес
Незатухающие вспышки
За горизонт ушедших гроз.

Я не забыл дела и лица
Давным-давно минувших дней.
И колыхаются зарницы
В глазах и в памяти моей...

* * *

Чудак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выходил ему навстречу,
Навстречу радости самой.
А дед сажал меня на плечи
И нес торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Что пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звезды зрели земляникой
Почти над самой головой.

* * *

Я слышу говор кос и грабель,
Ползущий шорох волокуш.
Я в детстве сам косил и скрабил,
Хоть был коряв и неуклюж.

Опять пообнажили спины
Мои пригорки и луга:
Метает добрая машина
Цветы и запахи в стога.

И я беру в охапку лето,
Беру в охапку целый луг,
И у меня от ноши этой
В груди захватывает дух.

* * *

В двенадцать лет во мне Гудиловка
Признала дружно косаря.
В двенадцать лет меня будила
Рукою матери заря.

Я сброшу сон, как полушубок,
И заспешу в заречный луг,
Где от косьбы и бабьих шуток
Аж перехватывало дух.

Дымилась у меня рубаха,
Дымилась шея у меня.
А знает каждый работяга,
Что нету дыма без огня.

* * *

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной?
Такой высокий и густой,
Взмахнешь — вязанка сена.

Была та буйная трава
Загадочной немножко:
Темнели тайной острова
Мышиного горошка.

Я замирал за два шага,
Робея и немея
Перед метелкой овсюга
И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер,
Над ним стоял пчелиный гуд,
Тревожен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабьи жировала.
Земля хозяина звала,
Ждала и горевала.

Земле до слез хотелось быть
Щедрей и плодородней.
Вот здесь учился я косить
И быть полезным родине.

* * *

Слышен треск на всю округу,
Шум на всю околицу.
Льдины бьются друг о друга,
Друг о дружку колются.

Трутся льдины, трутся льдины
В голубое крошево.
Мост в испуге выгнул спину,
Словно кот взъерошенный.

Затаив в душе тревогу,
Матросня отважная
Провожает в путь-дорогу
Лодочки бумажные.

Уплывало наше горе,
Наше детство сирое
Прямо в море, прямо в море,
Прямо в море синее.

Эхо

В. Бурмистрову

Я целый день бродил по лесу,
Искал свои двенадцать лет.
Спущусь в овраг, на дуб залезу,
Гляжу-гляжу, а их все нет.

Я крикнул детству, обозленный:
— В последний раз тебя зову!
И вдруг ответил лес зеленый
Далеким и родным:
— А-у-у!..

— Эй, детство, подойди поближе:
Пучок клубники подарю...
Я думал: вновь его увижу,
По-дружески поговорю.

Но меж березок и осинок,
Задорным голосом звеня,
Мелькая пятками босыми,
Умчалось эхо от меня.

* * *

Мы рано детство потеряли
В чужой далекой стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули по войне.

Нет, воз тот был не символичный,
А самый грузный и земной,
Забитый тряпками обычными
И всякой кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колесах.
И мать, мужичка и гордячка,
И то скисала на глазах.

— Ну, хорошо, давай немного,
Еще немножко поднажмём! —
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъем.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там еще бредем.
Мы рано детство потеряли
И поздно старость обретем!

* * *

Где-то рядом громыхали пушки,
За снарядом завывал снаряд.
Мы бежали в лес из деревушки,
Позабыв про кошку и котят.

Было жутко и тревожно очень,
Муторно и горько на душе.
Я проснулся средь июньской ночи
В маленьком дырявом шалаше.

Слышу, задыхаясь от волненья,
Трется Мурка около меня:
— Принимай, хозяин, пополненье —
Вывела сейчас из-под огня...

* * *

Плелась в глухую ночь лошадка
Через снега, через войну.
А волки праздновали святки,
Протяжно выли на луну.

Кобылка прядала ушами
И споро прибавляла шаг.
Мы слушали и не дышали,
Едва превозмогая страх.

Сестра закутывалась в тряпки,
А я сжимал сильнее кнут.
Но заклинала Богом бабка,
Что это барышни поют...

* * *

Дороги днем и ночью
Под танками пылят.
Скирды не обмолочены,
Заброшены в полях.

У бабки сердце колет,
У старой жар-озноб.
Пойду я в чисто поле,
Возьму пшеничный сноп.

Рука моя проворна,
Сноровиста рука,
Упруго брызжут зерна
На шаль из-под валька.

А я сильнее шпарю,
А я азартней бью:
Ведь завтра бабка сварит
Пахучую кутью!

* * *

Свежий хлеб —
Ржаное чудо —
На моем лежит столе.
Без него бывало худо,
Очень худо на земле.

Пухли руки,
Пухли ноги —
Человек слабел и слеп.
До последней малой крохи
Отдавался людям хлеб.

Я раскаиваюсь горько,
Не забыть того греха:
Я швырнул однажды корку
В забияку петуха.

— Запорю! —
Вспылила бабка. —
С хлебом, мальчик, не дури:
Перед ним снимали шапку
Даже грозные цари!

* * *

Далеко ушла война,
Укатили пушки.
Баб попутал сатана
На лихой пирушке.

Ни дороги, ни следа,
Зимно и безлунно.
Рвет ветряка провода,
Словно ухарь струны.

Подгулявшие в гостях,
Прыснут молодайки:
— Во наяривает, враг,
Как на балалайке!

В хате пляска,
В хате гром,
Встречно-поперечно.
Ходит пол ходуном,
Вздрагивает печка.

— Не жалей каблуки,
Новые закажем.
Вот вернутся мужики,
Мы не так запляшем!

* * *

Прошел родитель пол-Европы,
Любил родитель вспоминать
Дороги, реки и окопы,
Что приходилось с боем брать.

Я обнимал его робея,
А он смеялся: "Пощади!"
Скрипела грозно портупея,
Медаль горела на груди.

Я видел, что отец прекрасен,
Что он силен и знаменит,
Что он дорогой подпоясан
И весь дорогами обвит...

* * *

В знакомой роще на опушке
Кукуют мирные кукушки.

А мне запомнились другие,
Как смерть, коварные и злые.

Одно мгновенное "ку-ку" —
И кровь дымилась на снегу.

А где-то там жена и мать
Навек остались куковать.

И горько вторят на опушке
Им нынче мирные кукушки...

* * *

Чернела туча грозовая
И зависала над селом,
И, костылями громыхая,
Прошелся над полями гром.

В тот самый год сдурело небо,
Свалив на голову беду.
Превыше золота и хлеба
Ценили люди лебеду.

А бригадир сутулил спину
И матерился под хмельком,
Сжимая бабью дисциплину
И сроки жатвы кулаком.

Былинка кликала былинку,
И он за каждый колосок
Готов был обломать дубинку
И даже вызвать "воронок" .

В тот самый год послевоенный
В селе налаживался быт,
А бригадиром был бессменный
С одной ногою инвалид.

* * *

Под старою ракитой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он на работу звал.

Он был для всех как совесть
В суровые года:
Запел — большая новость,
А задрожал — беда.

На звон его горластый,
На этот властный зов
Спешили бабы часто,
Не подоив коров.

Вот так, наверно, били
Деды в колокола,
Когда пожары были,
Когда война звала.

Пускай не тем набатом
Плужной отвал трубил.
Он был их кровным братом,
Их младшим братом был.

Под старою ракитой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он всех на подвиг звал!

* * *

Я узнаю его по форме,
Я узнаю его в лицо
Вот с этой прядкой непокорной,
Что завивается в кольцо.

Я помню:
Весь заиндевелый,
В густом морозном серебре,
Он появился в форме белой
Декабрьским утром во дворе.

Заиндевело-белый лыжник
Ступал по снегу тяжело.
И мал, и стар навстречу вышли
И проводили за село.

Кто знал,
Что у тропы прибрежной
Его засада стерегла?
Теперь стоит он, белоснежный,
На главной улице села.

В глазах ни боли, ни печали —
Суровый взгляд, тревожный взгляд.
Стоит солдат на пьедестале
И не снимает маскхалат.

Мальчуган

Льву Филатову

Ну и Левка,
Ну и Левка,
Ну и Левка — молодец:
Так баранку крутит ловко,
Что завидует отец.

Все его пути-дороги
Разместились на полу.
Очень важный,
Очень строгий,
Левка возится в углу.

Левка занят срочным делом
И не видит никого.
Только радио взревело
И встревожило его.

Левка слышит,
Левка слышит,
Что опять бомбят Вьетнам.
Левка часто-часто дышит
И глядит по сторонам.

Мальчуган сорвал кепчонку
И старательно прикрыл
Безотказную "трехтонку",
На которой рожь возил.

Левка хмурится сердито,
Шепчет грозные слова,
Позабыв,
Что неприкрытой
Остается голова.

Встречный ветер

Александру Елькину

Пусть ветер в грудь меня толкает,
Пускай за шиворот берет,
Я все равно вперед шагаю,
Ломлюсь напористо вперед.

А вот придет последний вечер,
Качну бессильно головой
И упаду беде навстречу
И ветер придавлю собой.

* * *

Ветер тучи грозовые гонит,
Нелегко усталость превозмочь.
На дорогобужском полигоне
Пушкари расстреливают ночь.

Лупят пушки яростно по целям,
По заросшим старым блиндажам,
Словно с той войны еще засели
И не сдались гитлеровцы нам.

* * *

Не в ресторанах и столовых,
А на привале где-нибудь
Я ел на старых пнях сосновых
И вспоминал нелегкий путь.

Я этот отдых тратил скупо
И был в душе счастливей всех:
В мой котелок с горячим супом
Летел черемуховый снег...

* * *

Когда заветные открытки
Вручал ребятам почтальон,
В какой-то бессердечной пытке
Махоркой задыхался он.

Какую боль или утрату
Старался в сердце заглушить,
Боялись спрашивать солдата,
Чтоб рану ту не ворошить.

Бывают всякие печали,
А лучше, если никакой.
Друзья сочувственно молчали
Или качали головой.

Ну как помочь в несчастье другу?
Как это горе разделить?
И я протягиваю руку:
— Оставь, дружище, покурить...

* * *

Я уезжал,
Я на вокзал спешил
И, может быть, на вечную разлуку.
Я торопливо жал ребятам руку,
С которыми три года прослужил.

Прощай, казарма,
Мой солдатский дом!
Я двери не закрою за собою.
Я знаю:
Мне последний был "подъем"
И не было последнего "отбоя" .

Бессонница

Виктору Садовскому

Затосковав о русых косах,
О голубых глазах девчат,
Ребята пели о березах,
О тех березах, что не спят.

То утопая в синем шуме,
То набирая высоту,
В минуты горестных раздумий
Звучала песня на борту.

Она звала на подвиг ратный
Перед лицом военных гроз.
Была мучительно понятной
Для всех бессонница берез.

А у меня невольно слезы
Нахлынули из глубины:
Ведь эти самые березы
Из нашей дальней стороны.

РАЗРЫВ-ТРАВА

* * *

Какие горькие слова,
Какие бессердечные:
Разрыв-трава,
Разрыв-трава,
Разрыв на веки вечные.

А мне до боли дорога
Любовь моя угарная:
Пойдем в луга,
Пойдем в луга,
Сорвем траву коварную.

Дурной траве не место тут
С её цветами жуткими:
Пускай цветут,
Пускай цветут
Ромашки с незабудками!

Горько

В. Лазареву

Я снова в глубокой печали,
Но было когда-то больней:
Уж "горько!" не первой кричали
Знакомой девчонке моей.

Э, вряд ли кто чувствовал только
Из них эту горечь в вине.
И было единственно горько
Ни капли не пившему мне!

* * *

Я помню:
Ты клялась и спорила
В последний раз наедине,
Что воды жизненного моря
Не смоют память обо мне.

А в самом деле
Просто было:
Ни бурь, ни грома, ни грозы.
Тебе для этого хватило
Одной-единственной слезы.

* * *

Я давно в любовь не верю,
Все равно назло беде
Обниму холодный берег,
Свешу голову к воде.

Я украдкой поцелую
Речку Снежедь в лозняке,
Словно жилку голубую
У любимой на руке.

* * *

Речка Снежедь,
Речка Снежедь,
Не шуми и не ворчи.
Я люблю тебя за свежесть
И прозрачные ключи.

Родниково-ледяная,
С мелкой рябью на волне,
Ты спешишь навстречу маю,
Ты бежишь навстречу мне.

Ты не в Зушу,
Ты не в Зушу,
Ты не в Зушу, а в меня,
А в мою впадаешь душу,
Обжигая, леденя.

А меня берет досада,
Что дика не в меру ты,
Что от ласкового взгляда
Робко прячешься в кусты.

Разве ты не замечаешь,
Что не годы, а века
Всё плутаешь,
Всё плутаешь
По изгибам лозняка?

Я люблю тебя за нежность
И лукавить не привык.
Что же ты петляешь, Снежедь,
И боишься напрямик?

* * *

Пусть на тебя я карту ставил
И жизнь закладывал свою.
Есть исключения из правил,
И я о них не утаю.

Любил ли я?
Зачем об этом?
О том, что любят, не кричат.
Об этом бредят до рассвета
И по ночам стихи строчат.

В моей любви жила мятежность,
И ты совсем не поняла,
Что грубость означала нежность,
А нежность грубостью была.

Меня любовь гнала из дома
И заставляла выть и петь.
Дай Бог такой любви любому,
Чтоб гордо жить и умереть.

Я столько раз лишался веры,
Тонул в воде,
Горел в огне.
И никогда не знали меры
Любовь и ненависть
Во мне.

* * *

На старой полтевской дороге
Мы расставались два часа.
Непримиримые, как боги,
Мы правду резали в глаза.

Я уходил от поединка,
А на ветру в её руках
Металась белая косынка,
Как запоздалый белый флаг.

* * *

Тряхнув своей прической модной,
Опять встречаешь на крыльце
Меня подчеркнуто холодной
И кислой миной на лице.

Я долго ждал,
Наивно веря,
Что снизойдешь когда-нибудь.
А в этот вечер,
Хлопнув дверью,
Ты отрубила:
— Позабудь!

А в этот вечер синий-синий
Бесповоротно понял я,
Что на твоей надменной мине
Подорвалась любовь моя...

* * *

Лето сыпало дождями,
Да отборными.
Пробежала между нами
Кошка черная.

Осень желтыми лесами
Лето выжила.
Пробежала между нами
Кошка рыжая.

А зима мела снегами
Вечность целую.
Пробежала между нами
Кошка белая.

Май в округе полыхает,
Осыпая нежный цвет.
Что же нам теперь мешает?
Ведь зеленых кошек нет...

* * *

Я не забыл,
Я не забыл
Следы над Снежедью и Зушей.
Я так мучительно любил
Глаза, затопленные стужей.

Ты не поймешь,
Ты не поймешь,
Какой заплачено ценою
За эту голубую дрожь,
За это счастье ледяное.

В последний раз,
В последний раз
Я протянул на дружбу руку.
А ты плеснула стужей глаз
И гордо предпочла разлуку.

Я не виню,
Я не виню,
А горько-горько сожалею:
Я подчеркнул любовь свою,
Ты подвела черту под нею.

* * *

Ты помнишь девочку чернявую,
Зернобобовый институт?
Она пришла к тебе за славою,
А славу даром не дают.

Она корпела над бумагами,
Над пухлой грудою статей
С таким упорством и отвагою,
Что растеряла всех друзей,

Ей стало страшно в одиночестве
При мысли горестной одной,
Что где-то радости и почести
Её обходят стороной.

Ей вспоминался лес березовый,
Над тихой Снежедью дубы,
И наворачивались слезы
Крупнее, чем твои бобы.

И потому с печальной миною,
С усмешкой горькой на губах
Она легко тебя покинула,
Чтоб не остаться на бобах.

Прости ту девочку чернявую,
Зернобобовый институт.
Она пришла к тебе за славою,
А славу даром не дают.

Снежедь

Это имя
Вьюгам не заснежить,
Никаким снегам не замести.
Я склоняюсь над тобою, Снежедь,
Чтобы вновь
"Люблю!"
Произнести.

Ты бежишь
Такая светло-синяя,
Золотыми брызгами слепя.
Что-то есть
От снега и от инея,
Что-то есть
От солнца у тебя.

Скачешь ты
От омута до мели,
Шумно завихряясь и бурля.
Что-то есть
От вьюги и метели,
Что-то есть в тебе
От февраля.

Словно Русь,
Нежна и своенравна,
Ты хранила мужественно честь.
Что-то есть в тебе
От Ярославны
И от Несмеяны что-то есть.

Я бреду сквозь белые туманы,
За тобой в историю иду.

Не твоим ли именем Снежану
Окрестили вятичи в роду?

Может быть,
Над этою долиной
Заливался Вятко соловьем.
Что-то есть
Былинное-былинное
В родниковом имени твоем.

Из книги "ПУЧОК КАЛИНЫ"

*

2001

Уголок

Эле

Не провожай меня в дорогу
И не гляди с тревогой вслед.
Я попрощаюсь у порога
И заспешу в сырой рассвет.

Теперь в любые дни недели
Столпотворение у касс.
С утра клубится от безделья
Заблудший и несчастный класс.

Темно на МЗАЛе и на ЗИЛе,
Заглохли дружные шаги.
Людей от дела отлучили,
Отбили руки и мозги.

Им наплевать на все реформы
И прохиндейские дела.
Непредсказуемо-покорно
Русь закусила удила.

Но в царстве смуты и раздора,
Среди предательства и склок
Есть у меня своя опора,
Свой суверенный уголок.

Меня всегда нетерпеливо
Деревня-матушка зовет
В свои луга, в свою крапиву,
В отцовский сад и огород.

Еще не ослабели руки,
Еще завистливы глаза.
Не заржавеют тут от скуки
Топор, лопата и коса.

За этот берег, слава Богу,
Я неприкаянно держусь.
Не провожай меня в дорогу,
Не провожай — не заблужусь.

Земля

От колыбельки избяной
И до скончанья века
Была священной и родной
Земля для человека.

Пока мужик стоял на ней,
Расставив цепко ноги,
Он был силен,
Как сам Антей,
И деловит, как боги.

Чтоб выбить землю из-под ног
У деда и старухи,
Решили ныне — видит Бог! —
Её всучить им в руки.

— Отдайте землю мужику
Без платы и без меры! —
Кричат глухому старику
Лжецы и лицемеры.

Что будет делать он с землей
Без лошади и плуга?
Покроет голову золой
Коварная услуга.

Стоит мужик у большака
Под взглядами косыми.
Уже пускают с молотка
И землю, и Россию!

* * *

Несерьезный человек —
Матерюсь и плачу:
Дед горбячил целый век,
Сам теперь горбячу.

А чужак вином пропах,
На висках испарина.
Весь в долгах и весь в репьях,
Ну а корчит барина.

За какие же грехи,
Ваше благородие,
Выше крыши лопухи
У меня на родине?

Заслонили в окнах свет
Заросли дремучие.
Хаты есть — хозяев нет —
Жили и отмучились.

Снова смута и разор,
Вновь шумят витии,
Продолжая глупый спор
О путях России.

Не могу никак понять
Дуру непутевую.
Сколько можно козырять
Старою поневою?

Живые зерна

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б матушка Расея
Светло и радостно жила.

Я горд,
Что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба.

В тех зернах
Крепь моей державы,
Её достоинство и стать.
И никакой орел двуглавый
Их не способен расклевать!

Мы

Людмиле Москалевой

Мы не очень знамениты
И не шибко прыткие.
Но и мы не лыком шиты,
А суровой ниткою.

Эту нитку мать сучила
Вечерами длинными,
Чтобы — никакою силой,
Никакими ливнями!

Георгий Победоносец

Юрию Оноприенко

Заклубились возле трона
Вероломство, блуд, обман.
Порази копьем Дракона,
Заступись за христиан.

Исцели сердца и нравы
В эти горестные дни:
Напусти росу на травы,
Землю словом отомкни.

Зашумит, волнуясь, нива,
Закричат перепела.
А на взгорке торопливо
Припадет к цветку пчела.

Улыбнется солнце людям,
Даст побеги старый пень.
Даже бабушка забудет,
Что такое Юрьев день.

Снова станет Русь великой
И заметной за бугром.
Порази Дракона пикой
И отточенным пером!

Взводный

Памяти Гаврила Степушкина

Недалеко от храма,
На берегу крутом
Стоит с худыми рамами,
С кривым крылечком дом.

Соломенная крыша
Темнеет меж ракит.
Через столетье слышу,
Как предок зло ворчит:

— Когда-то эта хата
Красавицей была.
Она не виновата,
Что век пережила.

Её года сразили,
Оставив горький след.
Теперь во всей России
Срамней халупы нет.

Я звался гордо "Взводный",
Я всюду первым был.
А ты, летун безродный,
Мой корень загубил!

Исконно деревенский,
Ответил блудный сын:
— А я теперь во Мценске
Почетный гражданин!

А я не отвечаю
За этот жалкий двор,
За дебри молочая
И нынешний разор.

Сама земля шунтована —
Хорошего не жди.
По мне бы — лучше снова
Цари или вожди.

Вздохнул мой предок родный,
Метнул лукавый взгляд:
— Вам нужен просто взводный,
А не хмельной гарант!

Портрет

Николаю Шавыркину

Картинно и былинно
Глядит цветной портрет.
А тетки Акулины
Давно на свете нет.

Дорогою неровной
В лихие времена
Она таскала бревна,
Носила семена.

Восторженный калека
Глазел, разинув рот:
— Гляди-ка: "студебекка"
Полстога волокет!

А тетка поневоле
Грабастала мешком
То свёклу в дальнем поле,
То в ближней яме жом.

Тащила по привычке,
А больше — по нужде,
Матерая мужичка
И ангел во Христе.

В заботах и тревоге
Брела бы до сих пор,
Да подкосились ноги
И отказал мотор.

Опять шучу жестоко,
А в сердце — горький ком,
Что тетка раньше срока
Ушла в металлолом.

* * *

Было тридцать дворов под солому
В довоенной деревне моей.
В половодье от каждого дома
Выбегал на дорогу ручей.

Только в памяти горькой остались
Эти тридцать соломенных хат,
А ручьи по морям разбежались
И уже не вернутся назад.

* * *

Моя гудиловская келья
Не для забав,
Не для веселья.

Порою встанешь рано-рано,
Накормишь кур, гусей, овец,
Прочтешь нотацию барану,
Чтоб не дурачился подлец.

Наколешь дров,
Истопишь печку,
Порядок в доме наведешь.
Отыщешь между тем словечко
И, как яичко, подберешь.

Порою даже не простое,
А словно в сказке — золотое.

Молебен

Собрав со всей округи
У родника народ,
Воздел священник руки
В стеклянный небосвод.

— Останемся без хлеба —
Замает всех нужда! —
Сам батюшка у неба
Вымаливал дождя.

— Спаси нас всех, Гремучий,
От засухи спаси:
Займись седою тучей
И землю ороси!

Гремел родник устало
В предчувствии беды.
А небо промолчало,
Набравши в рот воды.

* * *

Опираясь горестно о палку
И моля о благе небеса,
Краешком цветного полушалка
Утирала бабушка глаза.

Видимо, почудилось невольно,
Что продрогла церковь на ветру.
Злые люди сбили колокольню,
С луковиц содрали кожуру.

Вот бы снова Богу показаться,
Преданно взглянуть на образа.
Потому слезятся и слезятся
От раздетых луковиц глаза...

* * *

Слишком долго автострада
Добиралась до села:
Ни от рая, ни от ада
Никого не сберегла.

Ни одной корявой хаты,
Ни одной живой души.
Лишь рассветы да закаты
Несказанно хороши!

Задичавшая сторонка,
Соловьиный перехлест
Да на взгорке остановка
По прозванию Погост.

Лучезарно светят звезды
Невозвратных прежних лет.
Снова память до Погоста
Второпях берет билет.

* * *

В пекле этого ада
Розовеет вода.
Затиранили стадо
Под мостом овода.

Эти подлые мухи
Сжали вымя в тиски.
Матерятся старухи,
Обрывая соски.

Струйки белого чуда
О подойник стучат.
Глухо стонет посуда,
А коровы молчат.

Запах пряный и тонкий
Забивает бензин.
По мосту, по бетонке
Мчится стадо машин.

Скачет стадо безрогое
Мимо сельских дворов
По распятой дороге
И по спинам коров.

* * *

Погожей июльскою зорькой,
Припомнив покосную Русь,
Взойду на Матвееву горку,
Высокой траве поклонюсь.

Взгляну на речную излучину:
Вздохну, постою, помолчу
Старательно восьмиручку
Шершавым бруском наточу.

И снова ребячьей сноровкой
Захочется мир удивить,
Хоть нет ни овец, ни коровы
И некого сеном кормить.

И бабушка в кофте зеленой
Уже не мелькнет вдалеке
И завтрак с пахучей драченой
Не принесет в узелке.

В своей непорочности древней,
В своей первобытной красе
Темнеет мой след по деревне —
Единственный след по росе...

* * *

"Я последний поэт деревни!" —
Закачаю хмельной головой.
Опрокинусь под куст сирени
И прорасту травой.

Будет трава зеленой,
В крапиве и лопухах,
Живностью заселенной,
Словно в моих стихах.

Будет цепляться репьями,
Крапивою обжигать,
Если босыми ногами
Вздумает память ступать.

Нет места благословенней,
Где прорасту травой.
Качался бы куст сирени
Над грешною головой.

* * *

Умерла Гудиловка
На закате века.
Отошла, родимая,
На исходе дня.
Не было на свете
Дороже человека,
Не было роднее
Места для меня.

Отдышусь с дороги,
Погляжу в окошко:
На заглохшей улице
Буйствует лопух.
В памяти мяукнет
У порога кошка
И прокукарекает
У плетня петух.

Я свое подворье
Навещаю редко.
Кликну домового,
Вместе посидим.
Соберемся с духом,
Да помянем предков,
Да по старой памяти
Снова загудим!..

Зима

Матери моей
Анне Емельяновне

Теперь у нас в Гудиловке
Сугробы выше крыш,
И ты на той развилке
Печальная стоишь.

Теперь у нас на Снежеди
Метель, метель, метель,
И, вспоминая прежнее,
Надрывно стонет ель.

Теперь у нас на Мценщине
Снега, снега, снега,
И маленькая женщина
До боли дорога.

Теперь у нас в Орловии
Мороз, мороз, мороз,
И я сдвигаю брови
И не скрываю слез.

Теперь у нас в России
Зима, зима, зима,
И я от ностальгии
Во сне схожу с ума.

Тревога

Пошлю красивую открытку
И пожелаю славно жить.
А мать присядет под ракитку
И станет снова ворожить.

На сердце —
Давняя тревога,
И карты подтвердят о том,
Что сына дальняя дорога
Опять ведет в казенный дом.

Заноют старенькие кости,
Глаза замутятся от слез:
— А говорил,
Что скоро в гости,
А собирался на покос...

Эх, хороша трава в овраге!
Теперь от думок не засну.
Пойду-ка дедовы рубахи
Пока на речке сполосну.

Валек попробует руками,
Вздохнет,
Что стал тяжеловат, —
И ну дубасить старый камень,
Как будто камень виноват...

Поклон

Явился домой нежданно
По снежному декабрю.
— Поклон, — говорю, — Емельяновна!
Что нового? — говорю.

— Да слышала,
В нашей деревне,
А может, в какой-то чужой
Хвостом зацепил за деревья
Аэроплан большой.

Лишь мокрое место осталось
Да пуговицы от людей.
А я вот опять задержалась
И жду с того света вестей.

Никто не вернулся оттуда,
Никто откупиться не смог.
Видать, это самое чудо
Господь для себя приберег.

— Родная моя Емельяновна,
Живи, ради Бога, живи
И новости окаянные
Лишь только вполуха лови.

Планета такая большая,
Где есть и враги, и друзья,
Где есть и деревня чужая,
Где есть и деревня своя!

В чужой-то деревне порядок,
А в нашей с огнем не сыскать.
О, сколько на свете загадок,
Которых не разгадать!

Да разве ты в том виновата,
Да разве я в том виноват,
Что кружится коршун над хатой,
А ястреб таскает цыплят?

Давай-ка еловую ветку
Поставим в святой уголок.
Глядишь, да отец с того света
Заявится на огонек!..

Сверчок

Анне Емельяновне
в день 85-летия

Давным-давно полоска сжата,
Давным-давно на взгорке нет
Той закопченной ветхой хаты,
Где появилась ты на свет.

Один сверчок,
Почуяв стужу,
Переметнулся в теплый дом
И с той поры вселился в душу
И в сердце царствует твоем.

То заунывной песне вторя,
То упоительно скрипя,
Он утешал в житейском горе
И в будни веселил тебя.

В мельканье лет,
В мерцанье свечек
Менялись вьюги и дожди.
Невзрачный серенький кузнечик
Не умолкал всю жизнь в груди.

Сверчку ни мало и ни много —
Всего-то восемьдесят пять,
И у высокого порога
Ему неймется верещать.

Живет в заботах и капризах
Неунывающий сверчок.
И горизонт,
Что локоть,
Близок,
И зримо близок потолок!

19 декабря 1998 г.
д. Гудилово

* * *

Позаросли окопы —
Остался смертный страх.
Мальчишки, возим копны
Ночами на волах.

Играют тучи в прятки
С землею и луной.
Душа уходит в пятки
И колется стерней.

Дрожат невольно губы,
И чудится впотьмах,
Что не снопы, а трупы
Уложены в крестцах.

Святые имена

П.М. Суконнову

Не выходя из боя,
Из адской кутерьмы,
Сражаются герои,
Пока их помним мы.

Мельчают поколенья,
Бледнеют времена.
Не подлежат забвенью
Святые имена.

Озарены их лица
Трагической судьбой,
И вечно будет длиться
Незавершенный бой!

Реквием

Велика Россия, а отступать некуда:
позади — Москва!
Политрук В. Клочков

Земля тревожно и устало
Гудела далеко окрест.
А поезд мчал из Казахстана
Их на неведомый разъезд.

Бросалась здесь
Под танки осень
За честь отеческой земли.
Дрались бесстрашно
Двадцать восемь
И здесь навечно залегли.

Забыв про небо голубое,
Они со связками гранат
Лежат и ждут сигнала к бою —
Уже полвека здесь лежат.

Лежат как будто на чужбине,
Прикрыв собой святую пядь.
Что делать им?
Куда им ныне
И наступать,
И отступать?

Они не знают,
Воскресая,
Неравный принимая бой,
Что позади Москва —
Чужая
И Казахстан
Уже чужой.

Они не ведают,
Что снова
Ракета в небо не взлетит,
Что у России нет Клочкова,
Что политрук давно убит...

Прощай и помни

"Прощай, прощай и помни обо мне"
В. Шекспир "Гамлет"

Из записной книжки
Зои Космодемьянской

Россия, матушка моя,
Опять с ухмылкой гнусною
Чернит гремучая змея
Святое имя русское.

Как ты могла родную дочь
Отдать на поругание?
Она уходит в эту ночь
На вечное задание.

Она шагает в стан врага
Ноябрьской ночью мглистою,
Еще не ведая греха,
Еще по-детски чистая.

И не страшит её петля
И смех змеи гремучей.
Но шепчут снежные поля
О смерти неминучей.

И поджидают палачи
Уже давно в засаде.
И руки цепкие в ночи
Её хватают сзади.

Без страха встретила допрос
Таинственная Таня.
А за порогом ждал мороз
И — вечное молчанье.

Она ступает как в огне,
Все муки пересиля:
"Прощай и помни обо мне
В любые дни,
Россия!"

* * *

Четыре дуба в Пушмине,
На правой стороне,
Напоминают горько мне
О проклятой войне.

Свирепый холод в душу лез
И в стылые дома.
Пилила лес, рубила лес
Безжалостно зима.

Пушмин тащили на плечах,
По снегу волокли,
Чтоб грел родительский очаг
И дети спать могли.

Четыре года шла война —
Корежила и жгла.
Четыре деревца она
На память сберегла.

Пускай они, отбросив страх,
Поведают потом
О старых пнях,
О скорбных днях,
Обугленных огнем.

Ох, эта память о войне
Горька и солона.
Четыре дуба в Пушмине
Переживет она.

Фрицы

Избу заполнила теплом
Сгоревшая кострица.
И, сняв рубахи, за столом
Вшей выбирали фрицы.

Мы притаились на печи,
Прижав к пупку колени.
Нам грели пятки кирпичи,
Бока студили стены.

Мы возле бабки улеглись,
Не зажигая свечку,
Чтоб в темноте не забрались
Чужие вши на печку.

Ариец разгонял тоску
Гармошкой и губами:
"Скорей в Москву,
Быстрей в Москву:
Там нам готовят баню!"

Закутав теплой тряпкой нос,
Пошли в Москву солдаты.
Непредсказуемый мороз
Погнал их вдаль от хаты.

А дед вдогонку зло шептал
И шмыгал сапогами:
Не то плясал,
Не то топтал
Заблудших вшей ногами!

Аринкин хутор

Ивану Рыжову

Шагал в заснеженной дали
Декабрь сорок второго.
А за санями вдаль брели
И овцы, и корова.

В какой-то стороне глухой
Вошли мы в сорок третий.
Аринкин хутор в час ночной
Нас громким лаем встретил.

На нем кончался белый свет
В завьюженной пустыне.
Ни радио и ни газет
Здесь не было в помине.

Ни капли ключевой воды,
Лишь пруд вонюче-ржавый.
Мы для питья и для еды
Сгребали снег шершавый,

Мы засыпали на полу
В сыром холодном доме,
Зарывшись с вечера в углу
В попонке и соломе.

Мне снился деревенский сад,
Пылавший жарким цветом.
А где-то дрался Сталинград,
Невидим и неведом.

Победа!

Я захожу в четвертый класс
И в сорок пятый год,
И в глубине ребячьих глаз
Возникнет самолет.

Едва не зацепив крылом
За школьную трубу,
Он взбудоражит каждый дом
И каждую избу.

В единый миг запорошат
Летучие листки
Заглохший двор,
Заглохший сад,
Канавки,
Бугорки.

Забыт урок,
Забыт звонок,
И, как в шальном кино,
Рванет братва через порог,
Махнет через окно.

— Победа! —
Кругом голова,
Ликуют сорванцы.
Лишь не услышат те слова
Зарытые отцы.

* * *

Дымовую паутину
Тянет в небе самолет.
Как бабахнет реактивный —
Сердце камнем упадет.

Воробьи, спасая шкуру,
Заберутся под стреху.
Под навес сбегутся куры
И прижмутся к петуху.

С перепугу шмель застонет,
Под цветок нырнет пчела.
Муравей бревно уронит
И забудет про дела.

Всё живое перед рамой
Встрепенется и замрет.
А по небу этот самый...
Белым-голубем плывет!

Сербиянка

Памяти Слободана Милошевича

Сербиянка, сербиянка,
До чего унылая.
Не страдала бы славянка,
Да убили милого.

Мне знакома с детских лет
Эта пляска грустная.
Вновь кровянится рассвет,
Снова небо хрустнуло.

Не увидят дед и внук
Воскресенье Вербное.
Сколько горя, сколько бед
Сброшено на Сербию!

Кружит черная вражда
Над страной бессонною,
Оглушая города
Взрывами и стонами.

А в Белграде — звон и гром,
Светит солнце ласково.
Пляшут сербы под огнем:
Помирать —
Так с пляскою!

Не огибается славянка
Под лихой бомбёжкою.
Сербиянка, сербиянка,
Топни, топни ножкою!

Брестская крепость

Александру Лукашенко

Я это священное место
Предать и забыть не могу.
Седые развалины Бреста
Доныне не сдались врагу.

Храня гробовое молчанье
И верность славянской душе,
Безвестные орловчане*
На славном стоят рубеже.

Богам и чертям неподвластный,
Молюсь, преклоняюсь, горжусь,
Что стала воистину красной
Прекрасная Белая Русь.

Никто — ни холопы, ни князи —
Не в силах её очернить.
Она отряхнулась от грязи,
Чтоб лик в чистоте сохранить.

Мы стали мудрей и суровей,
Мы знали, что в горестный час
Ближайшие братья по крови
Не отвернутся от нас.

В друзьях и вождях разуверясь,
Вступились они за Союз,
Когда озверевшая нерусь
Распяла державную Русь.

* 6-я Орловская Краснознаменная дивизия участвовала в обороне Бреста.

Ни мира, ни дружбы, ни славы
В обиженной Богом стране.
Развалины прежней державы
Дымятся в крови и огне.

Я вижу заветное место
На дальнем святом берегу.
Доныне защитники Бреста
Прицельно палят по врагу!

Зелёный холм

Зеленеет скорбный холм
Посреди России:
Непролазный бурелом
Да кресты косые.

Посещая Божий храм,
Бабушки и деды
Оживают по ночам
И ведут беседы.

Вспомнят батюшку-царя,
Ильича и Оську.
Повздыхают втихаря —
Все родные в доску.

Им неведомы небось
Новые порядки.
Пошатнулись вкривь и вкось
Ржавые оградки.

Видно, дети далеко,
Ну а внуки — дальше.
Здесь спокойно и легко
Без вражды и фальши.

Мне завещан этот холм
Посреди России.
Непролазный бурелом
Да кресты косые.

Я припомню в свой черед,
Задымив махоркой,
Как дурачили народ
Ленька,
Мишка,
Борька...

Святые грешники

Сейчас сам черт не разберет,
Какая демократия:
У власти топчется народ,
А правит та же братия.

Мерзавцы снова на коне,
Хотя в ином убранстве.
Всё перепуталось в стране
И даже в Божьем царстве.

Беда накликала беду,
Нависла тьма кромешная:
Святые маются в аду,
В раю жируют грешные!

Вина

Встречали восторженно-бурно
В провинции и в Москве
Блистательного трибуна
С заплаткою на голове.

Разглядывал вождь деловито
Реформенные чудеса
И верил в холопскую свиту
И в собственные словеса.

В лихом перестроечном гвалте
Не видел он тяжкой вины.
Осталась заплатка на карте
От прежней великой страны!

* * *

В последний год тысячелетья
Вползает куцая страна,
И, оборвав её соцветья,
Сбежал с позором сатана.

Скрывая черные деянья,
Вконец осточертевший всем,
Он в поздний срок на покаянье
Заторопился в Вифлеем.

Наверняка святым в Россию
Вернется этот дуролом,
Поскольку горькая осина
Давно соскучилась по нем!

Бедокур

Петух, бесстыжий бедокур,
Похожий на Чубайса,
Приватизировал всех кур
И за индюшек взялся.

Ему плевать на все грехи,
На птичий гвалт и вопли.
Разгорячились индюки
И — распустили сопли...

Похмелье

Стоят, касаясь облаков,
Пустые серые коробки:
Не слышно стука молотков,
Позаросли бурьяном тропки.

Незавершенные дома
Глядятся сумрачно и сиро,
И вновь вселяется зима
В их беспризорные квартиры.

А люди ждали столько лет
И не дождались новоселья.
И кто-то кроет горсовет
И гонит жалобы с похмелья.

И не сошел никто с ума
От одичанья и бессилья,
Что заморожена сама
Многострадальная Россия.

Гость

Гость большой и редкий
Дубу козырнул.
Ни одною веткой
Дуб не шевельнул.

Благостно-премудрый
Гость запел в сердцах
О туманном утре
И далеких днях.

Зашумела грозно
Барыня в окне:
— Эй, подайте розги!
Тошно слушать мне.

Стиснув гневно зубы,
Затаив печаль,
Сам хозяин дуба
Скрылся в Буживаль.

Радовался встрече
Любопытный сброд:
Сахарили речи
И глядели в рот.

Лишь мрачнел Герасим,
Великан немой,
Напрягая разум
Богатырский свой.

Рождество

Вздыхаю оробело,
Поверить не могу,
Что окопались белые
На Бежином лугу.

Корниловы да власовы
Вступились за царя.
Светлейший князь Апасов
У них за главаря.

Смиренный раб Валерий
Трубит державный сбор.
О православной вере
Заныл Большой Собор.

Живые и музейные —
Со всех материков —
Слетаются рассеянные
Души беляков.

Мерцают свечи длинные,
Толпясь у алтаря:
За рвано-неделимую,
За веру и царя.

Клубится кучка пестрая
Приблудных упырей.
Подайте саблю острую
Чапаеву скорей!

Христос

Его распяли на кресте
Злодейски иудеи
За то, что в гордой чистоте
Хранил свои идеи.

Христос распят,
Христос распят,
Но чувствует всей кожей:
В народе снова воскресят
Пресветлый образ Божий.

Христос воскрес,
Христос воскрес —
И на щеках румянец.
Свершилось чудо из чудес —
Явился самозванец.

Две тыщи лет святой обман
Под православной маской
Пленяет душу христиан
Божественною сказкой!

Воробей

Нет, он не строил козни,
Не осквернял уста.
Не подносил он гвозди,
Чтобы распять Христа.

За что клеймо иуды
И тяжкий груз вины
Несет малыш оттуда,
Из дальней стороны.

Мерзавцы обозвали
В насмешку воробья.
Живет он век в печали,
Страдая и скорбя.

Хранит он постоянство
И скромность мудреца,
И лишь одно гражданство
У этого лица.

С надеждою и верой,
Подвергнутый греху,
Несет пушинку серый
Под кровную стреху.

Матёрый

Игрив и ласков голос,
Смышлен и ловок сам,
Неуловимый Сорос
Влезает в душу к нам.

И в школы, и в музеи
По-свойски входит он.
Святые ротозеи
Кладут земной поклон.

С полушкой, да хлопушкой,
Да с прыткостью своей
Добрался он до Пушкина,
Пробрался до Кижей.

Пройдя моря и горы,
Без веры и креста,
Он, словно пес матерый,
Столбит свои места!

Бивни

В краеведческом музее Мценска
хранятся бивни мамонта.

В лесном затерянном овраге,
Где по весне ручьи рычат,
Водой обмытые коряги,
Как бивни мамонта,
Торчат.

А меж лесами и садами
Почудится в туманной мгле,
Как бродят мамонты стадами
По древней тельченской земле.

Откуда завернула стужа?
Откуда навалились льды?
И звери покидали Зушу
И уходили от беды.

В недобрый час в морской пучине
Песком их вечность замела.
А может, по другой причине
Их гибель тут подстерегла.

Всплыла еще одна из версий
В демократические дни,
Что стали жертвами репрессий
В эпоху оную они!

* * *

Беснуется перед глазами,
Кривляясь с утра до утра,
С лохматыми волосами
Гнусавая мошкара.

Россия, бесовству внимая,
Безмолвно зубами скрипя,
Слепая, глухая, немая,
Глядит и не видит себя.

Не чувствует горечь глумленья
Бунтарский униженный дух.
Верните ей голос и зренье,
Верните ей память и слух.

Верните, что кровно и свято,
Что Бог ей давал и дает.
Иначе по праву солдата
Сама она это вернет.

Дикари

Спустились марсиане
Под видом дикарей
И стали на поляне
Расстреливать гусей.

Неведомый мерзавец
Выделывал прыг-скок:
Хватал гусынь-красавиц,
Запихивал в мешок.

Гусак о землю бился
Простреленным крылом:
Шипел и матерился,
Гонясь за чужаком.

И, чудом уцелевший,
Созвал он в тесный круг
От страха ошалевших,
Израненных подруг:

— Разбойников нездешних
Я заклевать бы мог.
Но пусть карает грешных
Сам марсианский Бог.

А Бог, являя норов,
Рассвирепев, как бес,
Их счел за мародеров
И сбросил всех с небес.

Плевать им на расправу!
Они в числе гостей
Подались всей оравой
В Москву на юбилей.

* * *

Распознаю́ их по сноровке,
По хватке их распознаю́,
Хотя лихие полукровки
Не обнажают суть свою.

Неповторимые метисы,
Волшебники и мастера,
Петляют и ловчат, как лисы,
Чтобы погреться у двора.

Они, не мудрствуя лукаво,
Переметнутся в теплый стан,
Где на виду чины и слава,
В ходу интриги и обман.

Они по телеку лютуют,
Они по радио хамят,
Забыв, что в мире существуют
И русский гнев,
И русский мат.

Ревнивый голос родословной
И романтическая спесь
Их призывают к мести кровной
За потревоженную честь.

Не выясняйте в лодке узкой,
Какой вы веры и кровей.
Сегодня — каждый —
Полурусский,
Полумонгол,
Полуеврей...

Для всех кровей и полукровок
Россия — родина и мать,
И тяжкий грех —
Обидным словом
Её пинать и унижать.

Зюганка

Не в долине Нила или Ганга,
А в верховьях Зуши и Оки
Колосилась на ветру зюганка*,
И гордились ею мужики.

С затаенным чувством ребятишки
Ожидали новину в году.
Выпекала женщина коврижки
На каленом золотом поду.

В царстве дымной деревенской хаты,
Возле русской печки и дежи
Вырастали бойкие ребята —
Головастые крепыши.

Выходили в поле спозаранку,
Развернув севалку на груди:
Сеяли сноровисто зюганку,
Ожидая чуда впереди.

Высекая вместе с нею душу,
Издавна уверовал народ,
Что зюганку ни жара, ни стужа,
Никакая слякоть не берет!

* Зюганка — один из видов зимостойкой пшеницы на Руси.

Набат

Горбатый мост шахтерской каской
Дубасит сытую Москву.
Делец с тревогой и опаской
К дверному тянется глазку.

Шумит вельможа зло и бранно,
Заслышав стуки за версту:
"Опять заблудшие бараны
Башкою лупят по мосту!"

А эти милости не просят
И не сдаются — видит Бог!
Беспалый их с моста не сбросит
И не согнет в бараний рог.

Уставший от кремлевских сказок,
Бунтует русский домовой.
Мятежный звон шахтерских касок
Плывет набатом над страной.

Рубеж

Прошагал двадцатый век
В звездах и наколках.
Заблудился человек
В трех соснах и елках.

На каком ты рубеже
И в каком ты стане?
Большевик засел в душе,
Демократ — в кармане!

* * *

Кроты Россию источили,
Слепцы Россию извели.
Гнилые кочки,
Словно чирьи,
На теле матушки-земли.

У наших сел и деревенек,
Среди разлужий и лесов
Заглох бессонный муравейник,
Как неизбывной жизни зов.

Россия жрет и пьет по-свински,
Россия беспробудно спит.
Ей нужен вовсе не грузинский,
А чистый муравьиный спирт.

* * *

Трансферт, секвестр, приватизация
Вторгаются в родную речь.
Как от ползучей оккупации
Язык и душу уберечь?

Слова под видом инвестиций,
Под дымовой завесой лжи
Без боя перешли границу
И закрепляют рубежи.

Эй вы, под Тулой и Рязанью
Точите заржавевший штык,
Чтоб не подверглись обрезанью
И наша плоть,
И наш язык!..

* * *

Я в это слово верю свято,
Горжусь и радуюсь душой,
Что слово русское крылатое
Летит орбитою большой.

Никто не вправе и не в силе
Остановить его полет.
Теперь считаются с Россией
И даже воздают почет.

Всё больше в мире понимают
Мою загадочную Русь:
По-русски Пушкина читают
И даже зубрят наизусть.

По-русски борются и строят,
По-русски пляшут и поют
И даже русским матом кроют,
Когда свободы не дают.

Легли на все земные точки,
На все моря и острова
Меридианы, словно строчки,
Где пишут русские слова.

Мужья

Пришли иные времена,
Иные торжества в разгаре.
Единоверная жена
Свела их на Тверском бульваре.

Один из сказочных мужей
Признался с тихою печалью:
— Я уберег твоих детей,
Я защитил твою Наталью...

— Благодарю вас, генерал,
За все заботы и печали.
Я никогда не умирал —
Меня лишь в бронзу заковали.

Чтоб я, безумец и злодей,
Ревнивец пылкий и упрямый,
Отныне не страшил царей
И не дразнил их эпиграммой...

Дочь

Давно стихи забронзовели,
И сам забронзовел давно,
А дочь в любые дни недели
К нему приходит все равно.

Присев на краешке скамейки
У памятника на виду,
Она смежает скорбно веки,
Переживая ту беду.

Вся в черном —
Сущая монашка,
Оберегая свято честь,
Вздыхает пушкинская Машка,
А Машке —
Восемьдесят шесть.

Застенчиво и оробело,
Как сквозь магический кристалл,
Она на Пушкина глядела,
Но он её не узнавал...

Матушка

Живя за границей, Тургенев
получил диковинную посылку из дома.

Стосковалась о заблудшем сыне,
Что забыл о ней в чужом краю,
Шлет ему посылку из России
И молитву слезную свою:

"Столбовая русская дворянка,
Я желаю только одного,
Чтобы ты проклятую цыганку
Выдворил из сердца своего!

Умоляю, дорогой и милый,
Чтобы под счастливою звездой
Ты построил собственную виллу,
Свил бы себе кровное гнездо" .

Долгой и неведомой дорогой
Шла посылка с шелковой тесьмой,
И счастливец трепетно потрогал
Редкую диковинку рукой.

А потом оторопело замер,
Не способный разумом постичь,
Почему возник перед глазами
Спасско-лутовиновский кирпич.

И вздохнул печально и устало,
Матушку за шутку не виня:
"Сколько лет за пазухой хранила
Дорогой подарок для меня!"

Возвращение

Июльские грозы басили,
Горланили птахи окрест,
Когда он вернулся в Россию,
В возлюбленный Мценский уезд.

Поднялся над тихою Зушей
Великий её гражданин,
Лаская озябшие души
Немеркнущим светом седин.

Тревожно над статуей в парке
Плывут облака и века.
Восторженные амчанки
Боготворят земляка.

Они затаенно по-женски
Ему благодарны за то,
Что он поселился во Мценске
Без этой мадам Виардо!

20 июля 1999 г.

ПОЗДНЯЯ МЕТЕЛЬ

* * *

Бесшабашной тройкою промчалась
Явно опрометчивая жизнь.
Незаметно подкатила старость,
И былые страсти улеглись.

Долго и мучительно молчавший,
Не рискую вновь заговорить.
Третий лишний —
Без вести пропавший —
Не завяжет порванную нить.

Ничего нельзя переиначить,
Невозможно ничего вернуть.
Лишь порою мечется и плачет
Колокольчик,
Разрывая грудь...

* * *

Мы о звезды с тобой обожглись
И расстались без лишнего звука.
Растянулась на целую жизнь
Непредвиденная разлука.

Снова прячу глаза от молвы,
Ибо память, лукаво колдуя,
Все свалила с больной головы
На мою безответно седую.

Мне хватило бессилья и сил,
Чтоб забыть все,
Что было и сплыло.
Я тебя за измену простил,
Ты за верность меня не простила.

* * *

Забыв о пыльных васильках
И грязных сельских верстах,
Она витала в облаках
И грезила о звездах.

Потом скрывалась от беды
В палатках и вагонах,
А три заветные звезды
Поймала на погонах.

* * *

Обмануть доверчивую душу —
Значит грех великий совершить.
Грубым словом
Можно оглоушить,
Нежным словом
Можно оглушить.

Сколько лет
Старалась безуспешно,
Сколько зим
В засаде стерегла,
Чтоб однажды
Ласково и нежно
Нанести удар из-за угла.

Принимаю боль
Как будто милость,
Хоть и не доказана вина.
Сотрясенья мозга не случилось,
А душа сотрясена до дна.

* * *

Рано ты меня похоронила
И отпела "Боже упаси...".
Мне еще не хочется в могилу,
Я еще помаюсь на Руси.

Я зарылся в дальней глухомани,
Ковыряюсь в дедовской земле.
Заплуталась молодость в тумане,
Старость затеряется во мгле.

Слепо и устало ковыляя,
Я бреду заглохшим пустырем.
Женщина чужая и родная
Стала для меня поводырем.

Эта терпелива и бедова,
Пересилит горе и напасть
И меня, хмельного и шального,
Не уронит и не бросит в грязь.

Рано ты меня похоронила
И отпела "Боже, упаси...".
Мне еще не хочется в могилу,
Я еще не лишний на Руси...

* * *

Снится мне ненастными ночами,
Словно ты, судьбу свою кляня,
Под венец на тройке с бубенцами
Мчишься мимо Мценска и меня.

Стылый воздух разрывая грудью,
Пролетела тройка с ветерком.
А душа осталась на распутье
Где-то между Тулой и Орлом.

А твои непрошеные слезы,
Что осели на ветвях берез,
Густо осыпаются в морозы
Инеем пушистым на откос...

Эта сказка в молодости снилась,
Эта сказка снится старику.
Ничего такого не случилось
На моем и на твоем веку.

Просто ты,
Вздыхая по привычке,
Гордое молчание храня,
С мужем на знакомой электричке
Мчишься мимо Мценска и меня.

Поздняя метель

Деревянный домик на Щемиловской
Оживает в памяти порой.
Здесь давным-давно
Чудак гудиловский
Гостевал метельною зимой.

Видимо, таинственная сила
Заманила в этот тихий дом.
У порога зло пурга скулила,
Выл ревниво ветер за окном.

Юную хозяйку огорчая,
Я сердился, не скрывая злость:
Неужели вместо кружки чая
Ничего покрепче не нашлось?

Переждать бы мне шальную вьюгу,
Застолбить бы угол и порог.
Огорчил я давнюю подругу
И её мольбою пренебрег.

Дернул меня черт заторопиться
И податься в снеговую муть,
Чтобы через годы возвратиться
И на эту улицу взглянуть.

Как увижу домик деревянный,
Сердце защемит и запоет.
Снова крутит ветер неприкаянно
И метель клубится у ворот...

* * *

По осиннику,
По орешнику,
По малиннику наугад
Мы, три циника,
Мы, три грешника,
Пробирались в запретный сад.

Залегли у канавы
Три кореша
Да и замерли не дыша:
Ненаглядная дочка сторожа
Хлопотала у шалаша.

Брови — дугами,
Нос — горбинкою,
И обтянута блузкой грудь.
Мы любуемся дивной блондинкою
И боимся случайно спугнуть.

Каждый ухарь
Поежился зябко,
Каждый грешник
Печально затих:
Как же нам
Два пленительных яблока
Поделить на троих?

Вьюга

Эле

— Елки-палки — лес густой! —
Завывала вьюга. —
Что ты бродишь холостой?
Где твоя подруга?

В дни душевной маеты,
Горькой и недужной,
Я хмелел от красоты —
Ветреной и вьюжной.

Все бывало во хмелю,
За чертою круга:
Я шептал пурге "люблю",
Обнимал же вьюгу.

Все досталось мне в удел:
Омуты и мели.
Снежный ветер отшумел,
Отмели метели.

Виснет месяц у ветлы,
Золотой, безрогий.
Дали поздние светлы,
И светлы дороги.

Елки-палки — лес густой,
Тишина в округе.
Я давно не холостой,
А женат на вьюге!

Сосна

Вечно молода и зелена,
Поселилась во дворе сосна.

Старая дуплистая ракита
Заропталa листьями сердито.

Стройная печальная береза
Посмотрела откровенно косо.

Шибко знаменитая рябина
Подошла и тонко нагрубила.

Тихая божественная верба
На ветру поеживалась нервно.

Лишь высокий добродушный клен
Оказался по уши влюблен.

Вечно молода и зелена,
Поселилась во дворе ... весна!

Из книги "ВЕРБНЫЙ РОДНИК"

*

2007

БЕЛЫЙ ДОННИК, ЖЕЛТЫЙ ДОННИК

* * *

Дикая поросль

Растеряли пастухи и птахи
От пахучих яблок семена.
Проросли дичками заваляхи,
Но уже в иные времена.

Уж давно в подзоле и суглинке
Сгнили их родительские пни,
Ни своей грушовки, ни малиновки
Отродясь не ведают они.

Из какого сада-огорода
Появились эти новички?
Нет у них ни племени, ни рода —
Просто безымянные дички.

Нет в их сердце
Ни любви,
Ни муки.
Может, Бог,
А может, сатана
Их возьмет отсюда на поруки
И привьет по вкусу имена.

10 сентября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

На месте брошенных садов
И убежавших хат
Не видно никаких следов
Потерь или утрат.

Не помнит враг,
Не помнит друг,
Кто тут когда-то жил:
Их имена забил лопух
И чернобыл забил.

Забыты деды и отцы
Без явной их вины.
Охотно отреклись юнцы
От отчей стороны.

И лишь у Бога на виду
И даже в черный день
Опята держатся в саду
За свой трухлявый пень.

5 октября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Постою чуть-чуть на берегу,
Погляжу налево и направо:
Камыши взметнулись на лугу,
Заглушив застенчивые травы.

Не отыщут пчелы и шмели
Таволги, шалфея, иван-чая.
Взобрались на кручу ковыли,
Сивыми метелками качая.

Захлестнули волны ковылей
Снова поле Дикое на взгорье.
Только не видать богатырей,
Что стояли на Руси в дозоре.

8 октября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Заблажели луга, заблажели,
И поля бодяком заросли.
Где вы, блудные дети артели?
Где вы, пахари русской земли?

Ни ответа, ни вздоха, ни взбучки,
Ни печали в державных делах.
Лишь колючки, колючки, колючки —
На лугах, на полях, на холмах.

Только наших пророков базарных
Не колышут тревога и грусть.
Не татары, а просто татарник
Покоряет бесхозную Русь.

11 августа 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Эту землю терпеливо —
То лопатой, то косой
Отбивал я у крапивы
И тверезый, и косой.

Дышит медом желтый донник,
Клевер душу веселит.
Только ни один подойник
На деревне не звенит.

Занимательно, ей-богу,
Жить и думать под луной:
Почему крапивы много,
А коровы — ни одной?

3 августа 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Я не трезвый и не пьяный
Покидаю дом родной.
В сизом мареве тумана
Деревенька за спиной.

На три дома лишь три зуба,
Три изношенных горба.
Беззастенчиво и грубо
Их обидела судьба.

Загребущими руками
Деревеньку тащит вор.
А она тремя зубами
Уцепилась за бугор.

Спотыкаюсь, как спросонок,
Каждой кочке бью поклон.
Белый донник, желтый донник
Нависает с трех сторон.

В желтой пене,
В белой пене
Тонут ранние часы.
Саднят мокрые колени
От пронзительной росы.

1 июля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Металась в четырех углах
Столетняя старуха,
Что провела всю жизнь в делах
И не теряла духа.

Сама готовила дрова,
Сама таскала воду.
Да закружилась голова
В лихую непогоду.

Крестилась бабка в уголке
Назло нечистой силе,
Чтоб в целлофановом кульке
Её не хоронили.

Пока не помутился лоб
И пенсия в кармане,
Она себе дубовый гроб
Спроворила заране.

В один из непогожих дней
Достали домовину.
Погурковали бабы с ней
И опустили в глину.

Без лишних слез,
Без лишних слов,
Без лишней мутной стопки
Почтили всех несчастных вдов
И зашвырнули пробки...

4 ноября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Любил село издалека
Теперь люблю вблизи,
Когда оно у большака
Валяется в грязи.

Промчались мимо свет и звук,
Прокрался мимо газ.
Забыл меня давнишний друг —
Родной рабочий класс.

Священный дружеский Союз
Поруган и распят,
И я печально признаюсь,
Что в этом виноват.

17 августа 2000 г.
д. Гудилово

Солома

Дома и солома съедома.
Поговорка

За дверью крестьянского дома
Творятся теперь чудеса:
В полях полыхает солома,
И дым выедает глаза.

Не думалось и не гадалось,
Чтоб в спешке реформенных дел
Бездумно солома сжигалась
И пепел по ветру летел.

Никто никого не осудит,
Не вышлет на Соловки.
Деревня вздохнет и забудет
Натуре своей вопреки.

А предок —
С махрою и грыжей, —
Поставив избу и сарай,
Гордился соломенной крышей,
Берег свой соломенный рай.

Извечно уклад деревенский
Преследовал недород.
Кормилиц соломенной резкой
Спасал от позора народ.

Обманут, ограблен, изломан,
Всплакнув о царе иль вожде,
Хватался мужик за солому,
Всю жизнь утопая в нужде.

В полях полыхает солома,
Забыв про овин и омет.
Солома теперь не съедома —
Россия соломку жует!

17 сентября 2001 г.
д. Гудилово

Мчится тройка по России

Ивану Кузину

Плавно вскидывая ноги,
Скачет, словно на показ,
По протасовской дороге
Чудо-тройка в поздний час.

Увидав коней горячих,
Что летели с ветерком,
Месяц тучу окорячил
И завис над большаком.

Смотрит с завистью и грустью,
Как восходит конский дух:
Здесь поныне пахнет Русью
И трубит зарю петух.

От пригорка до пригорка,
Позабыв передохнуть,
Месяц преданно и зорко
Освещает тройке путь.

Заливаются борзые
То в селе, то в городке.
Мчится тройка по России —
И земляк на облучке...

20 августа 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Глухомань и бездорожье,
Все отрезаны пути.
Ни груженой, ни порожней
Тут машине не пройти.

В этот угол медвежачий,
Чтоб с тоски не зареветь,
Ни один еще бродячий
Не заглядывал медведь.

Зарекаюсь перед Богом
На лукавых не пенять.
Только вздохом,
Только пёхом
Можно родину понять.

Никого не потревожу,
Если сердце подведет:
Все равно по бездорожью
"Неотложка" не пройдет...

3 марта 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Я сквозь сердце пропускаю всех,
Кто насмешку дарит или смех.

Кто приносит радость или боль,
Кто мешает злобу и любовь.

Всех своих друзей и всех врагов
С ношею даров или грехов.

Всех, кто приглядит и подглядит,
Снимет обувь или наследит,

Ведь для сердца главная беда,
Если не останется следа...

24 декабря 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Устав в отечестве своем
Бесцельно бить баклуши,
Мы перестраиваем дом
И собственные души.

Мастятся пол и потолок
Средь суеты и гвалта.
Гвоздит усердно молоток,
И бухает кувалда.

И в поте своего лица
Гребем без передышки
Кто тёс для красного крыльца,
Кто для могильной крышки!

27 июля 2002 г.
д. Гудилово

Бараний рог

Был мужик горяч и строг,
Грубоват на слово.
Мог скрутить в бараний рог
Стукача любого.

Сколько весен, сколько лет
То верхом, то пешим
Шастал с овцами сосед
По буграм и межам.

Неизменно в шесть утра
По звонку-удару
Выбегала со двора
Шалая отара.

Без пройдошливой овцы
Не бывает стада:
Кто ударится в овсы,
Кто в глубинку сада.

Всех он ревностно берег
И стерег от зверя,
И висел бараний рог
У него над дверью...

15 ноября 2004 г.
д. Гудилово

* * *

В старой хате с захудалой печкой,
Где вот-вот обвалятся венцы,
Запалив оплавленную свечку,
Принимаю роды у овцы.

Во дворе бушует непогода,
Не видать ни света, ни огня.
Сам баран,
Глава шального рода,
Благодарно смотрит на меня.

А ягненок,
Шею выгибая,
Уловив мурлыканье овцы,
Ищет вымя мокрыми губами,
Тянет материнские сосцы.

Глажу рожки
С изумленьем странным,
Грею пальцы в шерстяном тепле:
— Боже мой,
Еще одним бараном
Стало нынче больше на земле!..

9 октября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

За рекой, за выгоном, за садом
Верховодил он овечьим стадом,
Ухарь, забияка, донжуан,
Черный,
С белой звездочкой
Баран.

Деревенской улицей прямой
Он с чужими поспешал домой,
Забияка, ухарь, донжуан,
Черный,
С белой грудкою
Баран.

А под крышей дома своего
Смерть уже давно ждала его.
От нее баран не убежал —
Черный,
В белых тапочках
Лежал...

Отойдут морозы и метели,
И на солнце выбежит в апреле
Из-под сонных деревенских крыш
Черный,
С белой звездочкой
Малыш...

9 января 2003 г.
д. Гудилово

Шакал

Крался вверх,
Крался вниз
В зарослях бурьяна.
Сам охотился на лис,
А свалил барана.

Подобрал и растерзал
У лесной дороги.
Не обычный был шакал,
А шакал двуногий.

Через поле,
Через лес
С мелкой дрожью в лапах
От греха шкодливый бес
На колесах драпал.

Мчался он в глухом лесу,
Миновав опушку,
Где шакала, как лису,
Не возьмешь на мушку...

9 октября 2002 г.
д. Гуд*илово*

* * *

Смотрят звезды на двор
Сквозь дырявую крышу.
Тишина и разор —
Никого не услышу.

Не заржет жеребец
И не звякнет уздечкой.
Знать, сбежал сорванец
И бродяжит за речкой.

Из другого угла
Не откликнется Лыска.
Видно, в стадо ушла,
Ну а стадо не близко.

Не заблеет овца —
Не ответит ягненок.
Я обиду с лица
Утираю спросонок.

Просочится рассвет
Сквозь щелястую крышу.
А хозяина нет —
За околицу вышел...

7 октября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Сколько лет,
Сколько зим не слыхать
На дворе Рыжака и Малинки.
Только овцы в орешки опять
Превращают сенцо до былинки.

Этой сказке не будет конца,
Как осенним дождям и туману.
Вот опять подарила овца
Кучерявого басурмана.

Что поделать —
Природа права,
Поступая без всякого спроса.
Вновь засучивай рукава,
Отбивай и настраивай косу.

Я всю жизнь одержимо гонюсь
За полянками и бугорками.
А случится —
Над рядом споткнусь
И взмахну над землею руками...

12 мая 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Бушует шальная крапива
У скотных артельных дворов.
Глядятся они сиротливо
Без окон, без рам, без коров.

Бывало, лишь белые мухи
Закружатся над землей,
Спешили коровы в испуге
Усталой походкой домой.

Всё было готово к приему:
Толпились скирды и стога,
Поля не жалели соломы,
Травы не жалели луга.

Давно это было в России
На этих лугах и полях,
Когда еще копны возили
На тачках и на волах.

Давно не молотят цепами
И нет тех бедовых людей.
Осталась крапивная память
От прежних загадочных дней.

Та память рисует картину,
Где мальчик знакомой тропой
Колхозных телят хворостиной
Торопит на водопой...

4 октября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Мозолятся дороги,
Горбатятся поля.
Страда торопит сроки,
Погожий день моля.

Заносчивый, ревнивый,
Неугомонный "Дон"
Обхаживает "Ниву"
С утра со всех сторон.

Позолотилось семя
От солнечных лучей.
А ночью зябнет темя
Остриженных полей.

Вопят о сжатых сроках,
Шершавы и грубы,
Мозоли на дорогах
И на полях горбы.

22 марта 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Висит в углу лампада —
Позолоченный край.
Лампады мне не надо —
Мне Бога подавай!

"Всеблагий и всесильный! —
Спрошу его в сердцах. —
Зачем развел в России
Неслыханный бардак?"

И в оглушенной хате
Увижу в этот миг
Казанской Божьей Матери
Благословенный лик.

Наверно, дерзко бухал,
Ярился не шутя,
Она забилась в угол,
Прижав к груди дитя...

17 сентября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Прошу у Господа прощенья,
У Самородова и Мецны
За все земные прегрешенья
И соблазнительные сны.

Отголосили трубы медные,
Огни и воды — за спиной.
Позволь же, Боже, незаметно
Мне удалиться в мир иной.

Гулял бы на лужайке мерин,
Петух бы на плетне орал.
А я б надеялся и верил —
Никто меня не потерял...

10 августа 2002 г.
Автобус "Мценск – Орел"

* * *

Не чуя рук,
Не чуя ног,
И скромницы, и бражницы
Пыряли в лунки вдоль дорог
Березовые саженцы.

А чтобы не скучали те,
Рябинок присоседили.
Вздыхали все о красоте
И красотою бредили.

В престольный день
Под шум ветров
Над балками-оврагами
Березы встретили Покров
Рябиновыми стягами.

9 декабря 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Гордячки и растяпы
Клубились до рассвета.
Когда-то были бабы —
И было бабье лето.

Теперь одни бабуси
На печке греют кости.
Лишь Господи Иисусе
Заглядывает в гости.

Сентябрь довольно зябкий,
С дождями затяжными.
Шуршат на печке бабки
Печалями своими.

Тоскливо ждет рассвета
Беспомощная старость.
И даже бабье лето
От грешных отказалось.

30 сентября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Доживает век бабуся
Не в селе, а в городке.
Всё мерещится, что гуси
Припозднились на реке.

Забелел Покров от снега
И донес гусиный крик.
Бабка кличет:
— Тега! Тега! —
Крошит хлеб
На половик...

14 октября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Старик в заношенной фуфайке,
С уздечкой ржавою в руке
Кого-то ищет на лужайке
От городка невдалеке.

Лицо в загадочной печали,
Глаза испуганно скользят.
...А Воронка в колхоз забрали
Еще лет семьдесят назад.

20 октября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Стоишь на лесенке крыльца
И тишиною дышишь:
Ни жаворонка, ни скворца
В округе не услышишь.

Знать, певчим птицам не с руки
Лететь в места глухие,
Где нынче только старики —
Слепые да глухие.

Заглохли дивные места
В сторонке от райцентра.
Аудитория не та
Для птичьего концерта...

24 мая 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Скучно в нашенской округе
Без телег и без саней.
Не уйдут зимой старухи
Дальше собственных сеней.

Беспросветен, безнадежен
Стариковский Божий рай.
Обезручил, обезножил,
Обезглазил отчий край.

Обескровлен, обезглавлен
Беззащитный сельский кров.
Рвется ветер в створки ставен
У заброшенных дворов.

Воет ветер,
Бродит вьюга
Прячет зайцев и лисиц.
Спит безмолвная округа
До прилета певчих птиц.

12 февраля 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Убежали поля от людей,
Разнаряженные в краснуху,
Позабыв удалых плугарей
И поджаристую краюху.

Отвернулись луга от людей,
Позаросшие дикой кустаркой,
Отлучившие пчел и шмелей
От пахучих цветов и нектара.

Обозлились сады на людей,
Опоясались жгучей крапивой,
Чтобы летом хмельной лиходей
Не обламывал вишни и сливы.

Хаты спрятались от людей
В лопушатник и чернобыльник,
Затерявшись в тумане полей,
Словно давний,
Забытый могильник.

Вдруг почувствуешь в горестный час
Безутешную боль и усталость.
Отказалась деревня от нас,
Ибо мы от неё отказались.

8 июля 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Александру Кузнецову

По ночам на забитые хаты,
На развалины и на бурьян
Оседает коварно-кудлатый,
Современный кислотный туман.

Обмывают студеные росы
Обреченную зелень ветвей,
И душа ударяется в слезы
По распятой деревне моей.

Скоро примут за городище
Это место в забытом краю.
И начнут ворошить пепелище
И раскапывать душу мою.

Перерыв все завалы и норы,
Глядь, найдет перекатная голь
Оловянную ложку, которой
Я хлебал здесь и радость, и боль.

6 мая 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Мне до дома
Словно до звезды.
Там теперь безлюдно,
Как в пустыне.
Лишь клубятся по утрам дрозды,
Обрывая гроздья на рябине.

После злых метелей и пурги
Ягоды спеклись и затвердели.
Стали они слаще кураги
В первые февральские недели.

Клюйте на здоровье, земляки,
Не скучайте в захолустье тихом.
Не бросайте эти уголки
И меня не поминайте лихом.

Мне до дома
Словно до звезды,
Там теперь безлюдней,
Чем в пустыне.
Слава Богу,
Что еще дрозды
С молотка рябину не пустили.

6 февраля 2003 г.
д. Гудилово

Пастушья сумка

Эле

Всё тяжелей, всё тяжелей
Пастушья сумка.
Налей, старуха, не жалей,
Полнее рюмку.

Налей за счастье пастуха,
За мать-Россию,
За перелески и луга,
За небо синее.

Я вспомню зной и холода,
Жару и ливни.
Я был отчаянный тогда
И был счастливый.

Меня боялся лютый зверь,
Любило стадо.
А вот теперь, а вот теперь
Душа не рада.

Теперь пугают хворь и лень,
На сердце зябко.
Не греет даже в летний день
Баранья шапка.

Хожу-брожу как неживой,
Ступаю слепо.
И кажется над головой
С овчинку небо.

Уплыли в вечность журавли
И день вчерашний.

Пастушьей сумкой заросли
Луга и пашни.

Всё тяжелей,
Всё тяжелей
Пастушья сумка.
Налей, старуха, не жалей,
Полнее рюмку.

Налей, старуха, я не пьян, —
За мать-Россию
Я, может, даже не стакан,
А два осилю!

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ДОРОГИ

* * *

Лесок. Пригорок. Стадо.
В дрожащей дымке даль.
И ничего не надо,
И никого не жаль.

И некуда мне ехать,
И незачем идти.
И ни к чему кумекать,
Что ждет меня в пути.

Всё то, что заповедано,
Ушло от глаз и губ.
А всё же мир неведомый
Неотразимо люб.

И вновь хочу поехать,
И вновь хочу пойти,
И вновь хочу кумекать,
Что ждет меня в пути.

Лесок. Пригорок. Стадо.
Яснеющая даль.
И вновь мне что-то надо,
И вновь кого-то жаль.

26 июля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Сулило утро непогоду
Благим прогнозам вопреки,
И облака по небосводу
Сновали, словно челноки.

Пылал закат у перелеска,
Под горкой плавилась река,
И солнце,
Словно медь,
До блеска
Натерли за день облака.

Им далеко еще до дома,
И, продолжая долгий путь,
Они на кромку окоема
Присели малость отдохнуть...

1 апреля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Валерию Михееву

Малиновые гроздья бересклета
Напоминают явственно о том,
Что завихрилось
В долгий отпуск лето
И куролесит осень за окном.

То снег с дождем
Перемешает ветер,
То солнце из-за тучи ослепит.
То снова день
Туманно-беспросветен
И без причины на меня сердит.

Я с детских лет
Привычен к передрягам
И принимаю их за благодать.
Иду по жизни терпеливым шагом —
И негде утешения искать.

Лишь на упругих ветках бересклета
Зеленая-зеленая листва
Как весточка из голубого лета
В честь праздника святого Покрова.

14 октября 2003 г.
д. Гудилово

Покров

По календарным вехам
Дойдя до Покрова,
Замрут под легким снегом
Деревья и трава.

Проветрится степенно
Хозяин у ворот.
Потом вязанку сена
Корове принесет.

Облает снег нежданно
Дозор из конуры,
Попробует как манну
И стихнет до поры.

Петух посмотрит хмуро,
Воспримет словно грех.
Рванут с насеста куры
Вприпрыжку через снег.

Рассядутся по слегам
Печально воробьи:
Прикрыло зерна снегом —
Попробуй разгреби.

Дохнет лихая стужа
Далеким холодком,
Омоложая душу
Морозцем и снежком.

14 октября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Отрекаются дети и внуки,
Недовольно скуля и хуля.
Но в нужде,
Но в беде и разлуке
Не оставит нас матерь-земля.

Жарким днем или ночью морозной,
У прямой иль кривой колеи
Все равно она рано иль поздно
Заключает в объятья свои...

27 сентября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Разметав снега и стужу
Перелесков и куртин,
Теплый ветер по разлужью
Шумно гонит стадо льдин.

А одна смешная льдина,
Потеряв в дороге прыть,
Уцепилась за рябину,
Чтобы к морю не уплыть.

И, травою обрастая,
Истончалась на юру:
"Лучше я в кустах истаю,
Но на родине помру!"

3 мая 2001 г.
д. Гудилово

Волчий ров

Может, это небылица,
Но поныне говорят:
Здесь прикончили волчицу
И прихлопнули волчат.

Приволок отец овчару,
Только некого кормить.
Заметался волк поджарый
И принялся дико выть.

С той поры в глухой глубинке
И до нынешних времен
На вечерние поминки
Созывал собратьев он.

Все с добычей приходили
И клубились меж кустов:
Молча ели, молча пили,
Молча покидали ров.

Молчаливая ватага
Разбегалась по лесам,
Разбросав на дне оврага
Поминальный сор и хлам.

Бродит стадо по опушке
И, мотая головой,
Настораживает уши,
Словно слышит
Волчий вой...

7 марта 2001 г.
д. Гудилово

Лисёнок

Лисёнок косолапый
Слонялся по бугру.
Искал он маму с папой
И звал домой в нору.

— О, друг ты мой ушастый,
Ты мне чертовски мил! —
Его лисятник страстный
Завлек и прикормил.

Однажды рыжий Жора,
Не убоясь греха,
Прокрался вдоль забора
И сцапал петуха.

Взглянул хозяин хмуро
И зверя известил,
Чтоб собственною шкурой
Убыток возместил.

Куда бежать зверюшке?
Смотался в лес тайком.
Палатки на опушке
Обшарил вечерком.

Заслышав брань и стуки,
Я в этот грешный час
Взял Жору на поруки
И от расправы спас.

5 декабря 2000 г.
д. Гудилово

* * *

Прогрелись заречные скаты,
Опушки, пригорки, холмы.
Уже зачернели заплаты
На белом кафтане зимы.

А солнце сильней пригревает,
И, днем разгоняя туман,
Оно торопливо сшивает
Зеленый весне сарафан.

Почесывая бороденку,
Мужик с нетерпением ждёт,
Когда на полянку теленка
Весна в поводке поведет...

16 марта 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Бессонные вершины
Роняли чуткий снег.
Неслись домой машины
На ужин и ночлег.

Лучами фары шарили
Меж сосен и берез,
И огненные шарики
Катились под откос.

Огни казались свечками,
Мерцая меж ветвей,
И, окунувшись в речке,
Мгновенно гасли в ней.

7 января 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Солнце встало, засветило,
Оглядело всё вокруг
И мгновенно затопило
Одуванчиковый луг.

Снова пчелы друг за другом
Из летка на волю прут.
Шумно кружатся над лугом
И с нектаром солнце пьют.

Поздний луг заснул от гула,
День свалился на кровать.
Солнце в улей заглянуло
И осталось ночевать.

30 января 2001 г.
д. Гудилово

Пчелы

Всю-то жизнь
Снуют без передышки,
Да на них беспечный домовой
Не заводит трудовые книжки,
Стаж не оформляет трудовой.

Божьи твари
Мечутся в угаре,
Скачут от цветка и до цветка
С неизменной думой о нектаре,
Не жалея сил и хоботка.

Нет у них охоты и запала
Кровные отстаивать права.
Лишь бы матка
Горестей не знала
Да росла здоровая детва.

Снятся им
То лепестки, то пестики,
Порождая прыть и маету.
Пчелы не заботятся о пенсии,
Пчелы умирают на лету...

20 ноября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Раскатом громовым контужен,
Подслеповатый дождик шел.
А солнце шлепало по лужам,
По-бабьи подоткнув подол.

И выпрямляли спину травы,
И шла пшеница в полный рост,
И птицы пели гимн во славу
Российских благодатных гроз...

6 февраля 2001 г.
д. Гудилово

Касатик

Ане

Опять на горку вылез
И на заре зацвел
Касатик —
Дикий ирис —
Цветок забытых сел.

Прижились по соседству
Адонис и шалфей.
А все же ирис с детства
Душе моей милей.

Неповторим и редок,
Он вновь пленил меня:
Им любовался предок —
Теперь любуюсь я.

Опять на горку вылез
И, оробев в ночи,
О камни точит ирис
Зеленые мечи...

18 мая 2004 г.
д. Гудилово

Подсолнух

Мимо гречки, мимо ржи,
Мимо молочая
Шел подсолнух вдоль межи,
Головой качая.

Не страшась ни бурь, ни гроз,
Ни лихого времечка,
Он по кругу шапку нес,
Раздавая семечки...

29 сентября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Опять сплошная заморочка
Творится с самого утра.
Опять пустую катит бочку
Илья-пророк из-за бугра.

Гляди, как сено порыжело,
И вновь
Сушить, сушить, сушить.
О, как же мне осточертело
То собирать, то ворошить.

Снимаю мокрую сорочку
И матерю свою судьбу,
Что весь июль катает бочку
Илюха на моем горбу!..

15 июля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Здесь был наш скудный огород,
Тянулись ровно грядки,
Да повилика и осот
Творили беспорядки.

Их ловко тяпками секли,
С корнями вырывали,
Чтоб сок у матушки-земли
Они не воровали.

Давно на этом свете нет
Тех, что сражались с ними:
Затравенел их грешный след
И выветрилось имя.

Теперь отцовская земля
Встречает, словно друга,
Меня гудением шмеля
И разнотравьем луга.

А всё под ложечкой сосет,
Что с кашкой и рябинкой
Здесь повилика и осот
Цветут неистребимо...

24 июля 2003 г.
д. Гудилово

* * *

То на санях,
То на телеге
Плутает осень меж дворов.
Декабрь печалится о снеге
Под стук убогих топоров.

Земля коробится без снега,
Трещат от стужи дерева,
И даже сани и телега
Себя готовят на дрова.

* * *

Дуб стоял на опушке
В стороне от села.
Угнездясь на макушке,
Туча в небо звала:

— Ты большой и красивый,
Великану под стать.
Я хочу всей России
Тебя показать!

Дуб тряхнул головою,
Убежденный вполне:
— Вся Россия —
Со мною,
Вся Россия —
Во мне!

Оскорбленно-неистово
Туча ринулась ввысь,
Только ржавые листья
Ей вдогонку неслись...

12 ноября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Береза улететь не может,
Не может убежать сосна.
Но ветер носит, словно мошек,
И распыляет семена.

Деревья старятся не горбясь,
Не предаваясь горьким снам.
Они испытывают гордость,
Что дали крылья семенам.

Они вдыхают грешный воздух
И улочек, и площадей
И, даже упираясь в звезды,
Не рвут родительских корней.

Береза улететь не может,
Не может убежать сосна,
Но разлетаются тревожно
По белу свету семена...

26 августа 2002 г.
Автобус "Мценск – Орел"

* * *

Лес живет законами своими:
Каждый стебель рвется в высоту,
Чтобы возвышаться над другими,
Чтобы быть у мира на виду.

Любо наряжаться и рядиться,
Щекотать макушкой облака.
Да поди не всякая годится
Липка для знаменного древка!

9 февраля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Скворец плескает душу
И крылышками бьет.
А кажется, что груша
Сама взахлеб поет.

Завис в оконной раме
Её цветной портрет.
Шумит над ней ветрами
Шестой десяток лет.

Она цветет по-прежнему
И украшает сад:
Прижмет к груди скворечню
И нянчает скворчат...

12 марта 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Бодает месяц круторогий,
Сшибает за звездой звезду.
А я шагаю по дороге
И огорчаюсь на ходу.

Одна звезда сгорела в поле,
Другая соскользнула в лес,
И возникает поневоле
Сугубо личный интерес.

Успею ли дойти до дома,
Увижу ли, когда, куда
По небу темно-голубому
Моя покатится звезда?

Катись-ка,
Дьявол круторогий,
К своим языческим богам.
Достать бы палкою с дороги
Да приласкать бы по рогам!

11 марта 2001 г.
д. Гудилово

* * *

С землей сровняло время
Деревню и колхоз.
Лишь муравейник дремлет,
В траву упрятав нос.

В лучах рассветных мая
Воскреснут муравьи,
Проворно выползая
На вечный зов любви.

Вздохнув от зимней спячки,
Спохватятся они,
Что волокут в горячке
Совсем иные дни.

У них свои заветы,
Свой муравьиный лад,
И с колокольни этой
Они на мир глядят.

Они к заветной кочке,
Как в заповедный храм,
Торопятся цепочкой,
Крестясь по сторонам.

25 декабря 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Вмятина от резвого копытца
До краев заполнилась водой.
Ежик наклонился,
Чтоб напиться,
И поцеловался со звездой.

Улица все окна погасила,
А в глазах от светлячков рябит.
Это небо звезды раструсило
По стеклянным лункам от копыт.

Ветер шумно лезет под ворота,
И собаки лают невпопад:
То ли ежик
Материт кого-то,
То ли звезды
В лужицах шипят...

4 марта 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Я видел всяких крыс в подвале,
Входя в любое время дня:
Они по проводам сновали
И озирались на меня.

Вопили свёкла и картошка,
Что их безжалостно грызут.
Спасибо подоспела кошка
И учинила самосуд.

Теперь охотниц не осталось,
Чтоб испытать кошачью власть.
И только белая металась,
Напомнив черную напасть...

27 февраля 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Тишина и темнота,
Только крысы шастают.
Нет надежды на кота —
Лодыря ушастого.

Не стерпел и свет зажег,
Кличу белобрысого.
А разнеженный Пушок
Спит в обнимку с крысою.

26 октября 2001 г.
д. Гудилово

Птичий блуд

Гусыни-лесбиянки,
Разыгрывая страсть,
Клубились на полянке
И забавлялись всласть.

— Какой мне сон приснился! —
Не выдержал гусак.
Глазел и матерился:
— Не так, не так,
Не так!..

* * *

Играет весенняя птица
В загадочную любовь:
То дружелюбно клубится,
То задирается в кровь.

Блудливый и неуклюжий,
На грязное дело мастак,
По-черному мочит в луже
Соседскую утку гусак.

* * *

Я знал о сорочьей сноровке
По части колец и монет.
Доныне бесстыжей воровке
У нас укорота нет.

У современной хапуги —
Ни совести, ни креста.
Все проволочки в округе
Сграбастала для гнезда.

Тащила и украшала
Свое дорогое жилье.
Видать, до цветного металла
Извечная страсть у неё.

Она не боится срока,
Неведом ей стыд и срам.
Сидит на столбе сорока,
Приглядываясь к проводам...

28 апреля 2002 г.
д. Гудилово

* * *

По обе стороны дороги,
По обе стороны души
Снуют звягливые сороки,
Мелькают ушлые стрижи.

Года и дни,
Цветы и листья,
Созвездья, солнце, облака...
Весь этот мир пером и кистью
Запечатлелся на века.

Природа времени любого
Неотразимо хороша.
Пускай пейзаж —
Чужое слово,
В нем бьется
Русская душа.

Она бездумной не бывает
И без ошибки узнает,
Кто по земле своей ступает —
Мудрец,
Хозяин
Или мот.

По обе стороны дороги,
По обе стороны души
Мелькают символы эпохи,
Обозначая рубежи...

20 ноября 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Ивану Ивлеву

Вспоминаю радостно и грустно
Школьные далекие года.
Утром было холодно и пусто,
Замерзала в чайнике вода.

Раньше всех
Являлось солнце в школу,
Занимало парты и столы
И улыбкой теплой и веселой
Согревало мерзлые углы.

За ночь охлажденная ветрами,
Раскалялась неохотно печь,
И врывалась,
Хлопая дверями,
Пестрая мальчишеская речь.

С детства
Доходяги и трудяги,
Мы спешили одержимо жить
И горели неуёмной тягой
Всё познать и переворошить.

С этой доброй завистью и жаждой
За столы садились пацаны,
Чтоб писать чернилами из сажи
Золотую летопись страны.

6 февраля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Одержимые и борзые,
Презиравшие смерть и суму,
Мы росли крепышами, Россия,
У тебя на подножном корму.

Сунув в спешке
За пояс печали
И вихрастой тряхнув головой,
Мы из дома тайком убегали
За своей разудалой мечтой.

Не поверят ребята крутые,
Что для нашей мятежной души
Остаются доныне святыми
Придорожные шалаши...

10 марта 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Мечтательный,
Вихрастый,
Рыжий,
Перемежая смех и грусть,
Я в школу под железной крышей
Уже полвека тороплюсь.

Спешу в стихах,
Спешу в рассказе,
Спешу сквозь дождь
И сквозь метель,
Как будто позабыл я в классе
Когда-то с книжками портфель.

В глазах
То вспыхнут,
То померкнут
Картины невозвратных лет:
Маячит сгорбленная церковь,
А школы и в помине нет...

7 апреля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Далекие всполохи света
Сигналят дорожным столбам.
Плескает зарницами лето
По августовским хлебам.

Засеяно небо известкой,
Похожей на звездный помол.
Припомнились мне двухколёска
И мой безотказный вол.

Бросаю копну за копною,
Кидаю крестец за крестцом.
А сам балагурю с луною
И выгляжу сорванцом.

Недолго уже до рассвета,
Уже розовеет восток.
Плескает зарницами лето
И звезды ссыпает на ток...

2 февраля 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Я открываю "Бежин луг"
В далеком пятом классе.
Читаю про себя и вслух,
Дивлюсь цветистой фразе.

Я жгу костер на том лугу.
В селе горланит кочет.
Мальчишки шепчутся в кругу,
И девочка хлопочет...

Исчезнет утром за бугром
Ночная панорама.
Я распрощаюсь с тем костром
И школьною программой.

Однажды вспомню дивный луг
И бежинскую пойму:
Представлю ясно детский круг,
А девочку не вспомню.

Нигде ее не встречу след:
Ни у костра,
Ни в классе.
Её непоправимо нет
В тургеневском рассказе.

5 февраля 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Я разожгу костер в саду,
Чтоб помечтать в подлунном мире.
Погрею душу о звезду
И напеку картох в мундире.

Начну подбрасывать в огонь
Сухие ветки слив и вишен.
Как жаль,
Что не слышна гармонь
И бесшабашный смех не слышен.

Припомню давние года,
Шальные игры и забавы.
Мы были дерзкие тогда,
Охочие до глупой славы.

Палили по ночам костры,
Забыв о выволочке строгой.
И с той поры мои вихры
Пропахли дымом и эпохой.

Потянет снова на простор —
К недосягаемой вершине.
Я разожгу в саду костер —
И станет мир
Светлей и шире.

16 ноября 2000 г.
д. Гудилово

Вербный родник

Саше

Может, ночью,
Может, на рассвете,
Просверлив кремнистый материк,
Выбился в туманное столетье
Озорной гудиловский родник.

В стае звезд
Безвестных и знакомых
Плыл по небу золотистый серп.
Засыпал родник
Среди черемух,
А проснулся
В окруженье верб.

Будут в нем
Купаться ночью звезды,
Приходить бобры на водопой.
Будут вечно повторяться вёсны
С Вербным воскресеньем
Над рекой.

Я вот-вот уйду или уеду,
Навсегда покину этот край.
Ты, возможно, позабудешь деда,
Но родник заветный навещай.

Не беда,
Что не увидишь сруба,
Подойди, нагнись и поклонись,
Чтобы память заломила зубы
И всплеснула дедушкину жизнь.

9 апреля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Русским учителям в Африке

Где-то в Аккре
Или в Браззавиле,
От родного дома вдалеке
Вы с душевным трепетом ловили
Весточки на русском языке.

Где-то в знаменитой Абиссинии
Вам являлась пушкинская тень,
И синело небо,
Как в России,
И казался лучезарней день.

Где-то там,
За Нилом или Чадом,
Горделиво голову задрав,
Вас встречал по-свойски
Добрым взглядом
Гумилевский сказочный жираф.

Мне хотелось
Подружиться с пальмой,
Но мечты уплыли по волнам.
Столько лет,
Крамольный и опальный,
Ревностно завидовал я вам.

Где-то в Аккре
Или в Браззавиле,
Приручая дикую жару,
Вы ребят старательно учили
Русской речи, братству и добру.

11 февраля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Отбился от дома мальчишка
В тринадцать ребяческих лет.
Бродил по округе воришкой
И метил проказами след.

Он действовал грубо и зримо,
Почти на глазах у людей.
У первого встречного дуба
Стащил сумарёк желудей.

Он звезды срывал украдкой,
Как желтые сливы в саду,
И косточки с горечью сладкой
Выплевывал на ходу.

Он крал у лугов и пригорков
Для глаз и для сердца цветы.
Хмелел от душевных восторгов,
От сказочной красоты.

Весенним живым перезвоном
Переполнялись леса.
Он шастал по тропам зеленым,
Вылавливая голоса.

Отбился от дома мальчишка
В тринадцать ребяческих лет.
Он был по замашкам воришка,
А по натуре — поэт.

7 апреля 2001 г.
д. Гудилово

Игры

Не грустят и не скучают
В наши дни ученики:
"Президентов" выбирают,
Чешут в "Думе" языки.

По дурной и доброй воле
В форме шуток и острот
Учат в школе,
Учат в школе,
Как дурачить свой народ...

18 августа 2002 г.
г. Мценск

* * *

У каждого сущего века
Свои верстовые столбы.
Меняются веха за вехой
У каждой тропы и судьбы.

У каждого века отмечена
Чудная походка своя.
Крива и горька человечья
Житейская колея...

16 декабря 2003 г.
д. Гудилово

Царская воля

Сам царь дивился и вздыхал:
Как латыши косили!
А через день гонец скакал
Издалека в Россию.

Лихой гонец депешу гнал
Сквозными большаками:
"Учить кромчан,
Учить амчан
Косить хлеба крюками!"

Спешили следом мастера
Из башковитой Риги,
Чтоб претворить указ Петра
В копёшки и ковриги.

Учили целых двести лет
Прилежного кацапа.
Корпел отец,
Горбячил дед
До хрипа и до храпа.

Я сам в недобрый день и час,
Стянув ремень потуже,
Петровский исполнял указ,
Но, правда, неуклюже.

21 января 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Походкой бодрой и степенной
Перешагнул порог январь.
Повешу трепетно на стену
Семидесятый календарь.

Не голошу и не горюнюсь,
Что нависает потолок.
Я помню детство,
Помню юность,
И корень свой,
И свой исток.

Через бугры,
Через канавы
Мой путь ухабистый пролег.
От всяких почестей и славы
Он был немыслимо далек.

И наши дни,
И наши годы,
И календарные листки
Пооблетали в непогоду,
Как яблоневые лепестки.

Мой век мятежный оказался
С непредсказуемым концом.
Я бесконечно спотыкался,
Но не ударил в грязь лицом.

4 февраля 2001 г.
д. Гудилово

Колыбель

Памяти С.М. Кожушко

Этот дом загадочно-старинный
Пережил военный ураган.
С этим домом связан пуповиной
И судьбою каждый из амчан.

Всех, кто появлялся в этом доме
И увидел в окнах белый свет,
Принимал он в теплые ладони,
Прикрывая от случайных бед.

Каждый головастик несмышленый,
Обмочив изрядно свой причал,
Вот от этой пристани зеленой
По волнам житейским уплывал.

Кто рожден был нашим смутным веком,
Тот походит на него лицом:
Кто-то стал
Прекрасным человеком,
Кто-то — превосходным подлецом.

Многие от жизни ошалели,
Растеряв отцов и матерей,
Позабыв о первой колыбели —
Самой малой родине своей.

Значит, развязалась пуповина,
И ничем не искупить тот грех.
Только дом загадочно-старинный
Вспоминает поименно всех...

20 июля 2000 г.
г. Мценск

Словесный бор

Геннадию Тюрину

Мне снятся давние друзья,
Мои покойные собратья.
Мне позабыть никак нельзя
Их бузотерство и объятья.

Они под крышкой гробовой,
Покой и благость не приемля,
Всё так же бьются головой
О неподатливую землю.

Всё так же плачут и поют
В минуты гнева и смиренья
И в "Вешних водах" издают
Свои бессмертные творенья.

Там можно гимн произносить
Во славу дружеского круга,
И до небес превозносить,
И укорачивать друг друга.

Там можно званьями блистать,
Слыть знаменитым и богатым
И даже при желанье стать
Божественным лауреатом!

18 декабря 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Памяти Д. Блынского

Он звонко пел,
Он гордо жил,
Гордился Русью дедовской.
А премии не заслужил —
Ни Тютчевской,
Ни Фетовской.

Поэт —
Начало всех начал,
Держащий ногу в стремени.
Он сам давно легендой стал
И превратился в премию...

18 июня 2001 г.
д. Гудилово

Гаёк

Алексею Леонову

Безлюдно бойкое разлужье,
Безмолвно-сиротлив Гаёк.
Не отыскать в России глуше,
Чем этот дивный уголок.

Не заприметишь в отдаленье
У задичавшего Гайка
Ни загулявшего оленя,
Ни косаря,
Ни грибника.

Житейский безрассудный ветер
В какой-то день,
В какой-то час
Сорвал и разметал по свету
Названья сел и деревень.

А те, что безмятежно жили
В заветном этом уголке,
От ветра спрятались в могиле
Или бродяжат вдалеке.

Не промелькнет у старых кленов,
Не завернет в грибной Гаёк
Опальный Алексей Леонов,*
Забывший отчий уголок.

25 февраля 2005 г.
д. Гудилово

* А.Д. Леонов — известный русский советский писатель, уроженец д. Каменка Корсаковского района.

Лингвист

Памяти П.Г. Черемисина

Колючий, независимый,
Бочком входивший в зал,
Сутулый Черемисин
Улыбку вызывал.

Крутые семинары
Сводили нас с ума.
Нас миновали нары,
Тайга и Колыма.

Дражайший Петр Григорьич
Хранил нас от беды.
Смерть оставляет горечь
И зримые следы.

В неугомонных спорах
О жизни и словах
Прах превращался в порох,
А порох снова в прах.

Синонимы, антонимы
Тянули нас ко дну.
Доныне в них мы тонем,
Забыв про седину.

Светло и жарко в спорах
Полсотни лет уже.
Прах превратился в порох,
Что мы храним в душе.

31 декабря 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Марине Ганичевой

Предчувствуя лихую стужу,
Касаясь ветками окна,
В мою заглядывают душу
Седые клены Шеншина.

Меня заворожило с детства
Багряным и резным листом
Эпистолярное наследство,
Разбросанное под окном.

Я снова маюсь до рассвета,
Чужие мысли вороша.
Листает мемуары Фета
Моя бессонная душа...

1 октября 2000 г.
г. Мценск

Тайна

Владимиру Ермакову

Заветный томик теребя,
Я уловил случайно,
Что открываю для себя
Загадочную тайну.

Мне вещий голос подтвердил
И радостно, и грустно,
Когда он правду говорил,
Когда он врал искусно.

Лишь только ведали усы,
Что за бедой следили,
Как две горючие слезы
Поэта посетили.

И, ощутив невольный страх,
Он гневно сбрил их вскоре.
Остался все же на губах
Соленый привкус горя.

Чтоб дьявол
В душу не влезал,
На эту боль не клюнул,
Он жадно губы облизал
И незаметно сплюнул...

26 декабря 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Владимиру Власову

Таю привязанность сыновью,
Но явной боли не избыть.
Мне тоже странною любовью
Досталось родину любить.

Живу и маюсь от желанья:
Как примирить в душе своей
Минувших дней очарованье
И безрассудство наших дней?

* * *

Виктору Дронникову

У нас поэтов тыщи,
Талантов — пруд пруди.
Не бронзовей, дружище, —
Уволокут поди.

Не бронзовей, не надо,
Не огорчай друзей,
Рисково-безоглядный,
Щербатый соловей.

18 августа 2000 г.
г. Орел

* * *

Геннадию Попову

В погожий день
И в день ненастный —
В любое время
Дом наш — красный!
И освятить его порог
Рискнул довольно дерзкий Бог.

А у дверей безбожный Фет
Глядит в закат,
Глядит в рассвет
И размышляет, может быть,
Как черту премию всучить!

* * *

Николаю Перовскому

Походкой шаткой и неверной
Плетутся смутные года.
Гудят и стонут наши нервы,
Как над Россией провода.

И так же в мире одиноки,
Под ропот ветра и дождя
Гудят и стонут наши строки,
По бездорожью уходя...

4 октября 2000 г.
г. Орел

* * *

Утро вечера мудреней.
Поговорка

Поэты выдают стихи,
Как будто в час вечерний
У них горланят петухи
На несколько губерний.

А утром воздух свеж и сух,
Весь из прозрачной сини,
И может статься, мой петух
Рванет на всю Россию!..

19 января 2005 г.
д. Гудилово

Засада

Николаю Жернову

Застыл в ожидании боя
И новых жестоких атак
Над безымянной горою
В засаде укрывшийся танк.

Заносят,
Заносят,
Заносят
Его вероломно снега.
Свинцовою крупкою косит
Священную память пурга.

Сгущается ночь над Россией,
Теряющей веру и цель,
И щели её смотровые
Зализывает метель.

Пурга ей глаза забивает,
Подобно остывшей золе.
А снег всё кружится и тает
На раскаленном стволе...

4 февраля 2002 г.
Автобус "Мценск – Орел"

* * *

Эхо боя ударяет в уши,
Небо полыхает и дрожит.
По сугробам
От Москвы до Зуши
Фриц с горящим факелом
Бежит.

В деревеньке
На глухом откосе,
Ожидая лиха во дворе,
Мы ночами стынем на морозе
В лютом
Сорок первом
Декабре.

А теперь,
Доверчивых дурача,
Знатоки бездумно наплели:
Мол, не так всё было,
А иначе:
Был июнь,
И ландыши цвели...

9 июня 2003 г.
д. Гудилово

* * *

На бойком сельском перекрестке,
По кромке горок и бугров
Копали бабы и подростки
Глубокий —
Против танков —
Ров.

Долбили жаркими руками —
Киркой и ломом —
В поздний час.
Летели искры из-под камня,
И звезды сыпались из глаз.

И, не жалея сил и пыла,
Старалась каждая рука,
Как будто свежую могилу
Скорее вырыть для врага.

А ныне
Без вражды и злости
Я прохожу заречным рвом:
Белеют камни,
Словно кости,
Тугим обмытые дождем...

14 августа 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Мы в саду курочим блиндажи,
Пилим бревна из былого хлева.
Бабушка колдует у дежи,
Выпекая с лебедою хлебы.

Печка докрасна раскалена,
Золотятся на поду коврижки.
Стонет за околицей война
Гулко, тяжело —
Без передышки.

Хлебный дух плывет по сторонам
И на полке прячется в амбаре.
Но еще горчит по вечерам
Ветерок пороховою гарью.

Грозные уходят облака
С тяжкими раскатами
На запад.
И зовет отцов издалека
Этот неизбывный хлебный
Запах...

11 ноября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Под сенью надежного крова
Висит на гвозде у стены
Армейская сумка отцова
С далекой победной войны.

Лежат в ней
Медаль "За отвагу",
Потертый военный билет.
А наградную бумагу
Венчает известный портрет.

Хранитель той сумки до срока
Ушел из позорной страны,
Охаявшей зло и жестоко
Реликвии славной войны.

Еще ошкурят отморозки
И всякий отрепьевский сброд
И дивные наши березки,
И наш дурковатый народ.

Презревшая недоумков,
Висит на гвозде у стены
Армейская батина сумка
С далекой победной войны.

8 ноября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Дед встречает пятьдесят
В самый День Победы.
Две медали висят
На груди у деда.

За отвагу — одна,
За Берлин — другая,
И у каждой цена
Слишком дорогая.

Дед по фронту колесил
Со своей каретой,
Ибо раненых возил
Спешно в лазареты.

Метил "юнкерс" с высоты
Очередью хлесткой.
Ловко дед нырял в кусты
Со своей повозкой.

Вязли ступицы колес
На глухой развилке.
Дед натужился до слез,
Помогая Милке.

Было деду очень жаль,
Что начальник важный
Не вручил еще медаль
Лошади отважной.

9 мая 2004 г.
д. Гудилово

Кирзачи

Являя храбрость и отвагу,
Дробя и лед, и кирпичи,
От самой Волги до рейхстага
Прошли победно кирзачи.

Они познали зной и стужу,
Песчаный ад Гороховца,
Зеленый рай Дорогобужа
И посвист ветра и свинца.

Они упружисто и звучно
Свои печатали шаги.
Повсюду были неразлучны
С бойцом в дороге сапоги.

Солдат их драил на привале
И не жалел их в тяжкий час.
Они и вместе воевали,
И вместе топали в запас.

С косою, плугом и лопатой
Сдружились вскоре кирзачи.
И в мирной жизни оба брата
Не стали греться на печи.

Стремясь передохнуть с устатку,
Они залезли на плетень
И вот на солнце греют пятки
В благословенный летний день.

1 марта 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Российские солдаты —
на броне.
Г. Попов

Гремит война скандальная в Чечне.
Российские солдаты —
На броне.

Дома и люди корчатся в огне.
Российские солдаты —
На броне.

Пылают вертолеты в вышине.
Российские солдаты —
На броне.

Подлодки умирают в глубине.
Российские солдаты —
На броне.

Волна разбоя катит по стране.
Российские солдаты —
На броне.

Российские солдаты —
На броне.
Чеченские безумцы —
На коне!

29 октября 2002 г.
г. Мценск

Безумие

Плюнув совести в глаза
И ликуя бурно,
Мы бросаем голоса
В мусорные урны.

А за Тереком леса
Вздрагивают стыло,
Опуская голоса
В братские могилы...

25 марта 2000 г.
г. Мценск

* * *

Лихой Шамиль ушел в века,
Покинув с болью горы.
Остался гнев Валерика
Для вечного раздора.

Опять война на той реке,
Опять сцепились ханы.
И, боль сжимая в кулаке,
Печалятся Тарханы.

Запятнан гарью светлый лик,
И песня не допета.
Но чтит поныне Валерик
Бесстрашного поэта.

Святой завет его совсем
Сородичи забыли:
"Под небом места много всем",
И тесно всем в могиле...

6 ноября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Гремит Кавказ,
Шумит Кавказ
Ветрами и дождями:
То в поднебесье мочит нас,
То в оркестровой яме.

Из-за стены, из-за угла,
Из-за куста в ущелье
Неумолимая игла
Поджаривает цели.

Лихие пули помогли
Сорвать с шахида пояс.
Но горы не сотрешь с земли
И не погрузишь в поезд.

Дубы расстреляны в упор,
Березы впали в хворость.
Зато взметнулась среди гор
Воинственная поросль.

Гремит Кавказ,
Шумит Кавказ
Листвой и похоронками,
И надвигается на нас
Коварная зеленка...

4 ноября 2002 г.
г. Мценск

Беглянка

Среди луговых купырей,
В кустах земляничного леса
Пасет задичавших свиней
Чеченка из Гудермеса.

А свиньи —
Борзые, как псы,
Пронырливые и шальные:
Вспахали лихие носы
Безбожно луга заливные.

Напомнит растерзанный лес
Воронками, грязью и прелью
Изрытый войной Гудермес,
Израненные ущелья.

Пастушке совсем невдомек,
Что всюду
Во имя единства
Безропотно —
Под козырек —
Вершится холопское свинство.

Скрываясь от крови и зла,
Взмывая душой в поднебесье,
Беглянка опять завела
Свою заунывную песню.

Да разве из песни поймешь,
Какая печаль у красули.
— О чем ты все время поешь?
— Да всё о России, дедуля...

29 августа 2001 г.
д. Гудилово

Ясень

Прости меня,
Багряный Васин,
Лесок неистребимый мой,
Что я срубил красивый ясень
Военной лютою зимой.

Мне ясень сам навстречу вышел,
Мне сам на плечи ясень лег.
Я потому, быть может, выжил,
Что он от стужи уберег.

Я благодарно помню это,
Всем сердцем помню и умом.
Я до сих пор живу согретый
Его дыханьем и теплом.

Моя душа давно окрепла,
Представ на новом рубеже.
Но сохранилась горстка пепла,
Что замурована в душе.

11 февраля 1968 г.
д. Гудилово

Спектакль под Москвой

Кряхтел мотор над головой,
Во поле пушка пукала.
Справлялась битва под Москвой
Без Сталина и Жукова.

Глазел кремлевский тихий вождь
Очами воспаленными
На этот доблестный галдеж
Под старыми знаменами.

А небо плакало дождем
При виде войска хилого.
Увы, не оказалось в нем
Клочкова и Панфилова.

Трясли дедули головой
И молодостью бредили.
Игралась битва под Москвой,
Как жалкая комедия.

И, торжествуя, дотемна
Вояки колобродили.
Но пожалела ордена
За эту дурость Родина.

7 декабря 2004 г.
д. Гудилово

Господа офицеры

Под звон бокалов и стаканов
Страна заходит в новый год.
Дурманит песнею Газманов
И офицеров, и господ.

До хрипа надрывая глотку,
Не замечает он, чудак,
Что офицеры глушат водку,
А господа, поди, коньяк.

Защитники и лицемеры
Не породнятся никогда.
Дают присягу офицеры,
Плюют на клятву господа.

Какой навет,
Какое свинство!
Какой неведомый урод
Увидел братское единство
У офицеров и господ?

Опять по боевой тревоге
Бросают офицеров в бой.
Их подрывают по дороге,
Их подрывают под водой.

Лишив достоинства и веры,
Толкает в бездну их беда.
На дно уходят офицеры —
Со дна всплывают господа!

26 февраля 2001 г.
Автобус "Мценск – Орел"

* * *

Вновь
Закатилось солнце
В тучу,
Теперь погожих дней не жди.
И распоясались гремучие
Неумолимые дожди.

Дороги ливнями размыты,
И, сколько небо ни проси,
Оно коварно и сердито
Страну барахтает в грязи.

Скопленье туч на горизонте
Пугает вспышкой грозовой.
И ядерный дырявый зонтик
Провис над самой головой.

Перемешались тучи с горем,
Теперь погожих дней не жди.
Теперь над Баренцевым морем
Шумят соленые дожди...

19 августа 2000 г.
г. Мценск

Завет

Пускай мы в бронзе и граните,
Мы видим вас,
Мы слышим вас.
Вы нас, пожалуйста, храните
От громких слов
И пышных фраз.

Не ради почестей и званий
Мы шли когда-то в смертный бой.
Мы в час жестоких испытаний
Прикрыли Родину собой.

О, как обидно за державу,
Где мародеры и шпана
Разворовали нашу славу,
И подвиги, и ордена.

Они украли наши песни
И осквернили их напев.
Лишь неподвластны
Воле бесьей
И русский дух,
И русский гнев.

Во все века неистребимы
Земля, деревья, облака.
Пускай склоняется рябина
Над нами знаменем полка.

3 мая 2005 г.
г. Мценск

Р А С П У Т И Ц А

* * *

Еще вчера трещал мороз,
Скрипел на всю округу
И твердо обещал прогноз
Невиданную вьюгу.

Качаю грустно головой
И выхожу наружу.
А ветер носится с метлой
И разгоняет лужу.

Видать, в России сатана
Заведует погодой:
Непредсказуема она
В любое время года.

30 января 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Вместе пили, пели, обнимались,
Возводили дружбу,
Словно храм.
А потом с похмелья разбежались
По глухим углам и конурам.

Наживали, строили, творили,
Мучаясь, дерзая и горя.
А потом кощунственно делили
Пушкина и кобзаря...

Никому в башку не приходило,
И никто не в силах объяснить:
Как же можно
Братские могилы
И святые мощи
Разделить?

Все мы, братцы,
Сволочные люди.
Век нам спорить, каяться, страдать.
Это мы позволили Иуде
И Христа,
И Родину
Предать.

7 апреля 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Хапуги, дельцы, горлопаны —
Ублюдки распятой страны
В азарте набили карманы,
Не ведая тяжкой вины.

Я верю,
Что все-таки скоро
Настигнет их божеский суд,
Когда заодно мародеры
В штаны впопыхах накладут.

23 декабря 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Вдыхаем в дыму и угаре
Челночную благодать.
Чего только нет на базаре!
Всё можно купить и продать!

Всё можно купить без обмана:
И запахи шашлыка,
И кролика, и барана,
И бабу, и мужика.

Всё можно продать по закону —
От Библии до букваря,
От ордена до иконы...
И Родину втихаря.

29 декабря 2002 г.
г. Мценск

* * *

Люди слепы,
Люди глухи,
Люди падки на балдеж.
Люди липнут, словно мухи,
А к чему —
Не разберешь.

Кто-то к пиву,
Кто-то к водке,
Кто-то к ягодным местам.
Этим деньги,
Этим шмотки,
Этим свечки по углам.

Ни аванса, ни получки —
На Руси сплошной базар.
Всероссийская толкучка —
Это высший Божий дар.

Люди слепы,
Люди глухи,
Люди сохнут без корней.
Люди корчатся, как мухи,
На липучке наших дней.

5 августа 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Мрачнеет небо синее
Над брошенным костром.
Бесхозная Россия
Охвачена огнем.

Горит Москва осенняя
И зимняя Чечня,
И нет нигде спасения
От дури и огня.

И горький дым Отечества
Багровою волной
Гудит, клубится, мечется
В сердцах и над страной.

Дымят вокруг торфяники,
И русский лес горит.
А забулдыга пьяненький
Погоду материт...

4 октября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Вздохнул тяжело бедолага,
Взглянув на пустое село.
Угасли и прыть, и отвага,
А поле травой заросло.

Горюнилось поле о плуге,
Глотая соленую грусть.
Хрипел от тоски и натуги
Буксующий "Беларусь" .

Забрасывал свежую хвою
Мужик под колеса ему.
А елки метались толпою
По глинистому холму.

Темнел сиротливо в сторонке
Закиданный лапником след,
Как будто пришли похоронки
Загубленных фермером лет.

15 апреля 2000 г.
д. Гудилово

* * *

Оглянулся случайно назад —
И невольно душа онемела:
Вновь на шее России висят
Хутора, отруба и наделы.

Забивает дорогу метель.
Впереди беспросветно,
Как ночью.
Даже мертвый
Вступает в артель!
Как же можно живым —
В одиночку?

Смерть бывает красна на миру,
В одиночестве —
Некрасива.
Я, наверно,
В деревне помру
В окруженье
Берез и осинок.

15 июля 2003 г.
д. Гудилово

* * *

От одной беды и до другой
На Святой Руси —
Подать рукой.

От одной печали до другой
Человек становится
Седой.

От одной обиды до другой
Человек становится
Лихой.

От одной измены до другой
Человек становится
Глухой.

От одной России до другой
Путь подобен
Крышке гробовой.

19 ноября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

С утра на службу к Богу
Спешит блажной народ,
Переходя дорогу,
Как речку через брод.

Январская распутица
Закутала в туман
И площади, и улицы,
И души прихожан.

Без крови и без пушек
Компания пройдох
Божественных старушек
Лишила льготных крох.

Спешит через дорогу
Обиженный народ,
Чтоб вымолить у Бога
Щепотку райских льгот...

6 февраля 2005 г.
д. Гудилово

* * *

Мелькают на экране,
На кнопки в Думе жмут
Новейшие дворяне —
Деляга, вор и плут.

У них пушок на рыле
И родословный страх.
Их предки поварили
При барах и царях.

Теперь по их науке
В недобрый день и час
Пекут законы внуки,
Поджаривая нас...

23 февраля 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Стихла новогодняя морока,
Да недолго радовал покой:
Снова появились у порога
Беженцы с протянутой рукой.

Прежний век,
Покинувший квартиру,
Растворился в суматохе дней.
Нынешний униженно и сиро
Клянчит подаянья у дверей.

1 января 2001 г.
г. Мценск

* * *

Случается всё у бродяги,
Бредущего издалека.
Укроюсь от ливня в овраге,
В дремучих кустах лозняка.

Лишь знают гудящие ноги
Да теплый комочек в груди,
О чем размышлял я в дороге,
О чем бы взгрустнул впереди.

Припомнил бы строки из гимна,
Зовущего к счастью людей,
Любивших светло и наивно
Придуманных ими вождей.

А всё же нашли лиходея,
Кто был изо льда и огня,
Кто верил безмерно в идею,
В Россию, в тебя и в меня.

Укроюсь в овраге до срока
От ветра и от дождя.
Но где мне спастись от упрека
И грустного взгляда вождя?

7 октября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Латунный крестик с обелиска
Шкодливо сбила босота,
Контузив выходкой фашистской
И ветерана, и Христа.

Впадая в грех безмерно-тяжкий,
Она не ведает стыда:
Сгребает ложки, кружки, чашки
И обрезает провода.

Давно привыкшая лукавить,
С улыбкой наблюдает власть:
Ей в темноте сподручней править —
Ловчить, обманывать и красть.

В годину смуты и раздора
Распяты совесть, долг и честь.
Вот-вот с России мародеры
Сорвут её нательный крест.

13 сентября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Достался мокрый порох
От прежнего царя.
Запутался заморух
В листках календаря.

Великую Державу
Столкнула в пропасть ложь.
Где левый, а где правый —
Не скоро разберешь.

Кому какое дело,
Какой ты нынче есть.
И совесть заржавела,
И заржавела честь.

А если ты не ржавый
И помыслами чист,
То значит, ты лукавый,
А может — террорист...

29 декабря 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Жизнь моя —
Суета да морока,
Маета среди ночи и дня.
Целина у родного порога
На Алтай провожала меня.

Бредил я ковылем и дорогой,
Но, пока обживал я Сибирь,
Целина у родного порога
Превратилась в полынный пустырь.

Смотрит нынче печально и строго
На крапивное буйство садов
Целина у родного порога,
Забывая заветы отцов.

И живет без единого рога,
Без единого в доме соска
Целина у родного порога
Возле луга, реки и леска.

Остается на совести Бога
В ожидании свежих гробов
Целина у родного порога —
Два двора,
Три души,
Пять зубов...

21 ноября 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Забил осот отцовский огород,
И заблудились яблони в бурьяне.
Сюда порою память забредет
С початою чекушкою в кармане.

Ни гнева, ни раскаянья, ни слез,
Ни крепкого забористого мата.
Я снова окунулся бы в колхоз
Барахтаться с рассвета до заката.

Я снова бы корпел за трудодни
И не скулил, что мало заплатили.
Лишь умереть бы мне
В кругу родни,
Лишь только бы
В мешке не хоронили.

Да будет трижды проклят
Сукин сын,
Что нас обрек
На голые могилы.
Я столько в жизни
Посадил осин —
На сто гробов,
Пожалуй, бы хватило.

17 августа 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Осенний ветер стонет глухо,
Невольно нагоняя страх.
С утра над хатой-развалюхой
Затрепетал багряный стяг.

Проходят люди торопливо,
Неговорливы в спешке дел:
Для них привычно это диво —
Опять Полундра загудел...

Обиженный легко и тяжко
Женой, соседями, страной,
Лихой матрос,
Рванув тельняшку,
Пошел в заплыв очередной...

17 июля 2002 г.
г. Мценск

* * *

С утра расшумелась округа,
Поля расшумелись с утра.
Рычат по холмам
Друг на друга
От зависти трактора.

Дурея от шума и гула,
Утюжат трудяги поля,
И вкалывает без отгула
И без отпусков земля.

Завистники и простофили
Не ведают в ражем пылу,
Что схватит она дистрофию
И превратится в золу.

Хрипят трактора от натуги,
Забывшие про тормоза,
И рыскают по округе
Голодные волчьи глаза...

21 декабря 2001 г.
д. Гудилово

* * *

У каждой заброшенной хаты,
Не ведая ночи и дня,
Стоит без вины виноватый
Бессменный хранитель огня.

Виновники запустенья
Давно по земле разбрелись:
Кто спился до одуренья,
Кто вымолил
Райскую жизнь.

А столб
При любой передряге
Хранит от ворюг провода:
Глядишь, заскучают бродяги
И снова вернутся сюда.

Стоит без вины виноватый,
Что нет ни души за версту,
Похожий судьбой на солдата,
Который забыт на посту.

7 июля 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Не околачиваю груши
И не живу с Россией врозь.
Я упрощаю жизнь и душу
И выпрямляюсь,
Словно гвоздь.

Но гвозди гнутся от удара,
Когда колотят наугад,
Когда бездумно и бездарно
Глупцы по шляпке их гвоздят...

1 апреля 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Затрепетала синева,
Звезда вспорхнула шало.
Сухая вспыхнула трава —
И пламя заиграло.

И заметался,
Словно зверь,
Огонь между домами:
Он в окна лез,
Ломился в дверь
И крышу рвал когтями.

Был жгучий ветер в стельку пьян,
Хватив чужого горя:
Зловеще полыхал бурьян
На брошенном подворье.

Осточертело людям жить
При этой заварухе,
И некому пожар тушить
Теперь во всей округе.

И горше не познать беды,
И нет судьбы плачевней:
Горят луга, поля, сады —
Горит сама деревня!..

27 марта 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Ни межи, ни границы,
А сплошной огород.
Только память хранится
И за душу берет.

Родовые делянки
Без любви и труда
Лебедой и просянкой
Засевает беда.

Обленился и спился
На Руси домовой.
Черный коготь вцепился
В мой простор полевой.

Ни межи, ни границы,
Ни хрустальной реки.
Только память хранится
И берет за грудки...

10 ноября 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Теперь осталась на бугре
Единственная хата,
Где ты хлопочешь до дворе
С рассвета до заката.

Ты обживала тот бугор
И пахарем, и жницей.
А похоронка до сих пор
Хранится за божницей.

Досталось горюшка втройне
Мужичке деревенской:
Сгубили внуков на войне —
Афганской и чеченской.

И память болью ножевой
Нам искажает лица.
Не живописной, а живой
Настал черед молиться.

26 февраля 2002 г.
д. Гудилово

Мольба

Перекрестилась бабка —
Архиву говорит:
— Найди, голубчик, папку,
Где бабкин стаж зарыт.

Спроворь мне справку, милый,
Про давние дела.
Я труженицей тыла
В тринадцать лет была.

Мы прятали мозоли,
Чтоб не видала мать,
И торопились в поле
Победу добывать.

Пересыхало в глотке,
В ушах стояла звень.
А всё же гнали сотки —
По три-четыре в день.

Слонялся тиф в округе
И с ног валил девчат.
Давно мои подруги
В сырой земле лежат.

Спроворь мне справку, любый,
Про давние дела,
Чтоб я свои три зуба
На полку не клала...

24 февраля 2002 г.
д. Гудилово

ФЕВРАЛЬ БЕЗ ВЬЮГИ НЕ ФЕВРАЛЬ

* * *

Проведем эту ночь
Не в застолье,
А в знакомом еловом лесу:
Слева —
Тихое зимнее поле,
Справа —
Сломанный храм на мысу.

Романтично
С бутылкой в кармане
Помечтать у заснеженных гнезд.
Посмотреть на небесном экране
Настоящую "фабрику звезд".

Покачав запушенною шляпой
И звезду запалив, как свечу,
Елка вскинет лохматую лапу
И похлопает по плечу.

Распугав закосевших зайчишек,
От морозного хмеля пьяна,
По десятку таинственных шишек
Нам засунет в карманы она.

Хороводят лесные подруги
В окружении птиц и зверей.
Лучше быть королевой округи,
Чем Снегуркой
У праздных дверей.

27 декабря 2003 г.
д. Гудилово

* * *

У черта на куличиках,
В камчатской стороне,
В заснеженных Тиличиках
Ты повстречалась мне.

Я помню ту округу,
Где я оленей пас,
Где я строгал белугу
С тобою в первый раз.

С веселой перепалкой
Я там в яранге жил
И, словно минералку,
Свирепый спирт глушил.

Мы были россияне
Уже давным-давно.
Полярное сиянье —
Оно на всех одно.

У черта на куличиках
Ты повстречалась мне.
Я тоже был в Тиличиках,
Но только раз —
Во сне...

7 декабря 2002 г.
д. Гудилово

* * *

В бело-розовом майском тумане
Заблудилась хмельная луна.
Знать, её соловьи задурманили
И зачмокали допьяна.

Соловьихи на миг присмирели,
Затаили дыханье на миг,
Ибо эти волшебные трели
Предназначены были для них.

Скоро сядут на гнезда подруги
В ожидании дружной семьи.
Переловят всех мошек в округе
Вездесущие соловьи.

Терпеливые птахи готовы
Перебиться в заботах любых,
Лишь бы нежить и радовать снова
Драгоценных своих соловьих.

9 июня 2000 г.
д. Гудилово

* * *

Не одна бедовая споткнулась
На пороге сердца моего.
Гордая обидчивая юность
Долго не впускала никого.

Слишком шумно
Мне жилось и пелось,
И дорога далеко звала.
Позабыла в суматохе зрелость
Про свои сердечные дела.

Никакой надежды не осталось
У меня на свах и на друзей.
— Что, брат, горько? —
Улыбнулась старость.
— Правда, горько! —
Отозвался ей.

Зашептав мои глухие раны
И смахнув с моей печали пыль,
Ты взяла граненые стаканы
И на стол поставила бутыль.

Я держусь уверенно и стойко,
Проявляя молодую прыть,
И вкушаю горькую настойку,
Чтобы сладость жизни ощутить.

9 июня 2001 г.
г. Мценск

* * *

Стала ты надежною подругой
Для меня в худые времена.
Неразлучно,
Как февраль и вьюга,
Ты со мной в пути сопряжена.

Этот путь —
Не дальний и не тяжкий
И уходит плавно под откос.
Хорошо, что мы в одной упряжке
Дружно тянем стариковский воз.

Никакой обиды и печали,
Ибо сам дорогу наметал.
Я тебя окольцевал вначале,
А потом уже захомутал!

21 октября 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Мне захотелось умереть
Однажды майской ночью,
Чтобы дотошно разглядеть
Загробный мир воочью.

Теперь всё вижу наяву
От рая и до ада,
И мне, пока с тобой живу,
И помирать не надо!

17 декабря 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Какая жуткая отрада —
Подняться после похорон.
Не ставь мне памятник, не надо
И не тревожь мой вечный сон.

Из бездны выглянув украдкой,
Я соберу остаток сил
И даже мертвый врежу пяткой,
Чтоб он мне ноги не давил.

Не будоражь меня, не надо,
Не путай ноги на ходу.
Я налегке кругами ада,
Даст Бог,
До рая добреду!..

18 июня 2004 г.
г. Мценск

* * *

Мои своенравные крали
Творили в любви произвол:
Сначала со мною играли,
Потом устремлялись в Орел.

Наверно, ловили удачу,
Искали покруче дела,
Горячую голову пряча
В холодные перья орла.

Открытый, забористый, грешный,
Душевно жалею о том,
Что жизнь обернулась к ним решкой,
А не желанным орлом...

17 апреля 2004 г.
д. Гудилово

Язва

Мне давно друзья толкуют:
Мол, женись скорее, чёрт!
Все болезни сразу сдует,
Сразу язва заживет.

Понимаю, принимаю
Дельный дружеский совет.
Долго голову ломаю:
То ли верить,
То ли нет?

Я хожу смешной, несвязный,
С тяжкой думой в голове.
Проживу с одною язвой.
Не хочу, чтоб было две!

"Тюря"

Завлекала среди бела дня
Озорная вдовушка меня.

Я смотрел угрюмо и устало,
А она проходу не давала.

Я краснел,
Смущенно балагуря.
А она вспылила:
— Эх ты, тюря!

Ну а я продолжил в том же духе:
Мол, пойдет и тюря с голодухи!

* * *

В июньский вечер синий-синий
Явилась ты передо мной.
Ты показалась мне богиней,
Такой земной и неземной.

Всё то, что жизнь дарила раньше,
Предназначалось для двоих.
Теперь всё дальше,
Дальше,
Дальше
Уходишь ты от губ моих.

Я виновато хмурю брови,
Что слишком поздно разглядел
Несовместимость нашей крови,
Несовместимость душ и тел.

16 марта 2001 г.
г. Мценск

* * *

Отреклась и открестилась
От всего, чем ты жила,
От всего, чему молилась
И что свято берегла.

Крест на шею,
Крест на душу,
Крест на память и друзей.
Я молчанье не нарушу
Ради гордости твоей.

Увела тебя дорога
От моей души в объезд.
Я всю жизнь не верил в Бога
И не верю в этот крест...

2 апреля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

“О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей... “

О, как ты Тютчева читала,
Познав случайную любовь.
Душа невольно замирала,
Чужую ощущая боль.

О, как ты ревностно старалась
Прикрыть свою слепую месть,
И напускную разудалость,
И разобиженную спесь...

А я, обиды забывая,
Еще по юности брожу.
Всё чаще Тютчева читаю,
Всё реже память ворошу.

Я память подержу за локоть,
Чтоб грех невольный замолить.
— Послушай, память, хватит охать
И у чужих дверей скулить.

23 ноября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина?
И. Суриков

Этот дуб от зноя и от ветра
За рекою поле охранял.
А под осень по вине поэта,
Словно слезы,
Желуди ронял...

А рябина гнулась и качалась
Горемычно на краю села.
И, скрывая горькую усталость,
Перебраться к дубу не могла.

Снова осень в лужах зарябила,
И, кляня нескладную судьбу,
Приклонилась тонкая рябина
Грустно к телеграфному столбу.

12 мая 2002 г.
г. Мценск

* * *

Всё не теряется из виду,
Не исчезает эта даль —
Заматерелая обида,
Заледенелая печаль.

И воли нет,
И нет желанья,
Чтоб растопить давнишний лед.
И радостное ожиданье
Мне больше душу не зальет.

Как без печали и без спеси
Вину былую искупить:
И слово выкинуть из песни,
И эту песню не убить?

3 января 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Не винюсь.
Не жалуюсь.
Не трушу
И пылить не собираюсь впредь.
Боль и память
Обжигают душу,
Продолжая жертвенно гореть.

Огонек дрожит перед глазами,
Освещая трепетно строку.
Только затаенными слезами
Боль и память тушат на веку.

Облака смешались и набухли.
Ветер гонит тучи и дожди,
Раздувая тлеющие угли
Безраздельной дружбы и вражды.

27 августа 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Февраль без вьюги не февраль,
И вьюга без него не вьюга.
Мятежный ветер рвется вдаль
И завихряется по кругу.

Февраль не ведает небось,
Что у него характер шалый,
Что все дороги
Вкривь и вкось
Ныряют в снежные завалы.

Смешались небо и земля,
Друг друга
Цепко обнимая.
Кто не изведал февраля,
Не испытает радость мая.

Февраль без вьюги
Не февраль,
И вьюга без него
Не вьюга.

Душа мятежно
Рвется вдаль
И завихряется
По кругу.

26 февраля 2005 г.
д. Гудилово

* * *

Синевою даль набухла,
Солнце плещется в окне.
Разнаряженная кукла
Снова строит глазки мне.

Счастье близко,
Счастье зыбко,
Счастье словно егоза:
Заведенная улыбка,
Заведенные глаза.

Мастера искусны были,
Были в славе и чести.
Только жаль, что позабыли
Кукле сердце завести...

14 февраля 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Её не удержать в руках
И в клетке сумрачно-железной.
Она витает в облаках,
Порхает над житейской бездной.

Она еще познает впредь
Весь ужас головокруженья,
Бессильная преодолеть
Соблазн земного притяженья.

Дурманит голову ей хмель,
Пьянит лукавое витийство.
... Любовь, не торопись в постель,
Не совершай самоубийство!

4 октября 2001 г.
г. Мценск

* * *

Далеко, далеко, далеко —
За пределами памяти нашей —
Ты живешь аскетично легко,
Словно схимница
В келье монашьей.

Бог дарует тебе благодать —
Свет и радость,
Смиренье и силу,
Чтобы ты перестала страдать,
Чтобы даже во сне не грешила.

Бог поможет —
Рассеется мгла,
Ты по полочкам
Годы разложишь:
Где рассудком
Лукавить могла,
Там душою лукавить не сможешь.

11 января 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Занедужил в середине лета
И скончался старый пчеловод.
Разлетелась спешно и бесследно
Пасека из двадцати колод.

Передать бы по наследству дочери
Дивную роевню с дымарем.
Только ей поэты заморочили
Голову изящным словарем.

На потерю сдержанно и глухо
Отозвался говорливый зять.
А его сердечная подруга
Принялась утраты воспевать.

Я встречался с добрым старикашкой,
Знал его мечтательную дочь.
В этот день,
Мучительный и тяжкий,
Я уже ничем не мог помочь.

Горестный, подверженный невзгодам,
Опустел в саду знакомый дом.
Лишь всё так же летом дышат медом
Вековые липы под окном.

20 июля 2001 г.
д. Гудилово

* * *

Стегал по стеклам
Ливень хлесткий,
И осветила вдруг гроза
Давно забытую прическу,
Давно забытые глаза.

Уже давно та песня спета,
Другою музыкой живу.
Зачем опять возникла эта
Передо мною наяву?

Мы были вместе виноваты,
И каждый был не виноват.
Она косилась диковато,
Бросая отчужденный взгляд.

Узнала. Вспомнила. Забыла.
Невольно отвела глаза.
И на лице её застыла
Полвека зревшая слеза.

27 февраля 2002 г.
д. Гудилово

* * *

Это правда,
Что в подлунном мире
За холодной и глухой стеной
Я когда-то жил в своей квартире —
"Не любимый и не родной".

Замечанье верно и уместно,
Но на всякий случай подтверди,
Что всегда и всем хватало места
И в моей квартире, и в груди.

Здесь пивали шибко знаменитые
И клубились вовсе без гроша.
И всегда и всем была открыта
И моя квартира,
И душа.

Я твою невинность не нарушу,
Все-таки скажу для полноты,
Что в мою квартиру,
Да и в душу
Иногда заглядывала ты.

Да и нынче заходи без стука,
Я по-стариковски буду рад,
И мои всезнающие внуки
О любви с тобой поговорят...

15 февраля 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Голубой ковер из незабудок
Расстелила по лугу весна.
Модниц разодето-разобутых
На смотрины позвала она.

Да они по свету разлетелись,
По большим и малым городам.
Что им эта
Красота и прелесть?
Что им птичий гомон
По садам?

Улица уходит от порога,
Солнышком пронизана насквозь.
Снова на заглохшую дорогу
Голубое небо пролилось.

Годы безвозвратно убывают,
Увлекая близких и друзей.
Люди незабудок забывают —
Незабудки помнят про людей.

Помнят разодето-разобутых,
Затаенно веря и любя.
В этот раз
Ковер из незабудок
Память расстелила для тебя.

2 июня 2004 г.
д. Гудилово

* * *

Сбежав втихомолку от книжек
И всякой домашней муры,
Я мчался к речушке на лыжах
С высокой-высокой горы.

В порыве азарта и страха
Посыпались искры из глаз,
Холщовая взмокла рубаха,
И шапка приподнялась.

Мелькнула внизу в отдаленье
Знакомая прядка волос,
И вмиг подкосились колени
И сердце оборвалось.

Я дружески улыбался
Девчушке на берегу.
С колен я, конечно, поднялся,
А сердце осталось в снегу.

Сбежав от стихов и от книжек
И всякой житейской муры,
Лечу,
Засыпая,
На лыжах
С высокой-высокой
Горы...

7 июля 2004 г.
д. Гудилово

Из книги "БАГРЯНЫЕ ЛИСТЬЯ"

*

2008

* * *

Здесь русский дух.
Здесь русский гений
Под святогорским небом спит.
Немые оживают тени,
И вечность листьями шуршит.

Встречая пушкинскую музу
У ганнибаловских ворот,
Калмык приветствует тунгуса,
Чухонец чукче руку жмет.

А вон, поспешно сняв сандалии
И вытирая смуглый лоб,
Из синей африканской дали
Спешит с поклоном эфиоп...

28 декабря 2006 г.
Автобус "Мценск – Орел"

* * *

При свете лампы закопченной
В глухом заснеженном сельце
Строчил мальчишка увлеченно
Стихи о дедовском крыльце.

Мечта с душой соприкоснулась
И в путь-дорогу позвала.
Еще натужней лампа дулась
И свет струила из стекла.

Коптил фитиль на керосине
В одну из сказочных ночей.
Вставало утро над Россией
Еще светлей и голубей.

А сочинитель неизвестный
Глазел на мир и ликовал:
"Мороз и солнце — день чудесный!" —
И в школу с Пушкиным шагал...

18 ноября 2007 г.
г. Мценск

* * *

Снятся мне в преддверии весны
Авантюрно-сказочные сны.

Я строчу поэмы и романы
Про чужие города и страны.

Но живут в них, каясь и греша,
Русский дух и русская душа.

Есть у всех свой угол и порог,
Потому даю себе зарок:

Кроме Самородка и Руси,
Ничего у Бога не проси!..

11 октября 2003 г.
д. Гудилово

* * *

Опять ловлю губами струйку
Живой, упругой ключевой.
Опять вытягиваюсь в струнку
Перед ракитой родовой.

Мелькнет березовой макушкой
Лесок заветный в стороне.
Пройдусь заросшею опушкой
И поваляюсь на спине.

Поправлю смятую сорочку,
Скрипучей выпрямлюсь спиной.
Опять вытягиваюсь в строчку
Перед отцовской стороной...

11 декабря 2007 г.
г. Мценск

Белый пух

Ирине Александровой

У перрона Мценского вокзала,
У его разбросанных путей
Время безоглядно разметало
Вековое братство тополей.

А они до рокового лета,
Белый пух роняя на крыльцо,
Помнили Тургенева и Фета
И Толстого помнили в лицо.

Сколько раз
От соловьиной станции
Провожали тополя гурьбой
Ильковского гордого скитальца*
На свиданье с голубой звездой.

Веруя в заветы и святыни,
Отвергая суету и гвалт,
Память тополиная доныне
Пробивает землю и асфальт.

Ничего нет
Колдовского в этом,
Просто память вечность ворошит.
А над Зушей
И зимой, и летом
Белый пух
Кружит,
Кружит,
Кружит...

21 июня 2001 г.
г. Мценск

* Иван Алексеевич Новиков — уроженец д. Ильково.

* * *

Звучат лихие песнопенья,
Творят легенды мудрецы.
Пока в России есть знаменья —
Есть лицемеры и лжецы.

Усвоив злачные уроки,
Под колокольный перезвон
Свои обожествляет строки
Неутомимый эпигон.

Весь из заемных ниток соткан
И лоскутов заемных сшит,
Он фарисейскою походкой
За Божьей премией спешит.

Ему неймется в лике черном
Светлейший лик запечатлеть.
Он перепутал Бога с чертом,
Чтоб хоть на миг забронзоветь.

Всевышний поглядел сурово
И выжег точное клеймо:
"Увы, в начале было Слово,
А это сущее дерьмо!"

29 октября 2007 г.
г. Мценск

* * *

Татьяне Петровне Малинкиной

Я вспоминаю годы дальние,
Пригорок, где рожден и рос.
Мелькают строчки вертикальные
Моих рифмованных берез.

Доныне листья на березах
Как будто рифмы шелестят,
Напоминая мне о грозах
И терпкой горечи утрат.

Здесь всё мне дорого и свято —
От точки и до запятой.
Здесь научился я когда-то
Писать "Россия" с прописной.

28 августа 2007 г.
д. Гудилово

* * *

Вере Федоровне Мамаевой

Роятся мысли в голове,
И рифмы, словно пчелы,
Весь день порхают по траве
И нюхают глаголы.

Они снуют во все концы
Согласно распорядку,
Чтоб раздобыть чуток пыльцы
Божественного взятка.

У каждой рифмы есть двойник,
Своя родная пара,
И только редкая из них
С пылинками нектара...

25 ноября 2007 г.
г. Мценск

* * *

По холмам,
По нивам,
По лугам,
По всему, что дорого и свято,
Прошумел житейский ураган,
Разметав соломенные хаты.

Сгинула в лихие времена
Деревенька в пекле и трясине.
Лишь осталась родинкой она
На груди у матушки России...

21 ноября 2006 г.
г. Мценск

* * *

Ивану Семенову

Забитые и гордые,
В безмолвном царстве тьмы
О нас не помнят мертвые,
Зато их помним мы.

Забыв про все печали,
Они в горячке лет
Нас впопыхах зачали
И выпустили в свет.

Не думая о блуде
Своих подросших чад,
Всех вытолкнули в люди
Из деревенских хат.

Скуля о лучшей доле,
Кляня судьбу и жизнь,
Мы, словно овцы в поле,
По свету разбрелись.

Изведав бездорожье
И воротясь домой,
Мы сохранили всё же
Фамильный корень свой.

31 декабря 2007 г.
г. Мценск

* * *

Альбине Ермаковой

Замолкла жалейка в долине,
Рожок на пригорке заглох.
А сумка пастушья доныне
Слоняется вдоль дорог.

Её примечали поэты —
От Бродского до Басё.
А все-таки в страннице этой
Они разглядели не всё.

Однажды замрут коростели,
Печально расширив зрачки,
Что листья у ней облетели
И перезрели стручки...

Давно у лесного разлужья
Пастушеский след позабыт,
И только лишь сумка пастушья
Еще сухарями хрустит...

17 августа 2005 г.
д. Гудилово

* * *

Бродили по дворам палехи
И предлагали див-товар.
Балдели наши неумехи,
Расхватывая Божий дар.

Пленяли чашки, кружки, ложки
Мудреной росписью своей:
Звенели русские гармошки,
И заливался соловей.

Блескучесть пташек и свистулек
Напоминала чудеса.
Лупили малыши из люлек
Свои раскосые глаза.

Устав от деревянной миски
И огорчив домашний стол,
Поднялся с лавки
Друг мой близкий
И в Палех с кисточкой побрел...

4 июля 2002 г.
д. Гудилово

Табак

Памяти моего дедушки
Ильи Илларионовича

Заядлый спорщик и чудак,
Обиженный судьбою,
Любил высаживать табак
За ветхою избою.

Он обрывал махровый цвет
Без вздоха, без оглядки,
И удивляли белый свет
Ухоженные грядки.

Зато в лихую кутерьму,
В пуржистый зимний вечер,
Брели курильщики к нему
На дружеское вече.

А я слонялся по углам,
То радуясь, то хмурясь,
Вдыхая с дымом пополам
И мудрость их,
И дурость.

А дедов дом для сходок был
Совсем не подходящим,
Поскольку дед — на диво! — слыл
Не пьющим, не курящим!

27 июля 2005 г.
д. Гудилово

* * *

Глухо мельница ворчала
И крутила жернова.
Пыль мучная оседала
На траву и дерева.

Ранним утром,
Росным часом
На покосе у реки
Упивались хлебным квасом
Из кувшинов мужики.

Пахли мятою лепешки
И резные кренделя.
Мы ныряли в глубь копешки,
Смехом душу веселя.

Солнце брызгало с востока
Над излучиной речной,
И плескалась та протока
Пескарями и плотвой.

Сказка дивного помола
Над изгибом голубым
Наше детство размолола
И развеяла как дым...

18 июня 2007 г.
г. Мценск

* * *

Павлу Базову

Рогожинский поселок
Косился на барак.
От мыслей невеселых
Залезешь на чердак.

Я забывал нередко
Барачный неуют,
Накидывал вельветку
И топал в институт.

Налево и направо
Шумел горластый май.
Толстовская застава
Садилась на трамвай.

А я бреду по маю,
И усмиряю прыть,
И голову ломаю:
Как в этом мире жить?

Отбившийся от дома,
Блуждал я много лет,
Как будто шел к Толстому,
Чтоб получить ответ...

7 июля 2007 г.
г. Мценск

* * *

Сметает ветер под откос
За поколеньем поколенье,
Как листья с кленов и берез,
Как мимолетные виденья.

Не сожалею, не кричу,
Не прячусь в зарослях полыни.
Я как дубовый пень торчу,
Не раскорчеванный доныне.

И в череде бегущих дней
Мне снятся на пороге ада
То ливень спелых желудей,
То половодье листопада...

1 ноября 2007 г.
Автобус "Мценск – Орел"

* * *

Среди глухого мелколесья,
Среди заброшенных полей,
Бесчинствуя и куролеся,
Жирует дьявольский пырей.

Взгляну на дедовское поле,
На непролазный самосев,
Душа зайдется поневоле
И расплескает боль и гнев.

А в стороне от мелколесья,
На пустыре у большака,
Взметнулись сосны в поднебесье
И разгоняют облака...

1 сентября 2007 г.
д. Гудилово

* * *

В суматохе и тревоге
Покидаю отчий дом.
Задержался на пороге,
Вытер щеки рукавом.

Рдело солнце на закате,
Листья сыпались с берез.
Домовой блуждал по хате,
И скулил за дверью пес.

Крысы маялись в печали
И, обшаривая стол,
Неприкаянно глотали
Позабытый валидол...

1 декабря 2006 г.
Автобус "Мценск – Корсаково"

* * *

Сплелись кусты и лопухи
Вокруг забитой хаты.
Прости нас, Боже, за грехи,
В которых виноваты.

Сарай согнулся до земли,
И хата смотрит сиро.
А Мурку в Тулу увезли
В панельную квартиру.

Несладко у чужих дверей
И боязно в дорогу.
А кот в деревне так же ей
Кладет мышей к порогу...

3 ноября 2008 г.
д. Гудилово

* * *

Владимиру Ермакову

Вот и всё,
Вот и всё,
Вот и всё,
Что судьбой суждено,
Совершилось.
Ни Есенин, ни Блок, ни Басё
Не уймут мою боль и унылость.

Верь не верь,
Верь не верь,
Верь не верь,
Только в прошлое нет уже входа:
Заколочены окна и дверь,
И душа на замке,
И свобода.

Не вернуть,
Не вернуть,
Не вернуть,
Что досталось от века и Бога:
Оборвался родительский путь,
И моя оборвется дорога.

Не забыть,
Не забыть,
Не забыть,
Что всю жизнь мне светило и светит.
Только некуда больше спешить,
И никто меня больше не встретит...

13 ноября 2006 г.
Автобус "Мценск – Корсаково"

* * *

Средь опустевшего села,
Простуженно-мохната,
Грустит без света и тепла
Моя худая хата.

Маячит, грешная, одна
Средь огородных пугал.
Провисла задняя стена,
И отвалился угол.

Изба без своего угла
Тошнует в глухомани,
Окаменевшая от зла,
Оглохшая от брани...

30 ноября 2007 г.
г. Мценск

***

Шалый ветер налетел с полей
И промчался вихрем по деревне.
Поскользнулся старый дуралей
Да и матку придавил в роевне.

Заметались возле старика
Пчелы неприкаянно без матки,
Уходя в безвестность от летка
Шумно, суматошно, без оглядки.

Вот и мы,
От смуты ошалев,
В годы непутевые и злые
Самогонкой разбавляем гнев,
Мечемся в России,
Как чужие...

22 ноября 2006 г.
Автобус "Мценск – Корсаково"

* * *

Мужик всю жизнь горбячил в поле,
С утра до вечера корпел.
Да оказался поневоле
Бывалый пахарь не у дел.

Однажды охнул на пороге
И остро ощутил беду,
Поскольку онемели ноги
И подломились на ходу.

Вились коварные морщины
По изможденному лицу.
Не торопилась медицина
К его замшелому крыльцу.

"Всё брошу, плюну и уеду!" —
Мужик во гневе бушевал...
Отняли ноги у соседа,
Чтоб из деревни не сбежал...

7 апреля 2007 г.
г. Мценск

Багряные листья

Мой клен,
Высокий и ветвистый,
То встрепенется, то замрет,
И ветер, обрывая листья,
Их за околицу несет.

Вот так и люди разлетелись
По белу свету из села.
Какая радость или прелесть
Их за околицей ждала?

Давно в округе не осталось
Ни Суходола, ни Ключей.
Лишь неприкаянно металась
Листва пожухлая с ветвей.

Я догоню свой лист багряный
И задержу ногой его,
И он предстанет рваной раной
На теле края моего...

26 июня 2007 г.
г. Мценск

* * *

В кругу калиновых кустов
На нашем огороде
Пугало чучело дроздов
И разгоняло вроде.

Шумят у речки камыши,
Горланят птахи звонко.
А в деревеньке — ни души,
Ни лайки, ни котенка.

Гляжу в раскрытое окно
И напрягаю зренье:
Осталось чучело одно
От всей моей деревни.

Оно запуталось в траве,
В дремучей повилике:
Дрозды сидят на голове
И требуют клубники...

10 июля 2007 г.
д. Гудилово

* * *

Я утром в сад цветущий вышел.
Гляжу светло по сторонам.
Сырые ветки слив и вишен
Заполонил дроздиный гам.

Был этот гам разноголосен.
Знать, требовал дроздиный род,
Чтоб непременно всем я бросил
По червяку в раскрытый рот.

Дроздята яростно орали,
Тянули клювы из гнезда
И, вероятно, принимали
Меня за главного дрозда...

8 июня 2007 г.
г. Орел

* * *

Я стоял в раздумье под окном
С горемычной памятью вдвоем.

Тенькала синица у дверей,
И чирикал шумно воробей.
Видимо, просили у меня
Горстку крошек или ячменя.

Я стыдливо удалился в сад,
Где сиротски яблоки висят.
Заглянул на бывший огород,
А на нем бесчинствует осот.

Я подался к речке напрямик,
Чтоб проведать голубой родник.
Только мне почудилось с горы,
Будто в нем барахтались бобры.

Я спустился на заречный луг,
Мне ударил в нос болотный дух.
Вскинулись чирки из камышей
Над заглохшей речкою моей.

Я устал и заспешил в село,
А оно бурьяном заросло.
Я махнул Гудиловке рукой
И побрел заросшею тропой

От села, детства, от себя,
От синички и от воробья...

4 ноября 2007 г.
г. Мценск

* * *

Александру Лысенко

Жара свирепствует в России,
А за окном сирень цветет,
И тает вечер в дымке синей,
И мать в Гудиловку зовет.

А там разгул бесовской силы
И вакханалия кругом:
Бобры напали на осины
И учинили бурелом.

В саду сплошные беспорядки
И несусветный ералаш:
Дрозды обшарили все грядки
И даже забрались в шалаш.

С утра по огороду рыщет
Нахальный чужеземный бес
И между грядок рьяно ищет
Свой колорадский интерес.

Май куролесит по России,
А за окном сирень цветет,
И тает вечер в дымке синей,
И мать на Троицу зовет.

25 мая 2007 г.
г. Орел

* * *

Ушла былая благодать
И утонула в ссоре.
Ну где теперь позагорать?
В каком поплавать море?

Три мудреца в лесу глухом
Жестоко согрешили:
Всё осушили за столом
И все моря разлили.

Россия в муках и тоске,
Забыв о тех прохвостах,
Как рыба бьется на песке
И ртом хватает воздух...

20 июля 2006 г.
д. Гудилово

* * *

Утихомирилась вьюга,
Пурга унеслась в облака.
Заледенела округа —
Ни звука, ни огонька.

Не видно в морозном раздолье
Ни деревенек, ни сел,
Как будто по Дикому полю
Мамай узкоглазый прошел.

Забытые Богом советы
Повымерзли в отчем краю.
Куда ни пойду, ни поеду,
А родину не узнаю.

Теперь что ни двор —
Поселенье,
Теперь что ни дом,
То кустарь.
Какое теперь поколенье?
Кто нынче глава?
Кто главарь?

15 февраля 2006 г.
д. Гудилово

* * *

Я был последним старожилом,
Изведавшим крестьянский зуд.
Давно родник забило илом
И затянуло ряской пруд.

Дома присели в чернобыле,
Дорога скрылась в лопухах.
Лишь только птицы не забыли
О тихих дедовских местах.

Заслышав кваканье лягушек,
Они слетелись в старый сад
Со всех полянок и опушек
И бесшабашно гомонят.

Здесь всё знакомо и известно.
Здесь жизнь привычна и проста.
И не найти дороже места,
И не сыскать родней гнезда...

6 мая 2007 г.
г. Мценск

ОТ РАЗЛУКИ ДО РАЗЛУКИ

* * *

Дорожный посох теребя
И разгоняя ветер хлесткий,
Я столько раз встречал тебя
На захолустном перекрестке.

И я тебя не предавал
И предавать не собираюсь,
А то, что грубо целовал,
Я в этом признаюсь и каюсь.

Кого желаю и люблю,
Того склоняю к изголовью.
И я тебя не оскорблю
Своей рифмованной любовью.

Зачем минувшее склонять?
Зачем трясти пустую грушу?
Нелепо к мертвым ревновать
Живую преданную душу...

18 июля 2007 г.
г. Мценск

* * *

Эле

Видать, погода виновата,
Что про меня забыли все.
А я с рассвета до заката
Кручусь, как белка в колесе.

Душа моя не городская,
А все же адски устает
От новых ожиданий рая
И старых дедовских забот.

Зато в деревне воздух дивный,
Рыбалка, ягоды, грибы!
Друзья завидуют наивно,
Моей не ведая судьбы.

А я опять кляну дорогу
И жду заветное число,
Когда заявится подмога
Любой распутице назло.

Неисправимая придира
Начнет с укоров и ругни,
Как неприкаянно и сиро
Я волоку седые дни...

9 июня 2006 г.
д. Гудилово

* * *

Лежу,
Вздыхаю и тошную
Под капелюхою с утра:
Переливает кровь чужую
В меня усердно медсестра.

Вот так
В порыве вдохновенья
Переливает нашу кровь
Из поколенья в поколенье
Неистребимая любовь.

Вот так
Во имя обновленья
Из века в век, из рода в род
Свершалось вечное смешенье
Кровей, сословий и пород.

А жизнь настырно и упрямо
Преподает простой урок,
Что кровь от Евы и Адама
По нашим жилам гонит ток.

Живу мечтою сокровенной,
Душевно мучась и страшась,
Чтоб кровь, назначенная в вены,
На землю зря не пролилась...

17 июля 2007 г.
г. Мценск

* * *

Порой замкнусь и занедужу
И обрету печальный вид.
Но память постучится в душу
И ясным светом озарит.

Устав от горького бессилья,
Когда пересыхает рот,
Душа опять расправит крылья
И позовет меня в полет.

И в этот миг проснутся снова,
И в этот миг воскреснут вновь
Три удивительные слова:
Надежда, вера и любовь.

Осталась юность за порогом,
И оборвался грешный след:
Душа чиста как перед Богом
И излучает дивный свет...

23 февраля 2008 г.
г. Мценск

* * *

Не жалея ласки и огня,
Не скупясь на озорство и шалость,
Целовали девочки меня —
Песня нецелованной осталась.

В грубой откровенности виня,
Осуждая искренность нахала,
Предавали женщины меня —
Песня, как мальчишку, утешала.

Обдираясь о колючки в кровь,
Отвергая страх и суеверность,
Чем отвечу на её любовь,
На её заботливость и верность?

У кого-то дети и жена,
У кого-то золото и дачи.
Жизнь моя за песню продана,
Только без есенинской удачи...

8 августа 1970 г.
г. Мценск

* * *

Обтянуты туго
И бедра, и грудь,
И джинсы по самую репку.
Такая сумеет за пояс заткнуть
Любую спесивую кепку.

Шагает по жизни
Бедовый народ,
Решая крутые вопросы,
Толкая ребячью коляску вперед,
Играя дымком папиросы.

Завидев случайно
Подруг вдалеке,
Достанет бутылочку пива
И, поболтав её
Ловко в руке,
Потянет довольно игриво.

Взгляну с раздраженьем,
Ругнусь вгорячах
И всё же порадуюсь малость,
Что это по нашим спине и плечам
В свой век
Ребятня поднималась...

28 июня 2007 г.
г. Мценск

* * *

Под рев огня и стали
Разгневанных держав
Добро и зло решали:
Кто виноват?
Кто прав?

Ломила сила силу,
Сметая всё дотла,
И прятала в могилу
И души, и тела.

Загадочно и странно
Кружится шар земной.
Лежат вповалку страны
Под крышкой гробовой...

9 мая 2007 г.
г. Мценск

* * *

Судьба Россию не жалела
Ни при вождях, ни при царях.
Не зря от крови порыжела
Трава в боях и лагерях.

А нас природа сохранила,
Чтоб эти дни не забывать,
Чтоб с новой яростью и силой
Любить, страдать и убивать...

17 августа 2007 г.
г. Мценск

* * *

Не устают её поносить,
Не устают её чернить.
Уже успели заморозить
И до зимы обледенить.

Уже трибуны водрузили
И раскрутили звезд на льду,
Чтоб на виду у всей России
Затмили Красную звезду.

Но из-под царственного грима,
Из-подо льда и старых плит
Им площадь Красная незримо
Своим булыжником грозит...

24 декабря 2006 г.
Автобус "Мценск – Корсаково"

* * *

Заполонили весь экран
Бедовые медведи.
Вручал им гильзы ветеран
На память о Победе.

Припоминая адский шквал,
Забыл лукавый воин,
Кто ту победу добывал
И кто её присвоил.

Затеяв праздничный галдеж,
Не ведает дедуля,
Что сам он на патрон похож —
Без пороха и пули...

17 мая 2005 г.
д. Гудилово

* * *

Вновь огневая полоса
У края обороны
Разворошила все леса
И расчесала кроны.

Опять с противной стороны
Водружены радары.
Забыли сукины сыны
Ответные удары.

Еще трофейные часы
Не выброшены нами.
Еще щетинятся усы
У стариков штыками...

3 июля 2007 г.
г. Мценск

* * *

Под сень гудиловского крова
Из чужедальней стороны
Вернулись — живы и здоровы —
Отец и дедушка с войны.

С мечтой о доме и о Боге
Они солдатский путь прошли,
Победу встретили в дороге
И до Берлина довели.

А пули те,
Что миновали
Их на дороге фронтовой,
Меня по следу распознали
И ныне гонятся за мной.

Хоть я давно уже в запасе
И веком списан со счетов,
А все равно, видать, опасен
Для затаившихся врагов...

5 июля 2007 г.
г. Мценск

Лимонка

Я помню:
Выдернул чеку
И, словно понарошку,
Гранату зашвырнул в реку,
Чтоб припугнуть рыбешку.

А речка вскинулась чуть-чуть
И улеглись в воронке,
Как будто я ударил в грудь
Ей кулаком лимонки.

Был звук раскатист и гремуч
Средь тишины зеленой.
С тех пор в воронке
Хлещет ключ,
Игривый и студеный.

Вся жизнь осталась позади,
А всё кажусь мальчонкой,
И сердце прячется в груди
Взведенною лимонкой...

31 марта 2007 г.
г. Мценск

Из архива поэта

АВТОБИОГРАФИЯ

Я появился на свет Божий 15 февраля 1932 года в захолустной мценской деревушке Гудиловке бывшего Власовского, ныне Алябьевского сельсовета, что в 35 км от Мценска. Однако только 8 марта отец запряг в козырные санки шустрого меринка, усадил молодую жену и помчался в сельсовет, чтобы зарегистрировать факт моего рождения. Этот день и значится в моем паспорте.

В 1939 году пошел в первый класс Кислинской семилетки. Окончил два класса. Война оборвала учебу. Мы были эвакуированы в Корсаковский район. Поселились на Аринкином хуторе. Осень 1942 года проучился в Андреевской начальной школе. Не хватало учебников. Тетради сшивали из фуражных мешков. Чернила разводили из сажи.

В феврале 1943 года мы самовольно ночью пробрались в Гудиловку, а в мае снова были выдворены в д. Минино, что недалеко от с. Воиново.

В июле 1943 года Мценск был освобожден от немцев. Мы окончательно вернулись домой. В сентябре снова пошел в школу — в третий класс. Учился старательно и озорно. Разряжали противотанковые мины и взрывали блиндажи. Летом трудился в колхозе: пахал землю, косил с бабами луга, возил на волах копны. В шестнадцать лет вступил в комсомол. Восхищался подвигами Зои Космодемьянской, Сергея Тюленина, Олега Кошевого. Зачитывался "Молодой гвардией" А. Фадеева и "Двумя капитанами" В. Каверина.

В 1948 году окончил семилетку. Попытался с друзьями поступить в летную школу в Курске, да не прошел по состоянию

здоровья. Помчался в Тулу, где отец работал плотником на стройке. Он повел меня в строительный техникум. Был конец августа. Приемные экзамены уже закончились. Завуч заинтересовался моими оценками. Они были положительными. Мне тут же предложили написать диктант и контрольную по математике. Справился хорошо. Зачислили со стипендией. Назначали старостой группы. Днем посещал занятия в техникуме, а вечером спешил в областную заочную среднюю школу взрослых. В течение двух лет окончил 8, 9, 10 классы, получил аттестат зрелости.

В 1950 году поступил на литературный факультет Тульского пединститута. Жилось трудно. Жили с отцом в бараке на Рогожинском поселке. В институт бегал в обычной одежде — в фуфайке или вельвете. Студенческие годы ознаменовались выходом в свет сталинских работ "Экономические вопросы социализма" и "Вопросы языкознания". Вокруг них разгорались жаркие споры. В марте 1953 года Сталин умер. Всех потрясла смерть вождя.

В 1954 году, после окончания пединститута, с группой однокурсников добровольно уехал на целину. Учительствовал в Благовещенской средней школе, что на Алтае. Шибко тосковал по родной стороне. Часто после уроков спешил на станцию, встречал и провожал проходящие поезда.

Вскоре вместе с целинниками меня призвали в армию. Я оказался во Второй школе сержантов АИР — артиллерийской инструментальной разведки. Получил специальность военного топографа. Служил в разведдивизионе артиллерийского полка: сначала командиром вычислительного отделения топографической, затем — оптической разведки. С теодолитом и мерной лентой исколесил не один артиллерийский полигон. Полк был парадный. В 1955 и I956 годах довелось участвовать в военных парадах на Красной площади.

В ноябре 1957 года, отслужив армейский срок, вернулся во Мценск. Места для словесника не оказалось. Спешно окончил курсы шоферов, был направлен учителем автодела в среднюю школу № 1. В августе 1958 года

меня перевели на должность инспектора в роно. В мои обязанности входили: охрана прав детства, преподавание русского языка и литературы, организация поисково-краеведческой и экскурсионно-туристской работы в школах, военно-патриотическое воспитание учащихся и т. д.

Инспекторской работе было отдано двадцать шесть лет. Был живым свидетелем многих добрых и дурных дел в просвещении. За долголетний добросовестный труд награжден значком "Отличник народного просвещения РСФСР", юбилейной Ленинской медалью, а также медалью "Ветеран труда".

С 1984 по 1989 год был директором Краснооктябрьской восьмилетней школы. Круто добивался реальной успеваемости, дисциплины, порядка. Резко отрицательно относился к пресловутой школьной реформе, к педагогике сотрудничества, к горбачевскому новому мышлению и плюрализму, которые сыграли роковую роль в судьбе советской школы и государства. Сохранилась рукопись неизданной книги "Красные чернила. Дневник директора школы. 1984 – 1989 годы".

С 1961 года состоял в Коммунистической партии. Был и остаюсь коммунистом-романтиком. Не терпел партийных шкурников и холопов.

С детских лет увлекался поэзией. Поэтический зуд почувствовал еще за школьной партой в 3 классе. В студенческие годы посещал литературный кружок. В 1951 году в альманахе "Литературная Тула" и в сборнике "Стихи тульских поэтов" появились мои первые вирши.

В разные годы печатался в областных газетах и сборниках, в журналах "Подъём", "Москва", "Звезда", "Наш современник", "Форум", "Молодая гвардия", "Роман-журнал XXI в." и других. Отдельные мои стихи появлялись в антологии "Час России", в альманахе "Поэзия", в "Невском альманахе", в альманахе "Орел литературный", в хрестоматии "Писатели Орловского края. XX век".

Никогда не порывал с учительской профессией. В текучке повседневной жизни встречались запоминающиеся события.

В 1970 году был принят в Союз писателей СССР — впервые в истории Мценска.

В 1980 году был избран делегатом Пятого съезда писателей РСФСР, который состоялся в декабре в Москве.

В 1997 году в Дни славянской письменности в Орле стал лауреатом Всероссийской литературной премии имени А. Фета.

В этом же году за военно-патриотическое воспитание молодежи мне было присвоено звание "Почетный гражданин г. Мценска".

В 2007 году в связи с 75-летием был награжден юбилейной Шолоховской медалью.

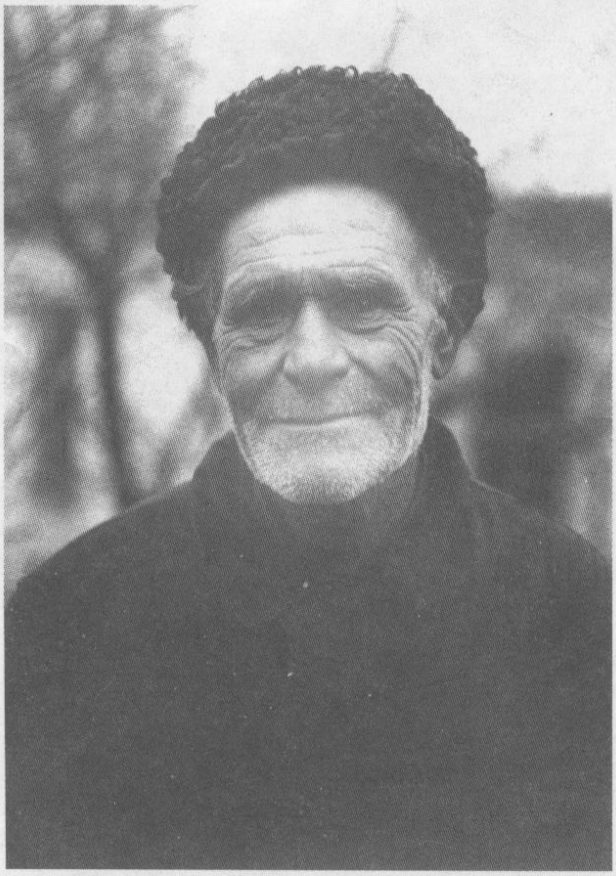
В марте 2010 года было присвоено звание "Почетный гражданин Мценского района" за прославление родного края.

Выпустил несколько книжек стихов и прозы:
"Подснежник". Сб. стихов. Орл. кн. издательство. 1963 г.
"Земляника". Сб. стихов. Приокское кн. изд. Тула. 1966 г.
"Ясень". Сб. стихов. Приокское кн. изд. Тула. 1969 г.
"Анютины глазки". Сб. прозы. Приокское кн. изд. Тула. 1972 г.
"Снежедь". Лирич. тетради. Приокское кн. изд. Тула. 1974 г.
"Ядринка". Сб. стихов. "Современник". Москва. 1976 г.
"Живые зерна". Сб. стихов, "Сов. писатель". Москва. 1977 г.
"Журавинка". Сб. стихов. Приок. кн. изд. Тула. 1981 г.
"Щеглы". Сб. стихов. Приокское кн. изд. Тула. 1991 г.
"Свет". Книга стихов. "Вешние воды". Орел. 1997 г.
"Пучок калины". Книга стихов. "Вешние воды". Орел. 2001 г.
"Вербный родник". Книга стихов. "Вешние воды". Орел. 2007 г.
"Багряные листья". Книга стихов. Орел. 2008 г.

Под окном родного дома
в Гудиловке
с родителями
Василием Ивановичем и
Анной Емельяновной
Александровыми

Дедушка поэта
Илья Илларионович
Александров

Кислинская семилетняя школа,
которую закончил
И.В. Александров в 1948 году

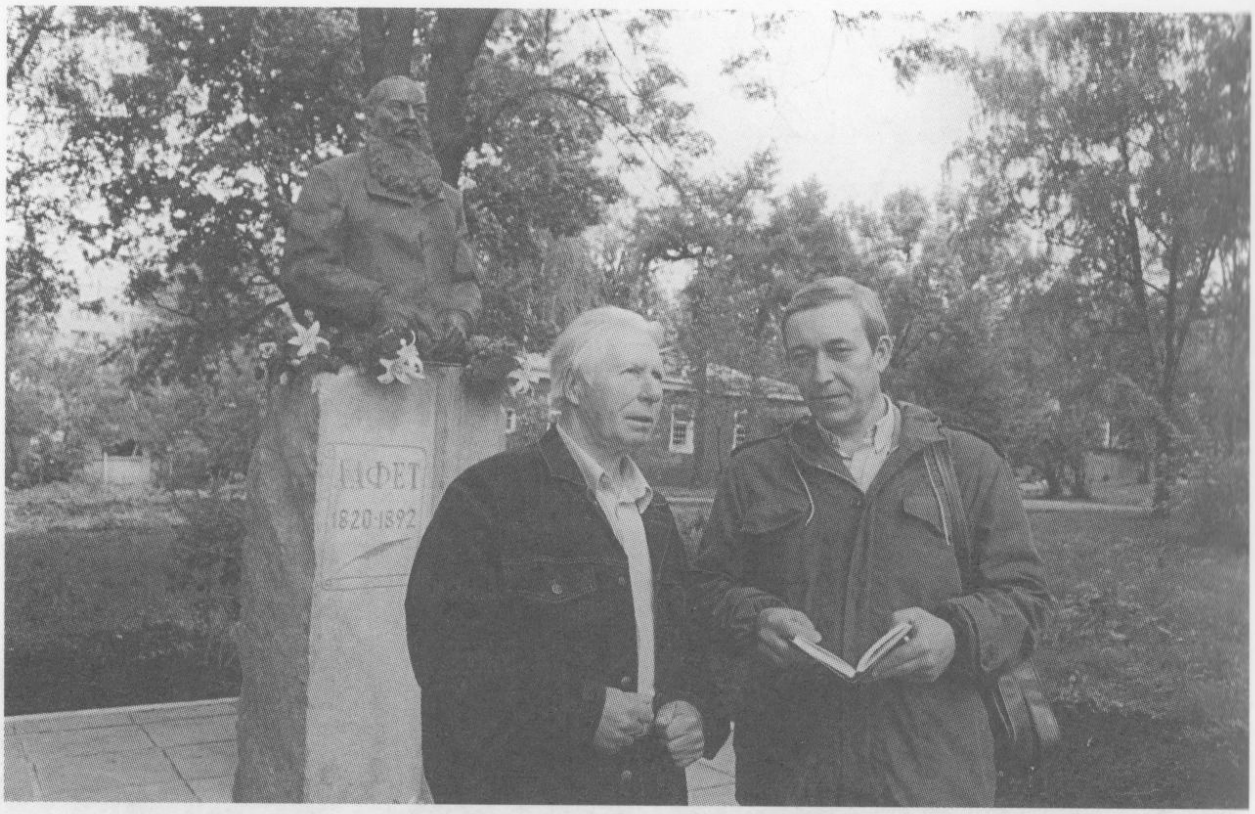
Фото на память: группа выпускников института,
поехавших работать на Алтай. 1954.

Районный слет туристов.
С лисенком.
Спасское-Лутовиново. 1975.

Директор Краснооктябрьской восьмилетней школы И.В. Александров проводит торжественную линейку.
01.09.1984.

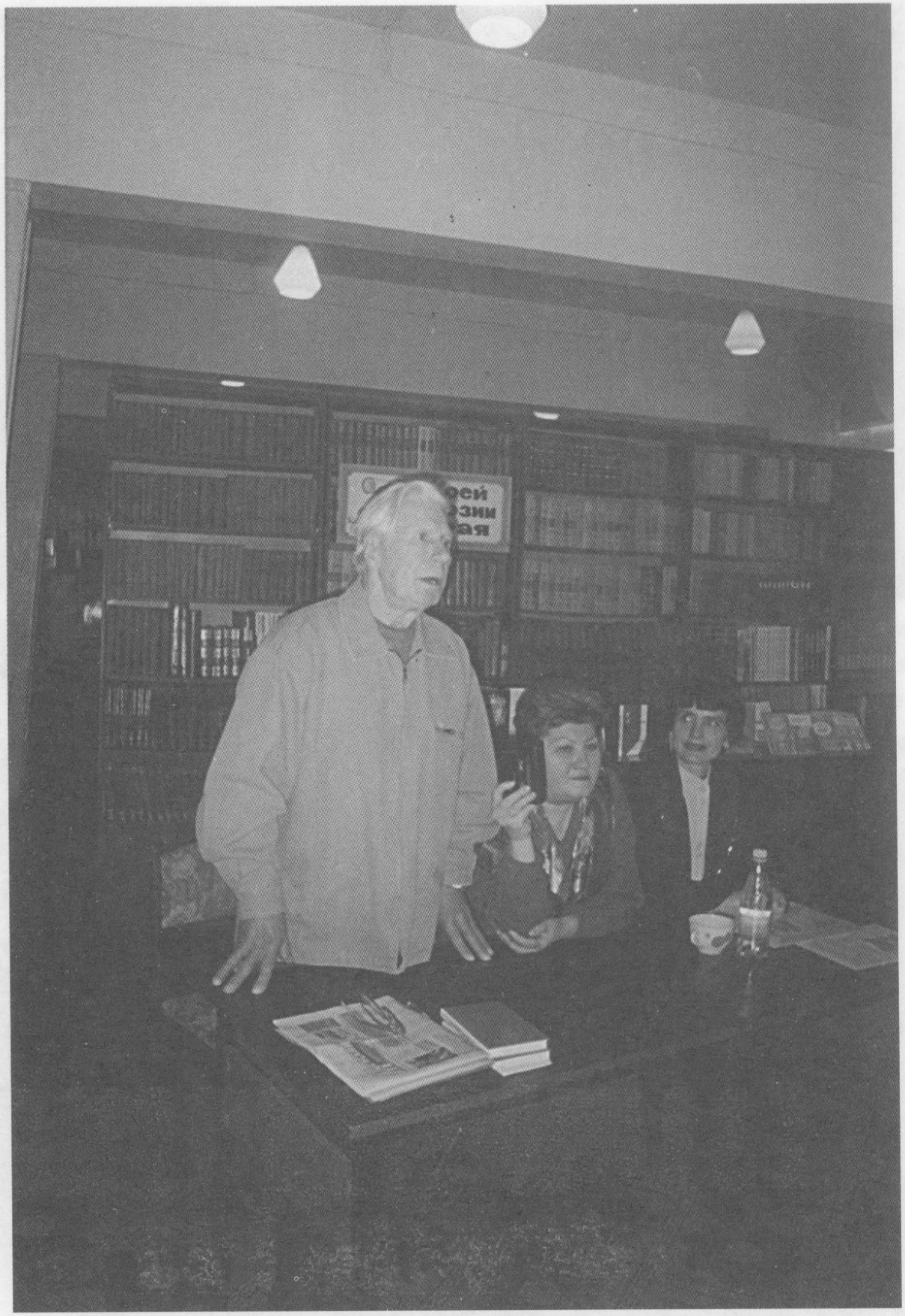
Лауреаты Всероссийской литературной премии имени А.А. Фета
за 1997 год Иван Александров и Юрий Шестаков
в день открытия памятника А.А. Фету в Орле.

Иван Александров читает стихи
у памятника И.С. Тургеневу.
Мценск.

Первый праздник А.А. Фета в Козюлькино. 30 мая 1976 года.

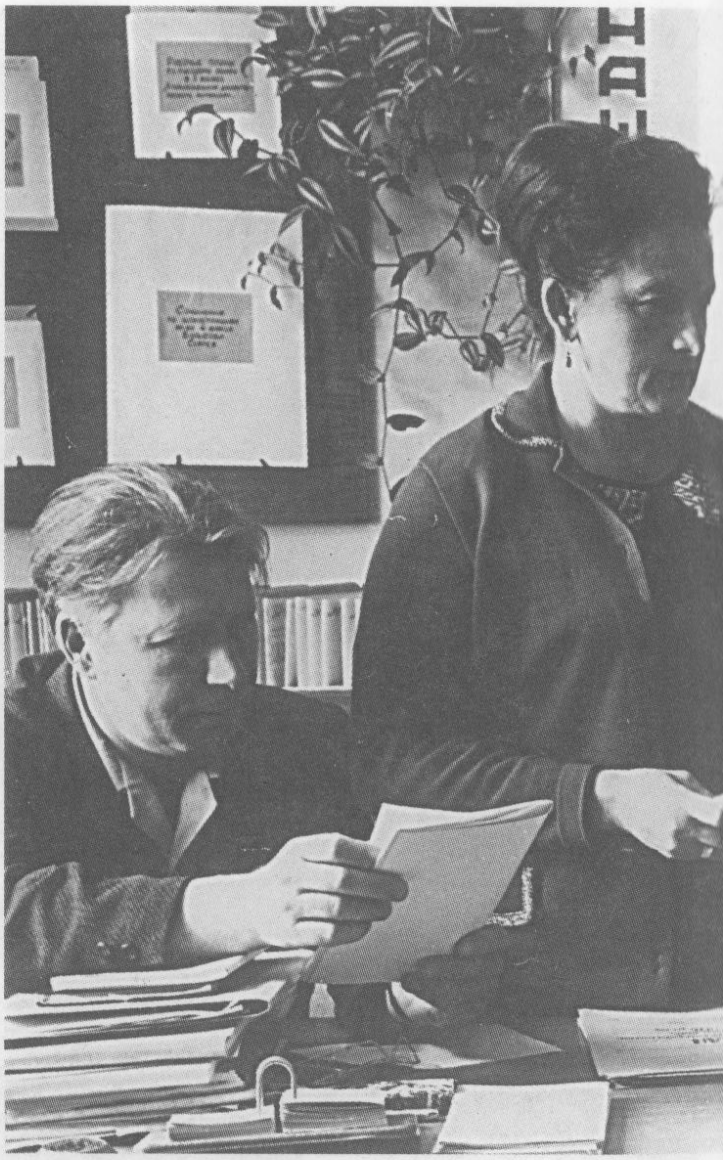
Встреча поэта с учащимися десятого класса
Мценской гимназии

Презентация книги И.А. Новикова
"Золотые кресты". У памятного
знака в деревне Ильково

И.В. Александров читает стихи,
посвященные ветеранам войны.
20 июля 1997 года

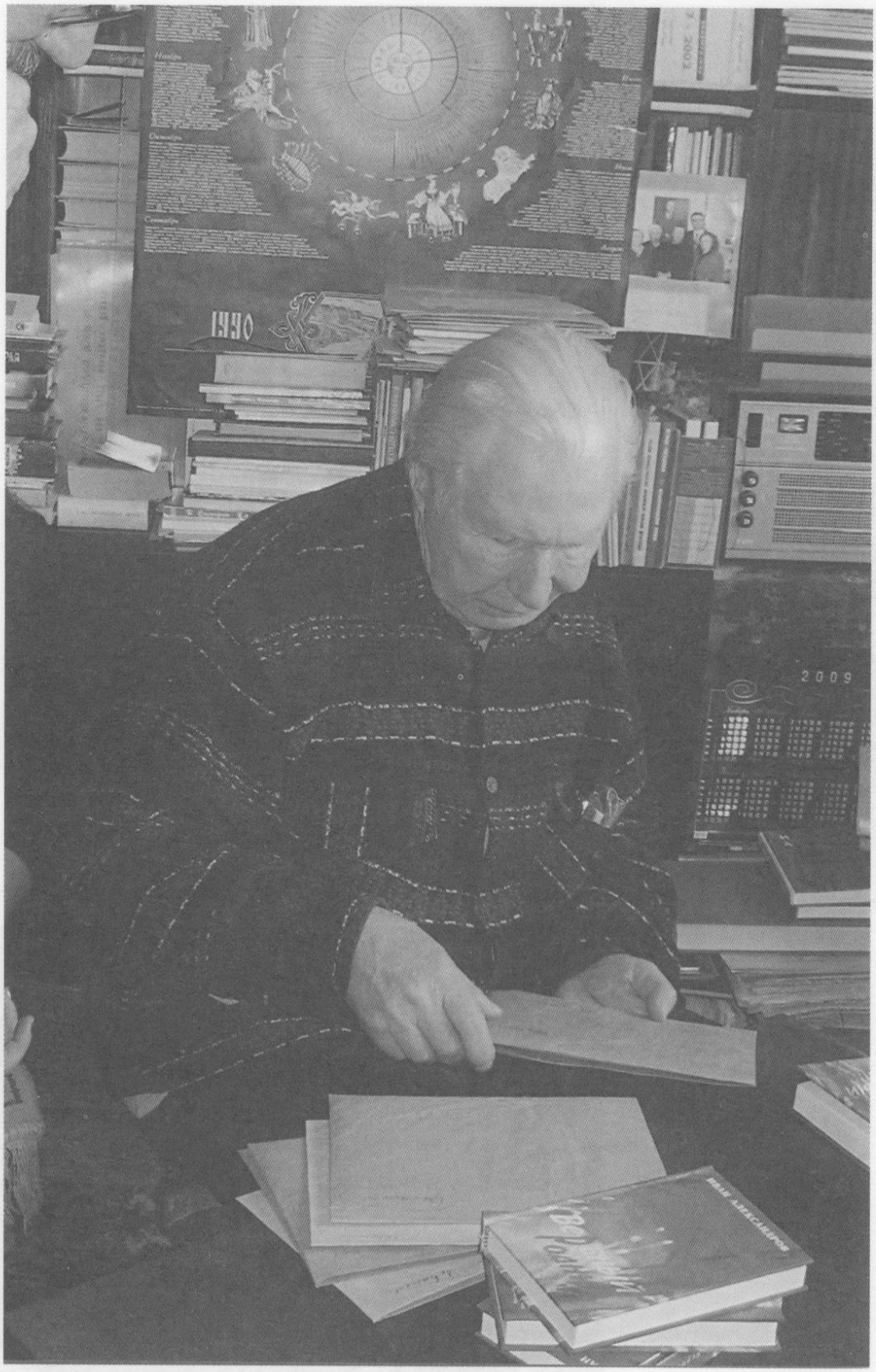

Встреча с личным составом воинской части. Мценск

На заседании методкабинета. РОНО.
Мценск. 1975.

И.В. Александров дома за работой

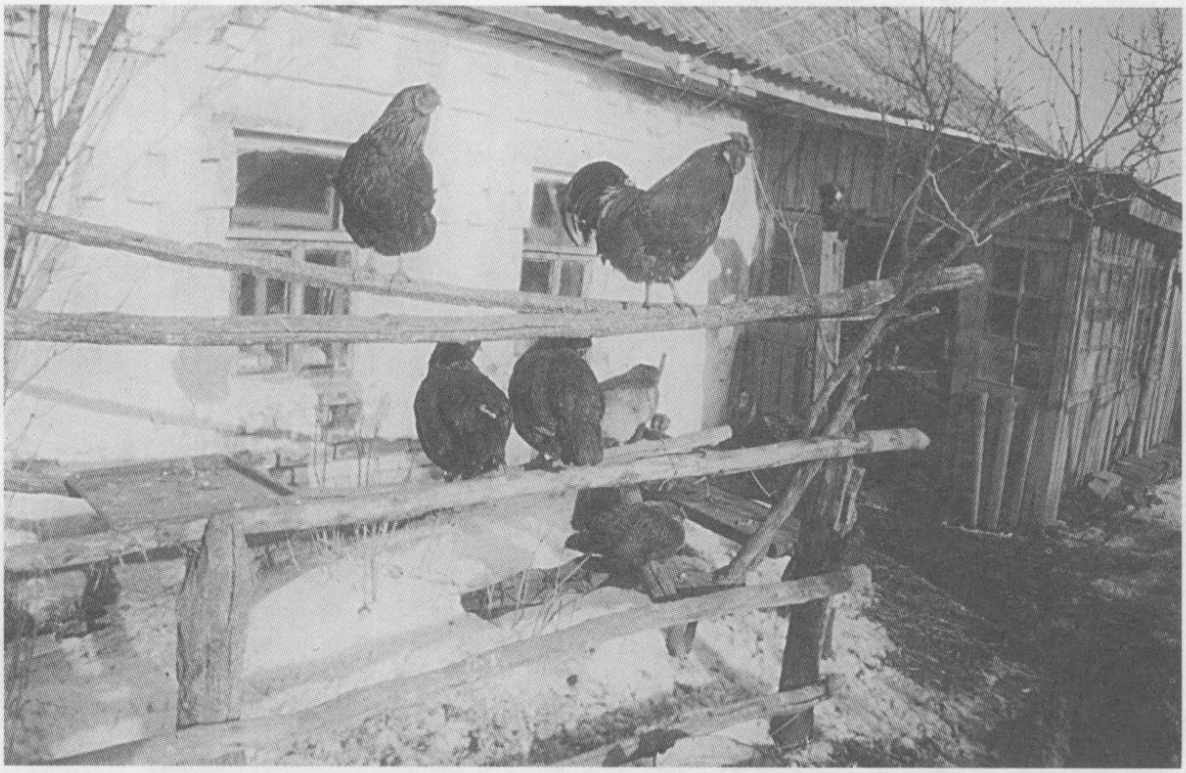

И.В. Александров возле памятника И.С. Тургеневу
с женой и внуками. Мценск.

И.В. Александров на праздновании юбилея А.И. Лысенко.
Издательство "Вешние воды", 2001.

В родной Гудиловке.

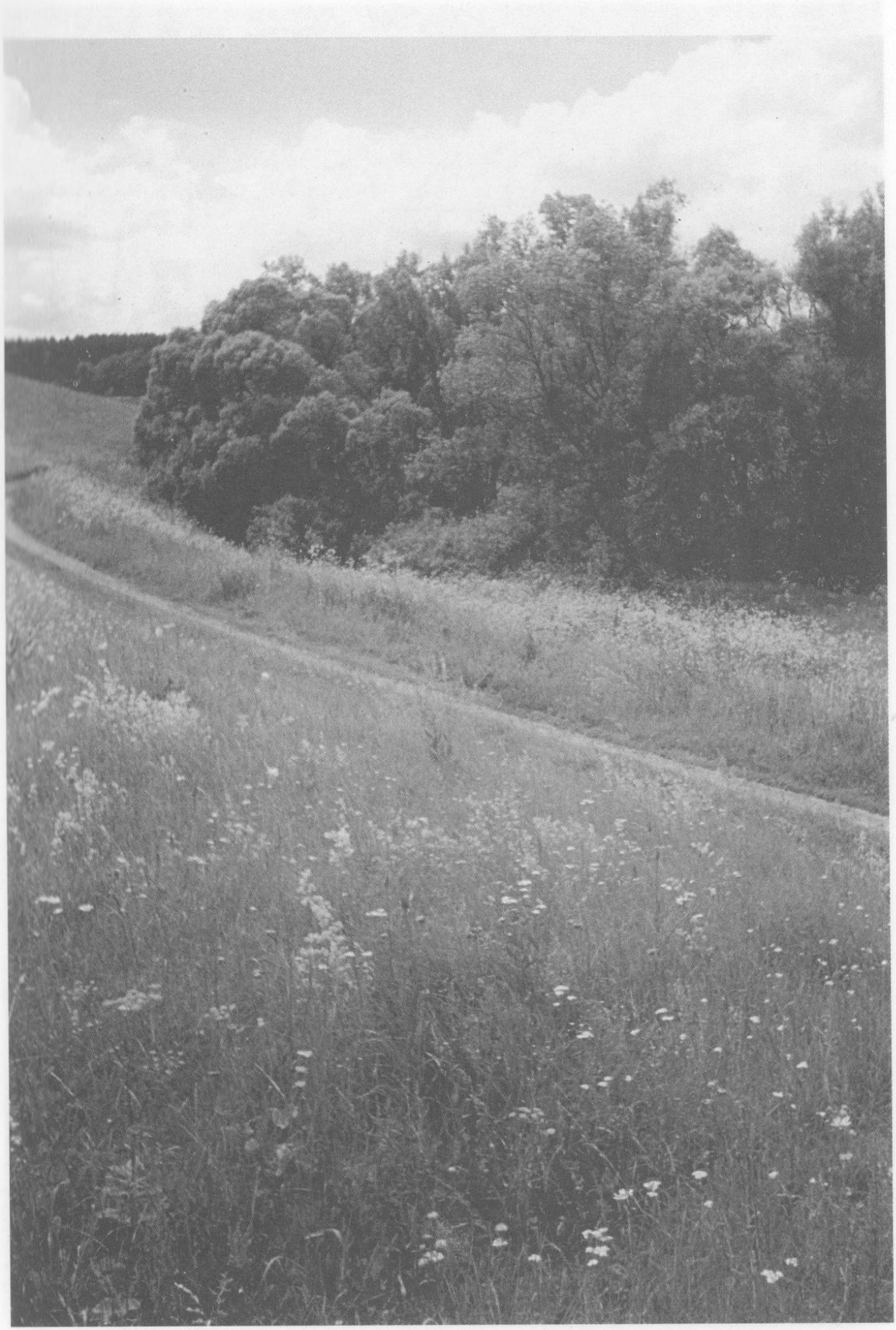
В окрестностях Гудилово

В родном пейзаже

Теперь отцовская земля
Встречает, словно друга,
Меня гудением шмеля
И разнотравьем луга

Матушка.

Загрустила о блудном сыне,
Что прижился в чужом краю.
Шлет ему посылку из России
И молитву слезную свою:

"~~Возвращайся на свои просторы,~~
~~Скучно им без твоего оледа.~~
~~По тебе молоденькие елки~~
~~День и ночь вздыхают у пруда.~~

Столбовая русская дворянка,
Я желаю только одного,
Чтобы ты проклятую цыганку
Вытурил из сердца своего.

Умоляю, дорогой и милый,
Чтобы под счастливою звездой
Ты построил собственную виллу,
Свил бы ~~собственное~~ гнездо."

Долгой и неведомой дорогой
Шла посылка с шелковой тесьмой.
И счастливец трепетно потрогал
Редкую диковинку рукой.

Только он ~~сам~~ оторопел и замер,
Неспособны разумом постичь,
~~Кому~~ Ему возник перед глазами
Спасско-лутовиновский кирпич?

14.01.99 г.
д.Гулилово

Все это было давно, давно,
И быльем поросло оно,
Как будто в сказке, а не в былине,
Я вспомнил вдруг о твоей судьбине.
Ты, как и прежде, в родном краю,
Но я тебя больше не узнаю.
Ты стала чужой, ты стала другой,
Ты стала совсем не такой.
Ты стала, как все, ты стала, как все,
Ты стала, как все, ты стала, как все

XXX

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной? —
Такой высокий и густой:
Взмахнешь — вязанка сена.

Была та буйная трава
Загадочна немножко:
Темнели тайной острова
Мышиного горошка.

Я замирал за ней тогда,
Робея и немея
Перед метелкой овсюга
И пикой щавеля.

Цвела головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял шмель-шут,
Тревожен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабьи искренна.
Земля хозяйка подала,
Ждала и горевала.

Земле хотелось щедрой быть,
Земля звала косить.
Вот здесь учился я косить
И жить и думать заново.

Ив. Александров

Автографы И.А. Александрова

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Век М.А. ШОЛОХОВА

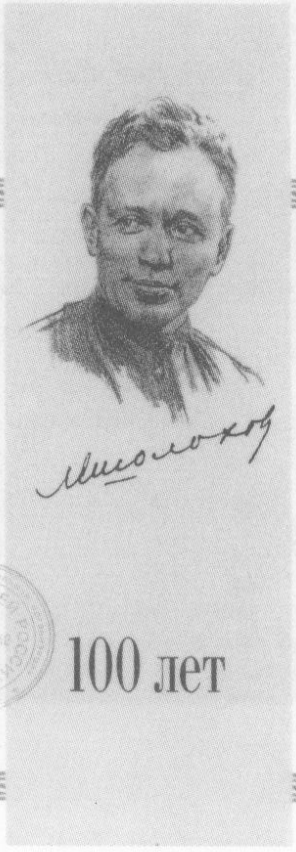
Награждается

Александров

Иван Васильевич

за любовь к родному краю и бережное отношение к родному слову

Секретариат правления Союза писателей России

100 лет

ДИПЛОМ

лауреата литературной премии имени А. А. ФЕТА 1997 года

"За лучший цикл стихотворений"

Союз писателей России, Администрация Орловской области присуждают литературную премию имени А. А. Фета

Александрову Ивану Васильевичу

г. Мценск Орловской обл.

Не верь весне. Её промчится гений,
Опять зеленом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Перебодлит скорбящая душа.

А. А. Фет

Председатель Союза писателей России
В. Ганичев

Глава Администрации Орловской области
Е. Строев

25 мая 1997 года г. Орел

ДИПЛОМ

ЛАУРЕАТА ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ "ВЕШНИЕ ВОДЫ"
ЗА ДОСТОЙНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЫСОКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ
И ЛИТЕРАТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРЛОВСКОМ КРАЕ

Учреждена Правлением Орловского Землячества в г. Москве и Правлением Союза писателей России

ПРИСУЖДАЕТСЯ АЛЕКСАНДРОВУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ ОРЛОВСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА В г. МОСКВЕ
А. П. ИВАНОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
В. Н. ГАНИЧЕВ

г. Москва 5 августа 20 06 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ермаков. Ясность. 7

Из книги "СВЕТ". 1997

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Земляки 17
"Легли налево и направо..." 19
Дым Отечества 20
Легенда о Кукше 22
Самород 24
Предок 26
"Там, где Ядринка петляет..." 28
"Я детскими наивными глазами..." 29
"Люди носят ожоги..." 30
"Всё смешается во мгле..." 31
"В семью рабочую зачислена..." 32
"Скоро вьюга запенится..." 33
Журавленок 34
Чудак 35
Имя 37
Бежин луг 38
"Гляделись звезды робко в Снежедь..." 39
"Хрустели под ногами тени..." 40
"Я останавливаюсь снова..." 41
"Никак найти не удается..." 42
"Прикрыв колени легкой шалью..." 43
"Городок — столица захолустья..." 44
"В конце весны..." 45
"Опять в усадьбе Фета..." 46
"Я тону в житейском море..." 47
"Тревожно и устало..." 48
"Года, как заросли, раздвинув..." 49
"Ни в Солотче, ни в Криуше..." 50
"Я вернусь домой не скоро..." 51
"Бывал ли ты в Дорогобуже?.." 52
"При виде строк и строф крученых ..." 53
Свет 54

МАТИЦА

"Я отправлялся в путь-дорогу..." 55
"Скрипел январь полозьями..." 56
"Помню: дед, худ и сед..." 57
"Говорят, моя бабуся..." 58
"Я опять, усталый и счастливый..." 59
Матица 60
"Снежный ветер ударялся в пляску..." 61
"Я пойду ромашковой дорожкой..." 62
"Я узрел его еще мальчишкой..." 63
"Приеду — разобью палатку..." 64
Земная память 65
"Это не богатство..." 67
"Ниже, ниже, ниже..." 68
"Соберу и уложу в рюкзак..." 69
"Попекушки, попекушки..." 70
"Дорога радует не всякого..." 71
"Вспоминаю матицу за печкой..." 72
"Здесь все по-деревенски ново..." 73
"Я в деревню часто приезжаю..." 74
"Было буднично и просто..." 75
Щеглы 76
"Я вновь задумаюсь в печали..." 77
"Зарос кувшинками и ряскою..." 78
"Куда девались те орловские..." 79
"Были мельницы и запруды..." 80
Старый колодец 81
"У ней потрескались колеса..." 82
Подорожник 83
"Я устал на покосе..." 84
Чудо 85
Микула 86
"Погляди: за речкой..." 87
"Перекрестив досками ставни..." 88
"Она живет светло и тихо..." 89
Спор 90
"Вспомнил дед забитый дом..." 91
Петух 92
"Этот лес подарен мне в наследство..." 93
Баллада о соснах 94
"Я только месяц из России..." 95
"За мысом спряталась в дозоре..." 96

"У золотистого причала..." 97
"Девчата сидели и пели..." 98

ЗАРНИЦЫ

"Я рано встал из колыбели..." 99
"Чудак и труженик великий..." 100
"Я слышу говор кос и грабель..." 101
"В двенадцать лет во мне Гудиловка..." 102
"Где тот дремучий травостой..." 103
"Слышен треск на всю округу..." 104
Эхо 105
"Мы рано детство потеряли..." 106
"Где-то рядом громыхали пушки..." 107
"Плелась в глухую ночь лошадка..." 108
"Дороги днем и ночью..." 109
"Свежий хлеб — ржаное чудо..." 110
"Далеко ушла война..." 111
"Прошел родитель пол-Европы..." 112
"В знакомой роще на опушке..." 113
"Чернела туча грозовая..." 114
"Под старою ракитой..." 115
"Я узнаю его по форме..." 116
Мальчуган 117
Встречный ветер 118
"Ветер тучи грозовые гонит..." 119
"Не в ресторанах и столовых..." 120
"Когда заветные открытки..." 121
"Я уезжал, я на вокзал спешил..." 122
Бессонница 123

РАЗРЫВ-ТРАВА

"Какие горькие слова..." 124
Горько 125
"Я помню: ты клялась и спорила..." 126
"Я давно в любовь не верю..." 127
"Речка Снежедь, речка Снежедь..." 128
"Пусть на тебя я карту ставил..." 129
"На старой полтевской дороге..." 130
"Тряхнув своей прической модной..." 131
"Лето сыпало дождями..." 132
"Я не забыл, я не забыл..." 133
"Ты помнишь девочку чернявую..." 134
Снежедь 135

Из книги "ПУЧОК КАЛИНЫ". 2001

ЗЕЛЕНЫЙ ХОЛМ

Уголок 139
Земля 141
"Несерьезный человек..." 142
Живые зерна 143
Мы 144
Георгий Победоносец 145
Взводный 146
Портрет 148
"Было тридцать дворов под солому..." 149
"Моя гудиловская келья..." 150
Молебен 151
"Опираясь горестно о палку..." 152
"Слишком долго автострада..." 153
"В пекле этого ада..." 154
"Погожей июльскою зорькой..." 155
"Я последний поэт деревни!.." 156
"Умерла Гудиловка..." 157
Зима 158
Тревога 159
Поклон 160
Сверчок 162
"Позаросли окопы..." 163
Святые имена 164
Реквием 165
Прощай и помни 167
"Четыре дуба в Пушмине..." 169
Фрицы 170
Аринкин хутор 171
Победа! 172
"Дымовую паутину..." 173
Сербиянка 174
Брестская крепость 175
Зелёный холм 177

РУБЕЖ

Святые грешники 178
"Встречали восторженно бурно..." 179
"В последний год тысячелетья..." 180
Бедокур 181
Похмелье 182
Гость 183

Рождество 184
Христос 185
Воробей 186
Матёрый 187
Бивни 188
"Беснуется перед глазами..." 189
Дикари 190
"Распознаю их по сноровке..." 191
Зюганка 193
Набат 194
Рубеж 195
"Кроты Россию источили..." 196
"Трансферт, секвестр, приватизация..." 197
"Я в это слово верю свято..." 198
Мужья 199
Дочь 200
Матушка 201
Возвращение 202

ПОЗДНЯЯ МЕТЕЛЬ

"Бесшабашной тройкою промчалась..." 203
"Мы о звезды с тобой обожглись..." 204
"Забыв о пыльных васильках..." 205
"Обмануть доверчивую душу..." 206
"Рано ты меня похоронила..." 207
"Снится мне ненастными ночами..." 208
Поздняя метель 209
"По осиннику, по орешнику..." 210
Вьюга 211
Сосна 212

Из книги "ВЕРБНЫЙ РОДНИК". 2007

БЕЛЫЙ ДОННИК, ЖЕЛТЫЙ ДОННИК

Дикая поросль 215
"На месте брошенных садов..." 216
"Постою чуть-чуть на берегу..." 217
"Заблажели луга, заблажели..." 218
"Эту землю терпеливо..." 219
"Я не трезвый и не пьяный..." 220
"Металась в четырех углах..." 221
"Любил село издалека..." 222
Солома 223
"Мчится тройка по России..." 225

"Глухомань и бездорожье..." 226
"Я сквозь сердце пропускаю всех..." 227
"Устав в отечестве своем..." 228
Бараний рог 229
"В старой хате с захудалой печкой..." 230
"За рекой, за выгоном, за садом..." 231
Шакал 232
"Смотрят звезды на двор..." 233
"Сколько лет, сколько зим не слыхать..." 234
"Бушует шальная крапива..." 235
"Мозолятся дороги..." 236
"Висит в углу лампада..." 237
"Прошу у Господа прощенья..." 238
"Не чуя рук, не чуя ног..." 239
"Гордячки и растяпы..." 240
"Доживает век бабуся..." 241
"Старик в заношенной фуфайке..." 242
"Стоишь на лесенке крыльца..." 243
"Скучно в нашенской округе..." 244
"Убежали поля от людей..." 245
"По ночам на забитые хаты..." 246
"Мне до дома словно до звезды..." 247
Пастушья сумка 248

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ДОРОГИ

"Лесок. Пригорок. Стадо..." 250
"Сулило утро непогоду..." 251
"Малиновые гроздья бересклета..." 252
Покров 253
"Отрекаются дети и внуки..." 254
"Разметав снега и стужу..." 255
Волчий ров 256
Лисёнок 257
"Прогрелись заречные скаты..." 258
"Бессонные вершины..." 259
"Солнце встало, засветило..." 260
Пчелы 261
Раскатом громовым контужен..." 262
Касатик 263
Подсолнух 264
"Опять сплошная заморочка..." 265
"Здесь был наш скудный огород..." 266
"То на санях, то на телеге..." 267
"Дуб стоял на опушке..." 268

"Береза улететь не может..." 269
"Лес живет законами своими..." 270
"Скворец плескает душу..." 271
"Бодает месяц круторогий..." 272
"С землей сровняло время..." 273
"Вмятина от резвого копытца..." 274
"Я видел всяких крыс в подвале..." 275
"Тишина и темнота..." 276
Птичий блуд 277
"Играет весенняя птица..." 278
"Я знал о сорочьей сноровке..." 279
"По обе стороны дороги..." 280

ВЕРБНЫЙ РОДНИК

"Вспоминаю радостно и грустно..." 281
"Одержимые и борзые..." 282
"Мечтательный, вихрастый, рыжий..." 283
"Далекие всполохи света..." 284
"Я открываю "Бежин луг"..." 285
"Я разожгу костер в саду..." 286
Вербный родник 287
"Где-то в Аккре или Браззавиле..." 288
"Отбился от дома мальчишка..." 289
Игры 290
"У каждого сущего века..." 291
Царская воля 292
"Походкой бодрой и степенной..." 293
Колыбель 294
Словесный бор 295
"Он звонко пел, он гордо жил..." 296
Гаёк 297
Лингвист 298
"Предчувствуя лихую стужу..." 299
Тайна 300
"Таю привязанность сыновью..." 301
"У нас поэтов тыщи..." 302
"В погожий день..." 303
"Походкой шаткой и неверной..." 304
"Поэты выдают стихи..." 305

ГОРСТКА ПЕПЛА

Засада 306
"Эхо боя ударяет в уши..." 307
"На бойком сельском перекрестке..." 308

"Мы в саду курочим блиндажи..." 309
"Под сенью надежного крова..." 310
"Дед встречает пятьдесят..." 311
Кирзачи 312
"Гремит война скандальная в Чечне..." 313
Безумие 314
"Лихой Шамиль ушел в века..." 315
"Гремит Кавказ, шумит Кавказ..." 316
Беглянка 317
Ясень 318
Спектакль под Москвой 319
Господа офицеры 320
"Вновь закатилось солнце в тучу..." 321
Завет 322

РАСПУТИЦА

"Еще вчера трещал мороз..." 323
"Вместе пили, пели, обнимались..." 324
"Хапуги, дельцы, горлопаны..." 325
"Вдыхаем в дыму и угаре..." 326
"Люди слепы, люди глухи..." 327
"Мрачнеет небо синее..." 328
"Вздохнул тяжело бедолага..." 329
"Оглянулся случайно назад..." 330
"От одной беды и до другой..." 331
"С утра на службу к Богу..." 332
"Мелькают на экране..." 333
"Стихла новогодняя морока..." 334
"Случается всё у бродяги..." 335
"Латунный крестик с обелиска..." 336
"Достался мокрый порох..." 337
"Жизнь моя — суета да морока..." 338
"Забил осот отцовский огород..." 339
"Осенний ветер стонет глухо, ... 340
"С утра расшумелась округа..." 341
"У каждой заброшенной хаты..." 342
"Не околачиваю груши..." 343
"Затрепетала синева..." 344
"Ни межи, ни границы..." 345
"Теперь осталась на бугре..." 346
Мольба 347

ФЕВРАЛЬ БЕЗ ВЬЮГИ НЕ ФЕВРАЛЬ

"Проведем эту ночь не в застолье..." 348
"У черта на куличиках..." 349
"В бело-розовом майском тумане..." 350
"Не одна бедовая споткнулась..." 351
"Стала ты надежною подругой..." 352
"Мне захотелось умереть..." 353
"Какая жуткая отрада ..." 354
"Мои своенравные крали..." 355
Язва 356
"Тюря" 357
"В июньский вечер синий-синий..." 358
"Отреклась и открестилась..." 359
"О, как убийственно мы любим!..." 360
"Этот дуб от зноя и от ветра..." 361
"Всё не теряется из виду..." 362
"Не винюсь. Не жалуюсь. Не трушу..." 363
"Февраль без вьюги не февраль..." 364
"Синевою даль набухла..." 365
"Её не удержать в руках..." 366
"Далеко, далеко, далеко ..." 367
"Занедужил в середине лета..." 368
"Стегал по стеклам..." 369
"Это правда, что в подлунном мире..." 370
"Голубой ковер из незабудок..." 371
"Сбежав втихомолку от книжек..." 372

Из книги "БАГРЯНЫЕ ЛИСТЬЯ". 2008

БЕЛЫЙ ПУХ

"Здесь русский дух..." 375
"При свете лампы закопченной..." 376
"Снятся мне в преддверии весны..." 377
"Опять ловлю губами струйку..." 378
Белый пух 379
"Звучат лихие песнопенья..." 380
"Я вспоминаю годы дальние..." 381
"Роятся мысли в голове..." 382
"По холмам, по нивам, по лугам..." 383
"Забитые и гордые..." 384
"Замолкла жалейка в долине..." 385
"Бродили по дворам палехи..." 386
Табак 387

"Глухо мельница ворчала..." 388
"Рагожинский поселок..." 389

БАГРЯНЫЕ ЛИСТЬЯ

"Сметает ветер под откос..." 390
"Среди глухого мелколесья..." 391
"В суматохе и тревоге..." 392
"Сплелись кусты и лопухи..." 393
"Вот и всё..." 394
"Средь опустевшего села..." 395
"Шалый ветер налетел с полей..." 396
"Мужик всю жизнь горбячил в поле..." 397
Багряные листья 398
"В кругу калиновых кустов..." 399
"Я утром в сад цветущий вышел..." 400
"Я стоял в раздумье под окном..." 401
"Жара свирепствует в России..." 402
"Ушла былая благодать..." 403
"Утихомирилась вьюга..." 404
"Я был последним старожилом..." 405

ОТ РАЗЛУКИ ДО РАЗЛУКИ

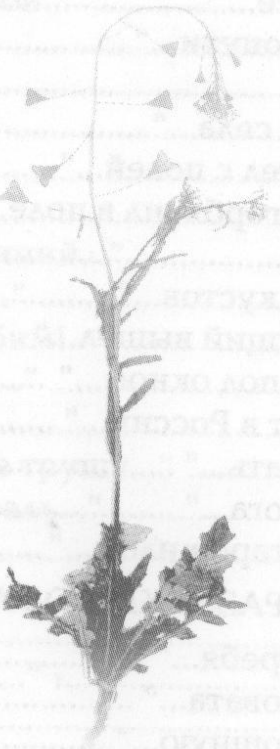
Дорожный посох теребя..." 406
"Видать, погода виновата..." 407
"Лежу, вздыхаю и тошную..." 408
"Порой замкнусь и занедужу..." 409
"Не жалея ласки и огня..." 410
Обтянуты туго и бедра, и грудь..." 411

СТАРЫЕ ГИЛЬЗЫ

"Под рев огня и стали..." 412
"Судьба Россию не жалела..." 413
"Не устают её поносить..." 414
"Заполонили весь экран..." 415
Вновь огневая полоса 416
"Под сень гудиловского крова..." 417
Лимонка 418

ИЗ АРХИВА ПОЭТА

Автобиография 421
Фотографии и документы 425

Иван Васильевич Александров

ПАСТУШЬЯ СУМКА

Избранное

Ответственный за выпуск *А.И. Лысенко*
Технический редактор *Н.М. Крыжановская*
Корректор *А.А. Гудкова*

Издательство "Вешние воды". 302000, г. Орел, ул. С.-Щедрина, 1.
Подписано в печать 25.11.2010. Формат 84x108 1/32. Усл.-печ. л. 24,36.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура BalticaC.
Тираж 1200 экз. Заказ 788.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО "Типография "Новое время".
г. Орел, ул. Итальянская, 23.

Это последняя авторская книга поэта. Это не значит, что в книгу вошли все лучшие стихи; за рамками этого сборника осталось несчетное множество прекрасных строк. Это означает, что в последовательности стихотворений, собранных в эту книгу, поэт видел наиболее верное отражение своего творческого пути.

* * *

Название сборника как нельзя лучше передает основные моменты поэтики Ивана Александрова: ясность и точность, сдержанность и верность. Пастушья сумка, скромный цветок, приютившийся у проселочной дороги, с большой символической силой выражает суровую простоту и скрытую красоту русской сельской жизни. А второй, буквальный смысл заглавия отсылает к прагматике деревенского обихода: в пастушью сумку ничего лишнего не кладут. Только самое главное.

